

ПО СЛЕДАМ СОФИИ

Обломки Расколотого мира

КЛАРА РУТТ

Клара Рутт

**По следам Софии.
Обломки Расколотого мира**

«Издательские решения»

Рутт К.

По следам Софии. Обломки Расколотого мира / К. Рутт —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-537588-9

После достижения Пещеры Дракона воины Ларс и Анна остаются без цели. Но впереди снова путь, и бывшим врагам предстоит унять гордыню и теперь сражаться по одну сторону. А между тем, сквозь трещины в Расколотый мир просачивается магия. Кто совладеет с ней? К чему приведет союз воинов? И какова будет расплата за чуждую силу?

ISBN 978-5-00-537588-9

© Рутт К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	33
Глава 4	49
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	83

По следам Софии Обломки Расколотого мира

Клара Рутт

Дизайнер обложки Tana Svoboda

© Клара Рутт, 2022

© Tana Svoboda, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0053-7588-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Пепел под ногами мешал продвижению. Стоило лишь неосторожно ступить на обожженную землю, белые хлопья взмывали в воздух, разлетаясь по округе, будто первые снежинки.

Пахло гарью. Клубы дыма нависли над разрушенными домами безмолвными призраками, кое-где еще тлели обуглившиеся бревна. Шальной ветер тормозил огарки. Некоторые срывались на землю с обгоревших балок, нарушая мертвое безмолвие деревни.

А ведь когда-то звуки жизни заполняли ее. Деревенские мальчишки гоняли соседских уток, а девчонки плели венки из полевых цветов.

Здесь были краски. Зелень трав переплеталась с молодой листвой деревьев, их соцветия отражали солнце, а небо разливалось синевой в придорожном ручье. Сейчас все окрасилось в серый.

Запахи трав и выпечки соседской поварихи теперь сменила горечь. Каждый шаг отзывался громовым раскатом, и каждый вдох вызывал приступ кашля. От дыма слезились глаза.

Влажные ладони еще сдерживали рукояти мечей, но чем дальше Анна шла по мертвой деревне, тем яснее понимала, что здесь ей не с кем биться. Деревня покрылась слоем пепла, и ожившая память о ней поспешила замереть где-то там же внутри, где покоилась все прежние годы. Здесь ничего не напоминало о прошлом.

Ларс убрал меч. Тысячи эмоций застыли на его лице в каменном оцепенении.

– Не это я ожидал увидеть...

Он прошел мимо, но быстро остановился, прикрывая лицо от потока потревоженного пепла.

Анна подняла голову. Небо было серым и тяжелым, ни один солнечный луч не пробивался сквозь толстую броню из туч. Лес по краям теперь казался далеким и недоступным, как будто вовсе не они с Ларсом в детстве сбегали туда от назойливых родителей. Наверное, он тоже пострадал от пожара и теперь, как мог, выживал в мире, где не было жизни.

– Я никогда не хотела вернуться. А теперь и не знаю, что для меня лучше: мертвая деревня или насмешки соседей, увидевших наше возвращение.

– Они все погибли.

Анна подошла.

– Я научилась не жалеть людей, Ларс. Это было нужно...

Она успела заметить немой укор в его взгляде, но мужчина резко отвел глаза и пошел дальше по ковру из пепла. Анна поспешила следом.

– Тебе даже не хочется узнать, кто это сделал? Если это Вилорм?

– Вилорм? Не думаю. Ему незачем идти сюда. Но даже если и он, то... за это я бы не стала мстить.

– А за что бы стала?

– За себя.

Она не посмотрела на Ларса и прошла вперед. Картинка вокруг не менялась. Все до единого дома в деревне были разрушены неведомым пламенем. Ни один посторонний звук не вмешивался в ровную поступь воинов.

Они шли по некогда главной дороге, соединяющей окраины деревни. В былые времена даже телеги могли проехать по ней, привозя изыски из Мирсула или Нэрроуза. Ярмарки проводились с размахом. Что ж, пожалуй, Ларс был прав насчет людей – они имели право на жизнь, и деревня могла процветать до сих пор.

И все же Анна остановилась. Превосходное чутье воина не подводило прежде, и сейчас что-то заставило ее озираться. Она подала знак Ларсу оставаться на месте, а сама продолжила

бесшумно ступать по дороге. Она старалась не тревожить тишину, вдыхая мертвый воздух и стараясь уловить причину беспокойства.

На мгновение ей показалось, что она вовсе ошиблась, привыкшая не доверять спокойствию в лесу, но все же, стоило ей замереть, как в клубах пыли воронкой закружилось цветное пятно. Едва заметное, оно юлой крутилось по земле, не переставая бороться с навязчивым пеплом. Анна приблизилась, и кружение прекратилось. Теперь землю покрывал все тот же пепел, и его однотонную серость ничего не нарушало.

Анна нахмурилась и глянула на Ларса, но тот лишь пожал плечами. Вероятно, он ничего не заметил. Но обернувшись назад, девушка отпрянула: с земли, укрываясь густыми хлопьями пепла, как одеялом, на нее глядели два огромных зеленых глаза.

– Ну, нет... я уже и не настраивалась биться, – девушка крепче сжала рукояти, готовая к любому действию, но ее предосторожность оказалась излишней: сквозь покрывало пепла на нее удивленно глазела пушистая рыжая морда.

– Это кошка! Здесь? – Ларс подошел, но животное с отчаянным «мя-у-у» вынырнуло из-под ног и ринулась бежать в обратную сторону, лишь сверкая рыжим хвостом.

– Слишком подозрительно, – Анна проводила кошку хмурым взглядом и все-таки убрала меч. – Здесь пустошь, разруха и нет ни одной живой души.

– Возможно, не все так однозначно, – Ларс осмотрелся. Хлопья кружили в воздухе, их не тревожил ни дождь, ни ветер, ни солнце – обстановка вокруг была такой же серой. – Будь начеку.

Они прошли дальше, непроизвольно увеличивая темп: если здесь никого нет, и ночлега ждать неоткуда, лучше не задерживаться. Но, как верно заметил Ларс, все оказалось не так просто.

Среди пустоши, обгорелых досок и пепельного поля, особняком возвышался один-единственный дом. Ее дом.

– Ларс? – теперь Анна шептала. – Ты тоже видишь это?

Мужчина кивнул, но ей не требовалось ответа. Она схватилась за горло, унимая душивший ком.

– Мя-яу! – кошка прыгнула на забор и теперь пристально следила, будто выжидала движение, и гнула спину на любое движение. – Мяу!

– Пошла вон! – Анна коснулась забора. С тех пор он не изменился ни на каплю. – Что это значит?

Дом снаружи не изменился. Такой же темный, бревенчатый, с резными ставнями на окнах и такой же чужой, как и раньше, он не вызывал никаких эмоций, кроме подозрения. Цветным замком он возвышался среди пустоши и разрухи, даже пепел не оседал на его крышу. Из трубы тоненькой струйкой потягивался дымок, а рядом, согнувшись от тяжести урожая, росла ветвистая яблоня.

– Там кто-то есть, – Ларс прервал молчание.

– Я должна войти...

– Я знаю.

– Оставь меня, ладно?

Анна не посмотрела на Ларса, но он подошел сам:

– Это может быть ловушка.

– Что бы это ни было, я готова. Прошное или разрушенное настоящее, не знаю. Но я готова увидеть его. Ларс, прости, я не могу... с тобой.

Ларс выдохнул:

– Понимаю. Но не могу тебя оставить.

Не дожидаясь ответа, он толкнул плечом калитку и вошел первым. Игнорируя яростный взгляд Анны, знаком указал держаться рядом и страховать в случае нападения. Девушке ничего не оставалось, как следовать за ним.

Ларс украдкой обернулся и дал знак дежурить у входа. Сам же прошел чуть в сторону от яблони, убедился, что снаружи пусто, и направился к крыльцу.

Его шаги отозвались сухим хрустом, Анна вдохнула сладкий аромат яблок. Ларс коснулся металлического кольца. Дверь была не заперта снаружи. Здесь могли жить другие люди, и нарушать их покой они не имели права.

– Будь здесь, – Ларс прошептал едва слышно и потянул кольцо на себя. Под ногами снова возникла кошка.

– Мя-у! – она провозгласила нарочито громко и умчалась куда-то в сад, за яблоню.

– Я еще раз проверю снаружи, – Анна кивнула Ларсу, чтобы входил, сама же осторожно прокралась вслед за кошкой. Напротив дома до сих пор стоял чахлый сарай, и он мог укрыть ее в случае встречи с незнакомцами.

Обрывки прошлого возникали перед глазами, путая мысли. Неважно, кто теперь здесь хозяин. Надо было просто пройти мимо.

Анна выдохнула. Еще пара мгновений, и они уйдут. И больше никогда не вернуться в прошлое. И плевать, что здесь случилось.

Где-то за сараем Анна уловила шорох. Кошка ли, человек там скрывались – неважно. Она не могла подойти ближе, не могла видеть все, что пыталась забыть долгие годы. Озябшее от бывшего тело вдруг пронзила упрямая дрожь.

Она хотела уже окликнуть Ларса, что пора уходить, но что-то помешало. Горло заложило, и вместо звуков послышался лишь сип. Анна повела плечами, но и те оказались сдавлены неопознанной преградой. Словно тугие канаты заключили ее в объятия и с каждым движением сжимались сильнее. Вокруг по-прежнему никого не было.

Анна закутила головой в поисках ловушек, но тщетно – голова неестественно запрокинулась набок. В ответ на попытку вдоха по груди прошлись новые путы, ноги подкосились, но что-то не дало ей упасть.

Путы подняли ее над землей, затягиваясь сильнее. Тугие петли обвивали шею, скручивались и опускались к ногам. Анна стала заложницей невидимых заклинаний. Отец бы посмеялся, увидев ее такой. Весьма комично умереть от магии в собственном доме, в котором магия – главный хозяин.

– Ты не одна здесь, я видел второго вора, – голос раздался со стороны сарая, – но помощи от него не жди. В моем доме полно сюрпризов для незваных гостей.

Пошевелиться и даже краем глаза взглянуть в сторону дома Анна не сумела: воздух буквально сам вытекал из легких, и перед глазами пошли темные круги. Вот черт, неужели и Ларс попался?

Но оценить ситуацию Анна не успела. Перед ней появилась фигура юноши в атласной мантии, под темным небом отдававшей фиолетовым отливом. Возле его ног кружилась кошка.

Первая щетина еще не успела появиться на лице парня, но мастерством магии он владел искусно. Он возник напротив девушки и вальяжно перебирал пальцами. В ответ на его движения путы отзывались душашей теснотой. Но Анна теперь не скрывая разглядывала мага.

Кудрявый, рыжий, с россыпью веснушек на белом лице – неужели перед ней Тензе? И в большей степени, чем все остальное, эта догадка могла оказаться правдивой. Возраст тот же, те же черты, те же волосы... но откуда магия?

Путы, словно змеи, скользили по ее телу, забирая воздух. Пояс с оружием упал наземь, девушка напряглась, не теряя попытки сопротивления, но вместо этого в кожу будто вонзились тысячи игл, и Анна вскрикнула.

– То-то же! – маг развеселился. – Чтобы не было повадно зариться на чужое.

Кажется, Анна уже не видела. Перед глазами расстилалась только тьма, и воздух так не вовремя покидал легкие. Но вместе с тем, буквально физически она ощутила, как веки поднимаются по одному лишь безмолвному указу мага, и время останавливается навсегда.

– Бросай свои шуточки, Тензе! – голос Ларса заставил ее встрепенуться. Маг отошел на шаг, неуклюже ловя руками рыжую прядь. Метательный кинжал воина задел его волосы и вонзился в землю за спиной. Пути ослабли, Анна осела на землю.

– Не от тех ты здесь прячешься, негодный мальчишка! – Ларс в два шага оказался возле мага и приставил к его шее меч. На самом краю лезвия висела маленькая корзиночка, начиненная, как помнила Анна, заговоренными травами. – Уж кому, а нам твои ищейки знакомы не понаслышке!

Ларс резко опустил лезвие на землю, раздавливая острием тягучую смесь. Кошка вздыбилась и с шипением ринулась прочь.

– Значит, все-таки... Тензе, – Анна прошептала, пытаясь вдохнуть. Воздух разливался по легким горящей лавиной. Картинка перед глазами до сих пор не обрела четких очертаний, но все же она могла различать перед собой Ларса и ошалевшего мага.

– Ты цела? – Ларс не подошел, держа на крючке мага. – Без выходов! – он повернулся к парню и дал знатную пощечину. Тот вскрикнул, теряя равновесие, и повалился наземь. Ларс повторил громче. – Анна, ты цела?

– Ты вовремя, – она кивнула мужчине, плавно поднимаясь. Дыхание постепенно выравнилось, но грудь все так же вздымалась.

– Значит, так теперь встречают гостей, Тензе? – Ларс вновь повернулся к парню и собственноручно поставил на ноги. Тот зло сверкнул глазами.

– Значит, так теперь выполняют наказания родителей? – он передразнил, и откуда-то сбоку возник прозрачный сгусток энергии и направился к Анне. Та успела увернуться, но за ее спиной мгновенно запылал сарай.

Ларс не поскупился на новый удар, девушка подошла ближе:

– Ну, здравствуй, братец. Дар все же нашел тебя?

– Руки! – Ларс рявкнул, но маг лишь рассеянно улыбнулся:

– Огонек... надо бы задуть.

– Так задуй. Мы не против, – Ларс достал веревку и связал парню запястья, тот застонал. – Не хнычь! Ну? Покажи мастерство.

Тензе закатил глаза, но приказ все же исполнил. Набрав в легкие побольше воздуха, одним движением указательного пальца он направил поток к пылающему сараю. Через мгновение его охватил воздушный купол, а затем невидимая шапка покрыла пылающую крышу сарая, и от недавнего пожара остался только дым. Как раз под стать мертвой атмосфере деревни.

– Добро пожаловать домой, – он натянул улыбку и перевел взгляд с одного на другого. – Здесь малость все преобразилось за время вашего отсутствия.

– Что здесь произошло? Где люди? – Ларс взял на себя роль задавать вопросы, и Анна была благодарна: в былое время общение с братом ни к чему хорошему не приводило.

– Сгинули, – Тензе пожал плечами. – Пожар унес их жизни. Мне повезло. Магия, знаете ли, великое дело! Правда, мистер Красс? – он обратился к кошке, которая вновь возникла у его ног. – Мистеру Крассу повезло оказаться со мной под одной крышей.

Ларс глянул на Анну, она кивнула. Выбора не было: они проделали неблизкий путь, чтобы провести заслуженный отдых в сугробах пепла. Даже если бы деревня жила прежней жизнью, вряд ли бы им позволили остаться хоть на ночь. Для своих они изгои, нарушившие заветы отцов в день их смерти. Осквернившие их память неповиновением. Как они могли тогда выбрать жизнь?

– Мы переночуем здесь. Только одна ночь, и мы уйдем, – Ларс опустил на корточки перед Тензе. Тот всем видом показывал покорность.

– О, сколько угодно, Ларс! Надеюсь, вам хватит этого времени, чтобы обо всем поведать! Но учти, – он оскалил зубы, – я болел не за тебя. Все же вы здорово всех обставили!

Анна сжала кулаки. Вот он, ее родной брат. Когда она уходила, он был восьмилетним ребенком, а ей было плевать на его судьбу, на себя и заветы отца. Главное, что Ларс – ее враг, и целый мир – против. Так продолжалось долгих десять лет, а сейчас? Поменялось многое, но его жизнь осталась прежней с момента их последней встречи. Что-то произошло в деревне, и Тензе оказался единственным выжившим. Детские ссоры не играли теперь никакой роли, их связывала кровь, и сейчас настал момент, чтобы решить прежние вопросы.

Ларс вновь ответил:

– Ладно, Тензе, бросай ехидство. Думаю, и тебе есть что рассказать нам.

Парень до сих пор ухмылялся, и Анна вспыхнула:

– Ты серьезно, Ларс? Ты думаешь, он скажет нам хоть слово? За любым его движением нужен надзор, чтобы он не подпалил кого-то ненароком!

Ларс звучно выдохнул, но Тензе вдруг поднялся. Он приблизился к Ларсу и, не отводя надменного взгляда с девушки, прошептал как можно громче:

– Она ненавидит меня.

Анна процедила сквозь зубы:

– Мне до тебя нет дела.

Но Ларс ему ответил:

– И меня тоже.

Анна оставила его фразу без ответа, и Тензе расплылся в улыбке:

– В таком случае, гости дорогие, прошу располагаться, – он поднял связанные руки и щелчком пальцев открыл дверь.

– После вас, – Ларс не тронулся с места, пока маг не вошел в дом.

Следом двинулась Анна.

Внутри все осталось прежним. Даже вещи не меняли порядок за десять лет ее отсутствия, и оттого Анна не хотела смотреть. Она не желала видеть прошлое, от которого бежала всю жизнь. Она дома, она вернулась сюда, но зачем? Что ждало ее в пустоте, среди старых вещей в холодных стенах? Даже в детстве она была одна, а сейчас? Сейчас словно еще хуже. Зря они пришли. Родная деревня – это точка невозврата, и придя сюда, они нарушили ход вещей. Ларс заметил ее замешательство в коридоре и притянул к себе, но она не подняла глаз.

– Только один день, Анна, – он прошептал ей на ухо. – Завтра мы уйдем.

– Следи за ним, – она не посмотрела на мужчину и поспешила пройти в гостиную.

И там снова – головокружение.

Боясь смотреть, она опустила на деревянную скамью под окном, Ларс расположился рядом. Образы прошлого, выстраиваясь теперь в цветные картинки, становились явью – в прежней обстановке ее окружали те же люди. Что-то изменилось с тех пор, у каждого за плечами теперь своя история, но зачем они оказались здесь снова? Ларс чувствовал ее напряжение, он вновь повернулся к ней, но отчего-то внутри лишь сперло дыхание. Он понимает ее чувства, как всегда понимал, но пусть он только ничего не говорит, пусть они скорее уйдут отсюда, пусть Тензе расскажет им о том, что здесь случилось...

– Ну, рассказывайте, – он появился в проходе и, не скрывая вновь свободных рук и бесовского взгляда, расположился на пуфе напротив. – Как вам это удалось?

Анна глянула на брата. Даже в детстве у него был скверный характер, вряд ли что-то за все время смогло сделать его покладистей. А сейчас им нужно было лишь получить сведения и идти дальше, но он, как назло, требовал объяснений сам.

– Что именно удалось? – Ларс вновь взял право слова, но Тензе лишь пожал плечами:

– Выжить, – он выпрямился. – Выжить обоим. Насколько я знаю, наш благородный папочка планировал несколько иное, и теперь вы оба в ответе.

– Отец мечтал лишь мстить Герциусу, – Анна кивнула в сторону Ларса. Ее голос стал тихим и низким. – Нашими руками.

– И только? А как же благие намерения во избежание нового Раскола?

– Ты желаешь оправдывать его? Сейчас?!

– О нет, мне это незачем, сестрица... я лишь хочу быть уверен в своей безопасности. Признаюсь, я уже не надеялся увидеть вас обоих, но вот вы передо мной! И сейчас я несколько обескуражен: что же делать? – теперь он походил на хищника, рыскающего в поисках жертвы. Он впился глазами в ее лицо и неспешно переводил взгляд на Ларса.

Пальцы судорожно отбивали неровный ритм. После безуспешных попыток унять их непрерывный танец Анна вцепилась за край скамьи, и с каждым новым словом брата ее хватка становилась сильнее. Мгновение еще продолжалась борьба их взглядов, но вдруг она ощутила ладонь Ларса поверх своей, и он ответил:

– Полагаю, Тензе, ты что-то знаешь. Чего ты опасешься?

Пульс Ларса ровными ударами сдерживал бурю, на заданный вопрос Анна также ждала ответа, но Тензе лишь ухмыльнулся. Он неспешно поднялся, убрал руки за спину и принялся мерить комнату неторопливыми шагами.

Анна позволила себе, наконец, взглянуть на Ларса. Он еле заметно покачал головой и крепче прижал ее руку к краю скамьи. Она вздохнула, но, собрав мысли воедино, поменяла стратегию поведения:

– Он лишь защищает нашего отца, Ларс! – воскликнула. – Он всегда был его любимчиком. Он унаследовал дар, не я!

– О, именно, Анна! – Тензе резко остановился и повернулся к ней. – И только поэтому ты должна была уйти тогда...

– Не уйти, Тензе! Я должна была убить Ларса! Девчонка, которая никогда не видела в своей жизни убийства, должна была совершить его сама!

Но он лишь вновь расхохотался:

– О, милая, наивная Анна... ты всерьез так думаешь?

– Хватит, Тензе! Говори, что знаешь. Уж поверь, с тех пор она убийства не только наблюдала.

– Охотно верю, Ларс. И раз уж и ты здесь, я расскажу вам, как все должно было случиться...

Итак, все помнят славную историю наших отцов – Герциуса и Ризвела. В молодости их разделила женщина, а ее смерть погубила их обоих. Все во имя магии, все ради нее! Наша матушка не смогла пережить магические опыты отца – он упивался непостижимым знанием, бредил новыми силами, и чем могущественнее становился, тем меньше контролировал себя. Мама стала жертвой его дара, и твой отец, Ларс, не смог простить ему ее смерть. Гордость взяла свое – Герциус решил мстить. Вызвал нашего папаню на дуэль, и... ну, дальше вы все сами знаете.

– Ризвел грезил, чтобы у его детей тоже был дар, – вдруг Ларс подхватил рассказ Тензе. – Эта мысль руководила его безумием. Он был готов сделать что угодно, лишь бы нить магии не прерывалась.

– Да, верно, но при его жизни ни у кого из нас дар не открылся. И что же дальше? Дуэль, смерти, разочарованные дети, м-м?

– Все прекрасно это помнят, Тензе. Наш отец хотел смерти не только Герциуса, но и Ларса. А я должна была выполнить его последнюю волю.

Вдруг Анна заговорила очень тихо, как будто ей только и не хватало того, чтобы рассудить прошлое, однако, Тензе продолжал восклицать:

– Отличная версия, Анна, но что скажешь ты, Ларс? Говори, что знаешь! Мне очень любопытно видеть вас обоих, и, насколько я могу судить, ты знаешь гораздо больше, нежели моя недогадливая сестренка...

– О чем он говорит?

– Сейчас это неважно, Анна. Все случилось не так, как должно.

– Это верно. И кто из вас двоих ответственен за последствия?

– Ты не понимаешь, Тензе, – Ларс вздохнул и теперь смотрел только в глаза мага. – Анна уже убивала меня...

Тензе прокашлялся:

– Ай, да послушная девочка Анна... вот только, почему?? – теперь он тоже повернулся к Ларсу, и в глазах его плясали неподдельные огоньки злости. Но Анна лишь высвободила руку и повернулась к мужчине:

– Что значит – почему?

Ларс украдкой глянул на Анну, но не успел сказать и слова. Вместо него Тензе продолжал свою пылкую речь:

– Ты еще не поняла? Ты должна была умереть тогда, не он! Для этого отец отправлял тебя по следам Ларса, в надежде, что ты найдешь посох Истинного мага! А Ларс все прекрасно знал, поняла? Но когда бы ты коснулась посоха, то не смогла бы выжить, потому что лишь в руках истинного мага он раскрывает свою силу. Отец был уверен, что не погибнет на дуэли, но знал и славного Герциуса. Хоть он уже хромал на одну ногу и потерял былую форму, он слыл отменным воином. Поэтому Ризвел придумал уловку: смерть одного тянет смерть второго. И передал это проклятие по наследству. После смерти мага дар получает старший из его детей, так? Но дар передается по мужской линии, так? Он хотел сохранить меня, а тебя отправить за посохом. А после твоей смерти я бы обрел силу.

– Что это за посох? Отец не давал наставлений что-то искать! Да я и не хотела ему подчиняться!

– Ха! Это уже другой вопрос, сестренка! И папаша знал, что ты не подчинишься. Но знал, что рядом с тобой есть один любознательный мальчишка...

– Ларс... был уловкой, чтобы вывести меня к посоху... кажется, я понимаю, – Анна очень плавно повернулась к мужчине и теперь не сводила с него глаз. – Ты знал?

Что-то незнакомое до сих пор промелькнуло в глазах воина, но все же он опустил взгляд. Анна ждала ответа, Тензе тоже замер в стороне, и спустя еще мгновение Ларс подобрал слова:

– Мне было известно о посохе, это правда. Ризвел приходил к нам в дом накануне дуэли, он утверждал, что он – Великий Маг, и ему нужен лишь этот посох, чтобы предотвратить новый Раскол. Его смерть сместила бы равновесие, что он посланник магии, и что есть еще трое... Какие-то безумства, не более того. Мой отец пытался его вразумить, но тщетно. Я сам вызвался найти посох, чтобы прекратить эту бессмысленную перепалку. Ризвел успокоился, но на следующий день на дуэли он подставил нас всех.

Анна встала:

– И все же ты всерьез ушел...

– А я обрел силу, – в руках Тензе появился магический шар. – Так, может быть, поставим уже точку в этой затянувшейся истории?

Анна не глянула на брата, но Ларс достал меч:

– Ты не посмеешь тронуть ее.

– О, Ларс, с таким защитником, как ты, нет, конечно! – он направил шар на Ларса, но тот вдруг распался на тысячи мерцающих искорок.

Ларс вздохнул, одним движением руки собирая осколки в кулак:

– Дурак ты, Тензе...

Тот опешил:

– Ты? Откуда это? Что за магия?

– Маленький фокус служителей Серебряного Ордена, не более того.

– Мирсул? – Тензе оскалился. – Значит, ты был там! Ты нашел посох?

– Если захотите меня убить, я буду рядом, – Анна проговорила безразлично и покинула комнату.

* * *

Все было неправильно. Всю жизнь, с самого первого шага за порогом дома, она гналась за ложной целью. Еще десять лет назад все решилось другими, и она поддалась влиянию этой лжи. Она стала той, кем никогда не должна была становиться. Такой ее хотели видеть другие. Но ее кукловоды ошиблись.

Порвались нити управления, и она сама избрала свой путь. Но разве она хотела? Разве желала взять меч в руки и идти крушить головы врагам? Нет. Враги появились сами.

Черный Орел и Вилорм во главе вдруг стали самой главной целью, но они сами встали на ее пути, а Ларс? Никакой завет отца не убедил бы ее пойти против него, даже на смертном одре, но Ларс решил иначе. Он ушел, отвернувшись от нее, оставил одну на распутье, и, чтобы выжить, Анна начала бороться.

Так было до сегодняшнего дня, а теперь... как будто все стало зря: ее цели, ее война, ее жизнь, – не имели ни грамма ничтожного веса.

Девушка осмотрелась. В ее комнате были книги, но раньше Анна не умела читать. Она жила здесь все детство, этот дом наверняка до сих пор помнил ее слезы и боль от побоев отца и его хмельных загулов. Но главным дурманом для него была магия – знание, сгубившее кроме его собственной, судьбы многих.

Все десять лет, что она пыталась выжить, пыталась найти компромисс между его волей и своим собственным желанием, он лишь хотел избавиться от нее, как от преграды. Даже после смерти.

Все ради Тензе. Ради его дара. Ради магии.

Анна прошла вдоль стены: она дома. Ничего не изменилось, только звуки с улицы пропали, а вместо зелени листвы за окном – прах. А внутри оставались кусочки ее прошлого.

И она не могла их видеть. Неуверенно опустившись на край кровати, девушка закрыла глаза. Усталость. Только она заставляла прятаться, забыть о присутствии Тензе, забыть о том, что здесь прошлое. Вот только прошлое вдруг стало истиной, оно всегда обитало в этом доме, но ее не было. Она ничего не знала. Все десять лет она была слепа, гналась за выдуманной правдой, сражалась за чужие ценности, так и не найдя свой путь. Отец виновен в этом? Ларс? Вряд ли...

Неуемная дрожь вновь подбиралась к телу, и, забравшись на кровать с ногами, девушка обхватила колени. Когда-то они прятались здесь от взрослых. В тайне ото всех они с Ларсом соорудили подпол, а за ним – дверь на улицу, а оттуда можно было бежать хоть куда, и сейчас хотелось сделать то же.

Ларс все знал. Все эти годы он шел против последней воли Герциуса, и в том, что он оставил ее, заключалась его честность перед собой, перед ней, перед своими действиями. Тогда он избрал свой путь и в одночасье стал заклятым врагом на всю оставшуюся жизнь. И оттого Анна не могла оправдать его, не могла рассудить его мотивы, почему он молчал? Почему до сих пор они сражались по разные стороны?

Совершенно ясно, что отец не мог быть прав, он был сумасшедшим – магом, которого никто не воспринимал всерьез. Над ним смеялись, его не боялись и не уважали, но он наплевал на чужие мнения. Он всю жизнь искал Истину, которая завела его в могилу и сгубила жизнь его детям. Но тогда... разве можно было разгадать его замыслы? Вряд ли Тензе был счастлив. Он остался один, наедине со своим даром и, наверное, день за днем сходил с ума, повторяя

участь отца. Но он не вызывал жалости. Это был его выбор, и он в ответе за все, что с ним происходит, прежде всего, перед самим собой.

Из соседней комнаты доносились голоса. Ларс сумел разговорить Тензе – кто бы сомневался, – но Анне не было дела, о чем они вели беседу. Боялась ли она Ларса? Да, поначалу. А сейчас? Он спас ее, вместе они прошли через горы, с ним она вновь оказалась дома. И все это после того, как однажды она копьём пронзила его сердце.

Не теряя больше времени на раздумья, девушка поднялась – она не собиралась здесь оставаться. Она еще раз обошла комнату и остановилась в дальнем углу. Под ногой скрипнула половица. Все, как прежде – стальное кольцо на полу открывало люк в погреб.

Она должна уйти без лишних вопросов и бессмысленных пересечений с братом и Ларсом. Они потолкуют, обсудят жизнь, бывшее; возможно, похлопают друг друга по плечу, потягивая хмельное пиво. Она не должна остаться.

Анна потянула за кольцо. На удивление, люк открылся очень легко, словно еще вчера через него она убежала из дома.

В погребе пахло сыростью, но противного крысиного писка не слышалось – все-таки от пожара порядком досталось и вредителям. Тесный угол пустовал, и Анна сразу направилась к проходу. Уже смеркалось, в погребе и вовсе сгустилась тьма, но девушка перемещалась на ощупь. Воспоминания встрепенулись в родном доме, но остаться здесь на ночь означало принять прошлое и продолжить жить сначала.

Сегодня все изменилось. Перед ней возникла другая правда, и чтобы смириться с ней, сколько дорог предстоит пройти снова? Анна толкнула низкую дверку и шагнула в мертвые сумерки.

* * *

В зале переговоров огни на стенах горели ярче обычного. В самом центре стола языки пламени свечей вытянулись по струнке. Даже грубые голоса мужчин вокруг не вызывали трепетного движения. Разговор шел о дальнейшем развитии замка.

После присвоения власти Грезором Белый Ястреб опустел. В его стенах гулял ветер, а по коридорам редко проходил заплутавший житель. Основная часть обитателей замка сосредотачивалась теперь в подземельях – сырых темницах и пыточных камерах. Новый правитель не доверял никому: служители Изабеллы до сих пор были верны прежней королеве, бывшие же подданные Черного Орла считались захватчиками. В целях безопасности своей и немногочисленных приближенных новый правитель распорядился заключить всех предположительно неверных под стражу.

Перед ним сейчас находились лишь Ланез и Демьян – молодые советчики в части магической и военной подготовки.

– Что ж, Ланез, могу не спрашивать об успехах? Ты вновь повторишь мои догадки о магических промахах?

– Милорд, прошу простить, но... здесь не выходит колдовать. Я даже радуго создать не могу, – парень побледнел, широкими глазами устремившись в надменное лицо правителя.

– Заметь, Ланез, ты единственный из армии Черного Орла, кому я миловал свободу. Я думал, это стоит ценить, – голос Грезора стал безразличным, мужчина зевнул.

– Я стараюсь, каждый день стараюсь, милорд. Но все попытки тщетны. Мне нужен хотя бы малейший магический предмет. У Диара были такие.

– Никаких предметов! Мне казалось, ты прекрасно видел, что с ним сотворили твои «предметы»! Нужно лучше стараться, мой милый, и тогда все получится.

– Я понял, милорд, – Ланез потупил взгляд, голос его стал почти не слышим.

– Что ж, Демьян, а что насчет тебя? Вопросы экономики совсем отвлекли меня от моей страсти, так поведай, что у нас с военной подготовкой?

– Милорд, у нас дисциплинированная армия, это верно. Еще не наступил тот день, чтобы ваша верная закалка не оправдывала себя в строю.

– Отлично, Демьян, отлично! – Грезор не смог сдержать ухмылки. – Восстановление замка продвигается?

– Нас очень мало, милорд. Мы начинаем заниматься восстановлением с первыми лучами солнца, с полудня тренируемся, на закате часть людей уходит в разведку, часть остается на ночное дежурство на стенах и у ворот. С утра мы меняем посты, – Грезор нахмурился, и в ответ на его молчание юноша заключил. – Воины измотаны, милорд. Нам нужны новые силы...

Грезор звучно выдохнул. Он сдвинул брови и опустил взгляд, словно не замечая присутствия подопечных. Молодые люди перекинулись обреченными взглядами и застыли в ожидании ответа правителя.

– Что уж говорить о дипломатии, да? – он рыкнул. – Что уж грезить нам об альянсах, когда внутри порядок навести не можем?

– Милорд, – пискнул Ланез, но Грезор не дал ему сказать:

– Что уж говорить об остальных предателях и бесчестных налетчиках, когда даже преданные люди не в силах оправдать моих надежд?

– Милорд, – Демьян поднялся, и Ланез побледнел еще сильнее. Но тот подошел к господину, опустился на колени прямо перед ним и, склонив голову, начал свою тихую речь. – Милорд, я понимаю вашу обеспокоенность, но все же... прошу выслушать. Нам нужна свежая кровь в ряды, и, возможно, стоит освободить часть заключенных. Я даже не думаю о Черном Орле, но люди, служившие королеве, были ей преданы...

– И как ты смеешь, Демьян? – Грезор не поскупился отвесить приличную оплеуху военному советнику. – Они предали нас в первую очередь! Они обманывали нас, манили наших родных неведомыми странами и чудесами неземными, и теперь что? Они лишили нас семей, Демьян! И поэтому мы лишили замок лживой королевы! – Грезор поднялся и теперь скалой возвышался над юношей. – И как ты можешь закрывать глаза на такое? Насколько я знаю, твою семью постигла та же участь...

– Я знаю, милорд, – Демьян схватился за пылающую щеку, но продолжал стоять на своем. – Но сейчас тяжелые времена для замка, и...

– Я понял, – вдруг Грезор легко отмахнулся. – Займи свое место, Демьян. Твои слова не лишены смысла, я признаю, но... это риск для нас! Наши силы слабы, нас мало, чтобы бороться еще и внутри замка. Однако, – он зашагал по залу, – я готов дать шанс пленным воинам Черного Орла, почему нет?

Он ускорил шаг и стал мерить комнату зигзагами. Молодые советники вновь переглянулись, Ланез кивнул Демьяну в знак одобрения, но тот лишь закусил губу и покачал головой – не к тому выводу, вероятно, должен был прийти Грезор, и Ланез лишь пожал плечами.

– Ланез! – Грезор встал напротив мага. – Среди заключенных из твоего замка могут быть маги?

– Они умерли, милорд, – парень так и не решался взглянуть ему в глаза. – Диар, кроме своей жизни, унес в могилы жизни еще двоих учеников. Но у заключенных могут быть артефакты, и если бы вы позволили...

– Я еще ничего не позволил, глупый ты мальчишка! Я приму решение, и оповещу вас обоих, как только буду готов. А сейчас... прошу всех вон!

Два советника, как один, вскочили со своих мест, но, несмотря на заметную бледность и учащающуюся дрожь в теле, к выходу не спешили.

– Что-то еще, господа? – Грезор не скрывал гнева. Последнее слово, будто вынырнуло из самых глубин его злости.

– Д-да, милорд... простите, милорд, – теперь Ланез опустился на колени. – Сегодня мы получили вот это, – он достал из-за пазухи свиток и протянул господину. На пергаменте видне-

лась зеленая печать, но теперь она была сломана. Послание уже вскрывалось, и Грезор, неумело скрывая подступающую панику, скрестил руки на груди:

– Что это, Ланез?

– Милорд, это послание из Наллароса. Они ждут оплаты дани от нас. Уже дважды Изабелла игнорировала их требования, и теперь они просят настойчиво...

С лица Грезора пропала всякая тень ухмылки, и он почти прошептал:

– А иначе... что?

Ланез позволил себе подняться и прямо посмотреть на господина:

– Милорд, а иначе... война.

* * *

Вместе с ночью на деревню опустились причудливые тени. Где-то на далеких улицах виднелись одинокие огни, но в их свете потоки пепла казались мерцающими звездами. Такими близкими и такими лживыми звездами.

Анна нашлась возле Ивы. Обнаружив открытый люк в подвале дома, Ларс долго не думал: несмотря на тьму и отсутствие улиц как таковых, ноги сами вывели его к этому месту. К их месту.

Ива росла на самой окраине, почти на границе с лесом, и в былое время именно она стала спасением для двух потерянных душ. Как ни странно, но пожар пощадил ее. Даже сейчас, в позднюю осеннюю пору, ее листва, насколько мог видеть Ларс, еще не окрасилась в желтый.

Здесь до сих пор был колодец, а рядом – простенькая скамейка, безмолвно охранявшая прошлое обоих, но Анна опустилась на землю. Она наклонилась спиной на широкий ствол, закрыла глаза и казалась неподвижной. Ларс опустился рядом.

– Почему ты не сказал мне? – она промолвила сразу, но не повернула головы.

– Боже... Анна, только не думай об этом сейчас, – он выдохнул. Над ними в воздухе плыла белая пелена пепла. Она растворялась во тьме ночи, скрывая небо, и казалось, что они накрыты одеялом. Что теперь, наконец, они были в безопасности. – Все, что происходило тогда, все наши решения... тогда они казались верными, но мы не знали замыслы родителей. Мы не узнаем до конца, что произошло на самом деле, но и сейчас не время рассуждать о прошлом наших отцов.

– Мы вернулись сюда, Ларс! И если я имею право говорить об этом, то это самое подходящее место!

– Я понимаю, – он опустил голову, но она продолжала восклицать:

– Я должна быть мертва, понимаешь? Я никогда не должна была становиться воином, не убивать и не бороться за жизнь! Я должна была найти какую-то магическую палку и умереть! И всем от этого было бы лучше! – она посмотрела на Ларса. – И только из-за тебя я живая, только из-за тебя ты враг мне, только из-за тебя я не верю тебе! Как это сложно, проклятье!

Теперь она не сводила с него глаз, будто ожидая ответа. А он... впервые видел в ней отчаяние. Она растерялась, вероятно, потерпела главное поражение в жизни, и не знала, что теперь – правда. Она могла и вовсе не говорить с ним, она могла уйти и больше уже никогда не встретиться ему на пути, но осталась, и, значит, он не вправе подвести ее доверие.

– Пусть так. Я покинул тебя и всю жизнь корил себя за трусость, но сейчас вдруг понял, что это было самым правильным решением. Покинув тебя, я спас тебе жизнь.

– Все стало еще запутанней. Мне проще было считать тебя врагом, а теперь... я не знаю, – она понизила голос и опустила глаза.

– Мы идем дальше, ведь так? – Ларс позволил себе улыбнуться. – Это место вернуло нас в прошлое, но мы не будем останавливаться. Нам нужен лишь ночлег.

Анна покачала головой:

– Я не хочу в дом. Я не могу быть там, понимаешь?

- Мы стали другими, а там... наше прошлое.
- Почему он не сгорел, как все остальные? Даже деревня изменилась, кроме дома. От чего я убегала, к тому же вернулась сейчас.
- Деревня не изменилась, Анна. Ее просто нет.
- Тензе что-то говорил об этом?
- Да, он сказал, что сюда приходили захватчики восемь лет назад. Они были беспощадны, крушили все на пути, грабили дома, а потом сжигали. Он поставил купол, наложил заклинание, и это спасло ему жизнь. Вот только дым с тех пор так и не развеялся.
- Магия... опять, – девушка поморщилась.
- Только в твоём доме, Анна. Думаю, что это Тензе колдует, создавая видимость недавнего пожара.
- Все-таки он унаследовал дар...
- Но не было никакого посоха, ведь так?
- Да, не было, – девушка вздохнула. – Отец и вправду бредил. Да и ты, как я поняла, даже не пытался искать его.
- Я хотел только уйти. Уйти куда угодно! Я объявить войну всему миру был готов тогда! Но... ушел и попал к Вилорму, – Ларс усмехнулся. Вот только какая-то грустная у него вышла усмешка.
- И за это я должна сказать спасибо. Вдруг только поэтому я жива? – теперь она глядела на него прямо. Она испугалась, открыла другую сторону прошлого, ждала поддержки, и Ларс вдруг стал единственным человеком, кто мог ответить на ее сомнение.
- Вдруг твой отец был прав, ты имеешь в виду? Это вряд ли.
- Ни один звук не смел нарушать тишину, среди которой были только двое... но кто они друг другу? Друзья детства? Враги? Любовники? Герои? Как никогда, теперь это стало неважно. Они вернулись, и какой бы ни был разрушенный и равнодушный, но это был дом. И если он вновь сплетал их судьбы в одну, то Ларс мог быть ему лишь благодарен.
- Я знал, что ты не уйдешь...
- Наверное, она услышала, что хотела. Чтобы Ларс прочитал ее боль, и он не отводил взгляд. И ее глаза в ответ беззвучно кричали: «Не обмани! Будь мне опорой! Будь, наконец, рядом!», и Ларс принимал ее слабость. Он будет с ней, он станет щитом для той, которая бросается в атаку не глядя. Ее ведет цель, и ничто еще до сих пор не сумело подкосить ее твердую поступь. И дальше они пойдут рядом.
- Я кое-что не успела тогда, – Анна приблизилась и сама сжала его руку. – Здесь, на этом месте, когда ты уходил...
- Ты не должна, – Ларс проговорил так же тихо. – Я знаю, что это место причиняет тебе боль, но завтра мы уйдем, и все станет по-другому.
- Нет, должна... решить это здесь. Я должна отпустить... тебя.
- Она неловко повернулась на месте и оказалась напротив. Пепел оседал на ее волосах и на фоне ночного неба будто светился. Но еще ярче светились ее глаза.
- Ларс потянул на себя ее руку, но ее губы оказались быстрее. Анна поцеловала его мягко, по-девчачьи робко и немного наивно, будто ожидая ответа от мальчишки, который ей нравился потому, что был старше.
- Но он не был старше. Он был таким же, а она... была другой? Только что ее губы безмолвно промолвили «нет», но Ларс знал, как ответить.
- Теперь он притянул ее всю, прижимая к себе всем телом, подавая вперед и тревожа в волосах пепельные снежинки. Его губы коснулись ее шеи, Анна запрокинула голову, открываясь его поцелуям. Они уже не подростки, они взрослые люди, которым не нужно позволение родителей на чувства. Они оставят эту страсть здесь, у Ивы, вместе с прошлым, к которому уже точно не вернуться никогда.

Глава 2

Анна перевернулась в кровати. Комнату наполнял дневной свет, ночь как будто и не заявлялась в эти края, а утро успокаивало безмятежностью.

Отсутствие лесных звуков ударило по ушам, как и отсутствие жизни, но одно дыхание она все же смогла уловить. Ларс посапывал на тюфяке рядом, и Анна, резко одернув взгляд, вновь легла прямо.

Нет, она не жалела. Все, что происходило ночью, нужно им обоим. Рассудить былое, снять напряжение после долгой дороги, стать... ближе. Что бы то ни было, но она должна оставить прошлое здесь. Ларс – вот прошлое, и вчера на нем она поставила точку.

Мягкая перина манила вновь погрузиться в сон, и, уставшая от долгой дороги, девушка была не прочь поддаться искушению. Но только не здесь.

Любые мысли в этом доме перерастали в тревогу, любой предмет напоминал о детстве, а нахождение в одних стенах с братом и вовсе гнало всякий сон. А с Ларсом?

Так или иначе она думала о нем. Ждала его реакции, в надежде, что он примет ее. Впрочем, вчерашний порыв он мог расценить как угодно.

Анна села. Пора уходить. Сегодня их путь продолжится, но в каких местах теперь им предстоит очутиться? Ларс ведет ее: что бы ни говорил, но он спас ее в горах, и потому они связаны. Куда бы он ни направился, она пойдет рядом.

Но самое странное, что, кажется, она сама хотела этого – быть рядом. И подставить плечо в бою, если потребуется.

Она на цыпочках направилась к двери, лишь бы Ларс не застал ее спростонья, но вдруг обернулась. Все-таки он спас ее не только в горах. Вероятно, она задолжала ему жизнь еще десять лет назад, сразу после того, как покинула деревню, но перед глазами до сих пор возникало его неподвижное тело с копьем под сердцем.

Отпустив видения, девушка опустилась рядом с Ларсом на колени. Спит. Лишь ровное дыхание нарушает тишину мертвой деревни. Анна осторожно коснулась его плеча, по телу рассыпались мурашки. Что бы она ни думала, он всегда был. На протяжении долгих десяти лет менялись люди, жизни, мнения, и среди мнимой важности событий она не замечала лишь Ларса.

Он не изменился. Те же волосы, глаза, правильные черты лица. Серьезность и чрезмерное великодушие еще в юности отличали его от задиристых сверстников. И чем она ему приглянулась? Странная затворница, обходившая стороной шумные компании деревенских ребятшек. Чужая.

Но Ларс всегда был добр. Он... защищал.

И вот он перед ней. И хочется рассматривать его спящего, безо всякого стеснения и чрезмерной осторожности от того, что он может проснуться. В его присутствии Анна никогда не чувствовала себя неловко.

И прошедшие десять лет будто ничего не изменили.

Не смея нарушать его сон, девушка поспешила покинуть дом. Новый день не предвещал ничего нового, но встретиться с братом внутри Анне хотелось меньше всего.

Дверь поддавалась легкому толчку, и, прежде чем она смогла открыть глаза от слепящего солнца, нос уловил сладкий цвет сирени и свежесть утренней травы под дуновениями ненавязчивого ветра. Вдали слышались радостные крики птиц и где-то совсем рядом – умиротворяющее мурлыканье кошки.

Едва переступив порог дома, Анна оказалась в цветущем саду. Здесь росла не только сирень: яблони сбросили свой урожай и, освободившись от груза, вновь цвели и созывали

мохнатых шмелей благоуханием. В небольшом озерце чуть поодаль отражалось ясное небо, и солнце, играя золотом, щедро награждало озябшую землю теплыми лучами.

Что это? Откуда? Где разруха и пепел? Почему здесь гуляет весна? Анна обернулась, но картинка не пропала. Все, что она видела, казалось настоящим. Она задержала дыхание, словно боясь дышать фальшивым воздухом, но звучно выдохнула, стоило из-за ближайшего кустарника показаться Тензе:

– Ну, как тебе? Нравится? – улыбка так и расплывалась по его лицу. – Всю ночь для вас старался. Ставлю сотню золотых, давным-давно вы такой красоты не видели!

Анна огляделась еще раз. Даже в детстве, когда деревня жила полной жизнью, она не помнила настолько ярких красок. Неестественная зелень бросалась в глаза, кроны деревьев были исключительно правильной формы... к горлу вдруг медленно подступил ком:

– И... как? Нравится жить в обмане?

В груди что-то сжалось, и другие слова застряли, так и не сумев вырваться. Бежать... прямо сейчас, не глядя, только не видеть этой красивой, искусно сплетенной лжи.

– Я никого не обманываю, кроме себя, Анна. А видеть прекрасные пейзажи мне куда приятней, нежели пепелище.

– Зачем ты остался? Ты можешь идти куда угодно.

– Здесь безопасно, кто рискнет заглянуть сюда? Вы не в счет, разумеется. И здесь Источник, – Тензе с особым удовольствием вдохнул цветущий воздух. – Разве это не прекрасно? Ты не чувствуешь?

– Нет, – Анна поморщилась. Принимать и тем более участвовать в безумии брата хотелось меньше всего, и она отошла. Безмятежность манила, но поддаться обману она не имела ни малейшего права. Она решила уйти тотчас, но ее что-то остановило.

Дыхание перехватило. Уже почти забытое жжение напомнило о себе под лопаткой, и боль горячей волной вдруг сковала тело. Анна застыла, не в силах двинуться, но из оцепенения ее вывел кот. Он неспешно проскользил между ее ног и, цепляясь хвостом за щиколотки, поднял рыжую морду и бросил пронзительный взгляд на девушку.

Колющая боль проскользила ниже по спине, и Анна сделала еще шаг назад.

– Мяу! – кот уселся напротив и глядел огромными глазами.

– О, мистер Красс! – Тензе оживился, его лицо теперь выражало умиление. – Иди сюда, у меня для тебя лакомство.

Кот со всей прыти ринулся к хозяину, и оба увлеклись воображаемой игрой. Анна потянулась к лопатке. Не успела она коснуться плеча, ее рука по чьей-то воле опустилась вдоль тела, а уши уловили знакомый шепот:

– Смени одежду, – Ларс дыханием коснулся ее уха и, отпуская руку, встал рядом.

– С добрым утром, Ларс...

Теперь она явно ощутила горячую струйку, стекающую по лопатке, и множественные уколы вдруг осыпали спину. Перебарывая боль, она подняла глаза на мужчину.

– Нам следует уйти, – он говорил серьезно.

– Дай мне пять минут.

К полудню Анна и Ларс собрались в дорогу. Тензе все же проявил чудеса гостеприимства и накрыл праздничный стол. Разговор не задался, и, едва отобедав, путники уже были готовы покинуть дом. Они собрались у калитки, Анна носком сапога тормозила черную землю, Ларс взгромоздил походную сумку на плечи.

– Ну-с, сестренка, Ларс... рад, что заглянули.

– Только не натвори глупостей.

– Не поверю, что ты за меня переживаешь, Анна, но, уверяю тебя, видимся мы не в последний раз, – он широко улыбнулся, обнажая ровные зубы.

– Надеюсь, ты ошибаешься, – Анна не глянула на брата и первая вышла на дорогу.

– Рад был увидаться, – мужчины обменялись рукопожатиями.

– Приглядывай за ней, – Тензе хитро подмигнул Ларсу и, когда тот присоединился к девушке, закрыл калитку.

За пределами дома все было, как и вчера. Разруха, пепел и мертвая тишина вокруг. Отсюда нужно было уносить ноги, идти куда угодно, лишь бы не остаться. Сейчас их двое, и решать, куда держать путь, предстояло только им. Они оказались одни в пустом мире, и, значит, весьма неплохо было бы наполнить его содержимым.

Воины задержались на дороге напротив дома, не решаясь вновь начать свой путь. Еще слышался голос Тензе и ответное мяуканье кота, но вскоре и эти звуки затихли. Теперь только их присутствие тревожило замершую деревню.

Анна молчала, но первая сделала шаг, и Ларс поспешил присоединиться. Если они и могли здесь найти что-то важное, пожалуй, встреча с Тензе стала настоящим открытием для обоих. Но Анна хотела бежать.

Она не заметила, как ускорилась, уводя Ларса из места их прошлого. Она неслась по прежде живым улочкам, и лики прошлого возникали перед ней. Они другие, они не с ними, у них другая жизнь, и в этом нет ее вины, нет вины Ларса. Они уйдут, не потревожат более покой умерших, они не вернутся сюда никогда.

Ларс не говорил ни слова, но, оказавшись за пределами деревни, все же одернул ее.

– Анна, стой...

Их вновь окружал лес, и лес дышал, говорил с ветром и ронял озябшие листья на скользкую тропу. Вероятно, здесь прошел дождь... настоящий дождь.

Девушка остановилась и, закрыв глаза, сделала глубокий вдох. Она пропитывалась непостижимой мощью природы, и, собирая осколки потерянных сил, готовилась жить снова. Жить, и, значит, продолжать бороться.

– Куда мы пойдем? – безо всякого стеснения Анна глянула на Ларса.

– Куда бы ты хотела? Теперь у нас нет цели.

– Теперь ты впереди, Ларс. Веди, и я пойду за тобой.

Ларс тоже вздохнул. Воздух осенней свежестью разливался внутри. Лес дышал, хотя, как и в деревне, на его окраине никого не обитало.

– У меня незаконченное дело, Анна... но я не хочу тебя впутывать.

– Ты про Мирсул?

Ларс посмотрел на нее в ответ и, помедлив, продолжил:

– Я должен...

– Не объясняй. Я понимаю, – Анна отмахнулась. – Мы пойдем в Мирсул.

Ларс подошел к ней, но девушка лишь осмотрелась, выискивая верное направление. Сориентироваться здесь не составило труда, несмотря на то, что ее нога не ступала в эти края уже более десяти лет. Мужчина глядел на нее, словно в ожидании продолжения разговора, но Анна не могла ждать. Вопреки своим убеждениям, что теперь Ларс ее ведет, она первая сорвалась с места и понеслась в забытый до сих пор лес, и Ларс поспешил следом.

Тогда, в первый раз, когда она оказалась здесь, от дома ее уносила повозка. Она неторопливо продвигалась по Главной Дороге и через пару дней уже оказалась в городе. Дорога здесь полностью оправдывала свое название. По ней продвигались торговые караваны, ее патрулировали лучшие служители Мирсула, здесь не происходило убийств и ограблений, а любого, кто замыслил бы разбой, прямиком вели бы к лорду Уркулосу. И вряд ли хоть кому-либо он даровал бы помилование.

Так было десять назад, и вряд ли что-то изменилось за это время. Дисциплина и порядок всегда оставались сильными сторонами правления Уркулоса. Поэтому дорога до города слыла (и являлась такой поистине) самой безопасной.

Зачастую встречались люди. Они общались на разные темы, улыбались и, находясь в пути, наслаждались новым местом. Патрульные желали приятной дороги и провожали добрым словом. Они несли верную службу лорду, для них великой наградой было находиться здесь, и их действия всегда отличались слаженностью.

И потому, еще издали завидев людей на дороге, девушка нырнула в заросли. Кто она теперь для мирных жителей Мирсула? Убийца? Мятежница? Враг...

Она не могла быть простой дикаркой из леса, не могла быть даже амазонкой. Для города это не статус. Но жители помнили ее, обязаны до сих пор помнить. Кто они такие, что посмели забыть ее? Она оставила свой след в городе, но с тех пор она не стала другой. И теперь она возвращается.

Пусть не по своей воле, но, вероятно, волею судеб, что равнозначно воле Ларса, она вновь окажется там. И что-то подсказывало, что ее пребывание вновь не останется незамеченным.

Кровь пульсировала в венах, Анна набирала ход, не замечая сбившееся дыхание. Она идет, и она должна быть готова к встрече с возможными врагами из прошлого, но отступить она не будет. Никогда.

И вдруг снова Ларс:

– Анна, стой... мы не торопимся! Куда ты полетела?

Вынырнув из потока воспоминаний, девушка остановилась. Над ней нависало темное небо, на землю готовились опуститься сумерки. Сквозь просветы между деревьями она видела группу людей, вероятно, охмеленных выпивкой или чарующим вечером. Они громко смеялись, разговор шел бурный. Позади них желтыми огнями освещалась таверна. Она принимала любых гостей на дороге, и эти весельчаки, конечно, оказались в их числе.

Люди. Совсем рядом. Везде. Она придет в город, где будет целая толпа таких же. Они все безжалостным потоком хлынут на нее и будут гнать, гнать из города, а потом...

– Анна? – Ларс повторился и теперь остановился рядом. Неспешно девушка перевела взгляд с тропы на мужчину, но заметив вопрос в его взгляде, опустила глаза на землю. Она снова ведет его в свое прошлое... но теперь туда, где не было его.

– Мы можем зайти, если хочешь, – Ларс кивнул в сторону таверны, но Анна лишь замолчала головой:

– В глушь, Ларс... я хочу в глушь. Там люди...

Ларс нахмурился и тоже всмотрелся в пьяную компанию. На первый взгляд, обычные люди, вряд ли он мог кого-то знать, и потому пожал плечами:

– Ты с ними знакома?

Анна не стала объяснять. Она прошла дальше вглубь леса и остановилась за густыми кустарниками. Она огляделась по сторонам и, не найдя никого постороннего, бросила на землю свою сумку.

– Наш ночлег будет здесь.

Но Ларс не торопился соглашаться. Он подошел к девушке и только сказал:

– Объясни...

– Нечего здесь объяснять, Ларс. Мы можем идти и ночью, так что, если желаешь, можем продолжить.

– Думаю, ты учла, что наш ночлег будет без костра. Мы можем провести в тепле эту ночь и взять у хозяина таверны лошадей. Это наш шанс выспаться и добраться до города к завтрашнему вечеру.

– Как ты правильно заметил, – голос Анны стал тихим, – мы не торопимся.

– Это неразумно, – Ларс тоже понизил голос. – У нас есть возможность упростить путь.

– Я дождусь тебя здесь, – Анна села. – Иди. Завтра мы поскачем на лошадях.

Ларс запрокинул голову и прошелся перед ней туда-обратно. Пусть она обещала сопровождать его, но идти к людям, самой... Да, в Мирсуле ей придется столкнуться с толпами, быть одной из всех, но на пути к нему она должна остаться собой.

– Анна, если тебя беспокоит клеймо...

– Нет.

– Ладно, я понимаю, – Ларс уселся рядом. – Я хочу, чтобы мы пошли в тепло, слышишь? Пошли вместе, и завтра продолжили путь на лошадях.

– Я знаю, Ларс! И знаю, что должна повиноваться тебе, но это невозможно! Невозможно сейчас прийти внутрь и просто заплатить за комнату! Нас схватят обоих, и в Мирсул мы попадем только в кандалах!

Анна воскликнула, но Ларс вдруг заговорил еще тише:

– Что произошло, Анна?

– Ларс, не спрашивай, прошу тебя, – она заговорила тише. – Давай просто уйдем... вместе.

Мужчина медлил. Он не сводил глаз с девушки, внимательно рассматривал ее, и она не прятала лица, ожидая реакции, но Ларс усмехнулся:

– В кандалах, говоришь? Давай сюда свои руки.

Анна недоуменно посмотрела, и Ларс пояснил, доставая веревку:

– Отныне ты моя пленница.

* * *

В окнах замка сегодня отражался не только рассвет. Языки пламени, взвиваясь, достигали второго этажа, и казалось, будто замок пылал. Сгорая, он ронял блики, словно слезы, на мокрую землю, орошенную дождем, и вспыхивал в ответ новому огненному порыву.

Весь народ сегодня выстроился на внутреннем дворе, но из всех собравшихся среди пламенного потока лишь одно сердце уже превратилось в пепелище. Обугленное, оно замирало в груди при каждом новом порыве ветра, гоняющего пламя, и черствело с каждым новым всхлипом плакальщиц.

Вилорм не дышал. С того самого дня, как разведчики нашли Гурия, он потерял счет времени. Если он мог допустить в своей жизни главный промах, он уже произошел. И его собственная жизнь теперь текла унылой рекой, в безразличных буднях, в ожидании смертного приговора. И этот день наступил сегодня.

Погребальный костер пылал с неистовой силой. Наверное, таким пылким мог стать нрав мальчишки в зрелости, но теперь он не сможет дать совета юноше, не сможет влить подзатыльник, не сможет воспитать мужчину. Он виноват, только он... играя в героя-спасителя, он не заметил, как потерял сына.

– Милорд, – Сефер появился где-то сбоку, но Вилорм не слышал его слов. Какая разница? Он теперь нищий, он во главе замка, но кто пойдет за оборванцем? Нет, это не с ним, это все дурной сон, вот только слезы почему-то настоящие...

Давя ком в горле, Вилорм упал на колени. Он не скрывал своего горя, он кричал и рвал волосы, упиваясь слезами. Никто не вправе винить его! Никто не вправе упрекать его! И пусть все видят скорбь своего правителя! И все, что он не сделал – лишь его ошибка, но никто никогда не будет знать об этом. Если теперь его участь – это нести на плечах груз потери, он понесет его с поднятой головой. Но только не сейчас, только не сегодня. Сегодня он в последний раз един со своим сыном. Он в последний раз един с Оррсан.

– Прости меня, моя любовь, – стоя на коленях, глотая собственные слезы, он еле шептал. – Я не смог уберечь тебя, я не смог уберечь его, но теперь вы вместе. Я боролся за вас, а теперь я один. Если я должен был спасти мир, то зачем? Вы ушли, и теперь мне незачем жить... что я буду делать? Кто я такой?

Он разразился рыданиями. Хватаясь за лицо, Вилорм размазывал слезы. Он не видел никого перед собой, лишь одно большое рыжее пятно расплывалось перед глазами, и в нем таял его сын.

– Милорд, прошу вас, подайте руку, я помогу вам, – Сефер вновь возник где-то рядом, но тот лишь рывкнул:

– Уйди, Сефер! Не сейчас! Я в хмельном дурмане, я пустой, как выкуренная трубка! Видит Смертник все мои просчеты, это дух его гневается! Наш подвал пуст, и теперь он будет забирать у меня всех, кого я люблю!

– Простите, милорд, я оставлю вас...

– Да, Сефер, ступай. Но знай, что я еще буду бороться! Буду мстить за смерть Гурия, помни мои слова! А сейчас дай старику утешиться слезами! Где плакальщицы? Почему я слышу лишь собственный рев? Я мужчина, я воин, в конце концов! И я страдаю, слышите меня? – отмахнувшись от Сефера, он поднялся и принялся греметь, перекивая горячий треск огромного костра во внутреннем дворе. – Слышите? Конечно, слышите! Так смотрите на мои слезы, узрите мою скорбь! И будьте со мной в этом великом горе! Я ваш правитель, я поведу вас на бой! Мы отомстим, мы вместе отомстим за моего мальчика...

Он закашлялся, голос его охрип, и Вилорм вновь упал на колени. Огонь кружил голову, дым сковывал легкие, и рыдания вновь выливались из его груди. Вот только бы набраться сил, вот только бы восстать из числа мертвых, вот только бы жить за сына...

Наверное, весь замок собрался посмотреть на похоронную процессию. Лица и фигуры расплывались в дыме, вздохи и плач терялись в треске костра, и, конечно, у каждого были причины присутствовать здесь. Кто-то любопытно озирался на пламя, кто-то глядел на правителя, убитого горем, вероятно, кто-то и правда разделял его скорбь. Если даже приближенные собрались отдельным кругом и, изредка поглядывая на него, о чем-то перешептывались.

Да, он сам не желал никого видеть возле себя, но слишком уж часто озирался Силант через плечо, и Пульхий отводил глаза, и Сефер зло глядел на разведчика. Замышляют что-то? Или высмотрел кого Силант сквозь толпу растекшихся силуэтов? Неважно... все, к чему он стремился, теперь сгорало в этом погребальном костре.

Он уязвим, его власть подкосилась, и наверняка среди его подданных нашлись бы смельчаки, способные выступить против. Однажды он уже поддался, промахнулся в расчетах, и если бы не Силант, неизвестно, как долго он бы смог оставаться на престоле после восстания Ларса.

Больше он такого не допустит. Нет. Он стал мудрее, сильнее, и должен с честью принимать удары судьбы. Тем более, что он умел это как никто другой.

– Ну-ну, Сефер, не скалься, – до Вилорма донеслись голоса подданных, и он подошел ближе.

– Ты только посмотри на Вилорма, он горя вынести не может! И каково же знать, Силант, что все это по твоей милости? – Сефер почти рычал на разведчика, таким рассерженным его Вилорм не видел, наверно, никогда. Вмиг мужчина изменился в лице. Если за его спиной и вправду плетутся интриги, он должен знать о них в первую очередь!

– Ты уверен, Сефер? – Пульхий выражал беспокойство, он нахмурился.

– Да-да, Сефер! Что ты несешь? – Силант приблизился к воину. – Всем известно, что в смерти Гурия виновен лишь Ларс, и господин, я уверен, не оставит это просто так.

– Ты можешь говорить что угодно, и даже это может быть правдой, но зачем мальчишка пошел в горы? Кто его надоумил убежать из замка?

– О, ты его недооцениваешь, милый мой! Ты вспомни себя в его годы! Разве не хотелось тебе познать неизвестное? Увидеть новое? Доказать родителям, что ты уже не просто мальчишка!

– Однако я все еще жив! – Сефер рыкнул, и мужчины застыли, пронзая друг друга свирепыми взглядами.

– Да ну, бросьте вы браниться! – Пульхий встал между ними и по очереди поглядел на каждого. – У нас горе, и, не знаю, как вы, а я желаю разделить его со своим господином!

– Спасибо, Пульхий, – теперь Вилорм показался и встал рядом с мужчинами. Все трое разом опустились на колени перед ним и склонили головы. – Я слышал ваш разговор. Это занимательно очень, но почему, худосочная задница Смертника, я узнаю это лишь потому, что подслушиваю за вами, как жалкий юнец дамские беседы?

– Прошу простить, милорд, – Сефер принялся оправдываться, не поднимая головы. – Сегодня траур, и мы не хотели вас тревожить...

– Это касается моего сына, дурная ваша башка! И любые сведения о нем должны, в первую очередь, быть переданы мне!

– Конечно, милорд...

– А ты, Силант? Что скажешь? Зачем ты отправил моего сына на смерть? Зачем ты показал ему тропу в обход склепа?

Силант поднял голову, в его глазах не читалось ни капли сожаления:

– О, милорд, я долго могу говорить об этом. Не желаете переместиться в более подходящее место?

Ну, конечно, Силант, ты будешь юлить. В этом и заключается вся служба и весь твой долг перед замком. И не найдется никого, кто бы упрекнул тебя огрехой. И сейчас, конечно, не время и не место вести разговоры. Разговоры о сыне, которого больше нет.

– Мы поговорим, – Вилорм кивнул. Его пыл спал, и голову вновь начинали заполнять раздумья. Обо всем, что было, о свершениях и ответственных за поступки, о будущем.

Мужчина больше не глянул на подданных. В центре площади рухнули обугленные голо-вешки. Они еще были охвачены пламенем, но огонь постепенно тух. Скоро все закончится, и у Вилорма не останется права на слабость. Он вновь возглавит армию и пойдет в бой. Слишком много потерь пришлось понести ему со времен захвата замка Изабеллы, и теперь настает время возвращения былой славы. И теперь он не проиграет.

* * *

Из-за утреннего тумана я не видела почти ничего. Смешиваясь с дымом, он образовывал сплошную пелену, за которой едва различалось смазанное рыжее пятно. Силуэты людей почти скрылись, и лишь непрерывные рыдания, доносившиеся до леса, полностью открывали мне суть происходящего.

У леса не было стражи, и я могла свободно разгуливать по окраине и наблюдать за погребальным ритуалом. Безутешный рев Вилорма доносился до моих ушей, но теперь он не задевал меня. Он потерял своего никчемного мальчишку, и сейчас я осознавала, что Гурий и не должен был появляться на свет.

Их союз с Оррсан не привел ни к чему, Вилорм потерял все лишь потому, что сделал неправильный выбор.

Я ухмыльнулась и подошла еще ближе. Никто не увидит меня. Все внимание служителей Черного Орла сейчас приковано к костру и горю правителя. Пусть помучается. Ему полезно, а мне подобные картины лишь в радость. Я помню о тебе, Вилорм, хоть и пообещала прежде избегать встречи, но сегодня я должна быть рядом.

Ну, конечно, я не нужна ему. Он больше не пойдет искать утешения в моих объятиях, не попросит о союзе, а мне... так ли это нужно?

В лагере я не находила себе места. Моя свобода ограничивалась законами, порядками и вековыми традициями. Амазонки хотели соблюдения правил, ждали нового Обряда, но мне

это наскучило. Я хотела жизни. И если часть ее – это наблюдение за смертью, то я готова участвовать.

Наверно, все-таки Гурия погубила собственная глупость, нежели меч врага. Ни Ларс, ни Анна добровольно не стали бы нападать на мальчишку, и оттого становилось интересней. Эта загадка все сильнее горела во мне, но вряд ли я еще когда-нибудь увижу кого-то из них.

Я покрутилась на месте. Свежесть утра обволакивала меня, укрывая туманной пеленой, огонь моих волос сливался с окрасившимися осенней листвой деревьями. Да никто и не смотрел на меня, никому в Черном Орле сейчас до меня просто не было дела! Но я и не для этого пришла.

За туманом и дымом я не видела ни тела Гурия, ни рыдающего Вилорма. Его рев доносился до меня, но мне не хотелось унять его скорбь. Он слаб и уязвим сейчас, но он правитель замка, и не должен терять головы.

Что ж, Вилорм, ты не развеял мою скуку, надо бы наведаться в Белый Ястреб с разведкой, может быть он даст мне повод для войны?

Я улыбнулась приятной мысли, но миг одернула себя. Мне нельзя ввязываться в войны ни под каким предлогом. Мне нужно уйти в шатер и не показывать головы лишний раз даже амазонкам.

И я прекрасно следовала совету старой Берты, но сидеть без дела – не моя тактика. Сегодня я вышла на разведку в одиночку, но так и не добыла нужных сведений. Что ж, шанс был мал, и он не оправдался.

Вряд ли Гурия убил Ларс, он бы скорее связал упрямого мальчишку и доставил лично в руки Вилорму в целостности и невредимости, но с ним была Анна... Гурий сам мог нарваться на ее меч, и что-то мне подсказывало, что она должна быть здесь.

Она бы использовала любой шанс добраться до Вилорма, и его сын – это прекрасный повод, но, видно, я просчиталась. Она упускала возможность мести, Черный Орел сейчас обезглавлен, Вилорм слаб, и ударить сейчас означало полностью покрыть долг мужчины, но Анны здесь не было.

Чем дольше я наблюдала за происходившим, тем очевиднее становилась моя догадка.

– Проклятье! – я процедила сквозь зубы. – Да где же тебя носит, моя радость?

Да, я почему-то ждала ее и надеялась, что не ошибаюсь, но, видно, где-то допущен просчет, и теперь с каждым мгновением связующая нить с девушкой таяла. После слов Берты о наших судьбах мне нужно было знать, где она! Мне нужно было видеть каждый ее шаг, мне нужно было участвовать в ее жизни! Но она могла быть где угодно...

Туман рассеивался, и все мои надежды найти ее рушились вместе с обгорелыми головешками. Костер догорал, и народ постепенно расходился. Теперь я видела Вилорма и троих его воинов рядом. Нет, ему ничего не угрожало. Стражники возвращались на посты, и я поспешила скрыться в лесу.

Мне предстояло вернуться в лагерь и снова запереться в ловушке. Теперь моя жизнь полностью зависела от дикой девчонки, действия которой я никогда не умела предугадывать.

* * *

Солнце клонилось к горизонту, когда воины достигли города.

Целый день пришлось посвятить непрерывной скачке. Как верно заметил Ларс, в таверне им удалось взять лошадей, но при подступе к городу их пришлось оставить у другого трактира. Никто не бросил косога взгляда в сторону всадников, так что зря Анна переживала. Они спокойно переночевали и с рассветом выдвинулись в путь.

Но с тех пор Анна не говорила. Она замкнулась в себе, оказавшись среди других людей. И как будто таила обиду на Ларса, что он заставил прийти в чуждый для нее мир.

Возможно, понимала, что скоро их пути вновь разойдутся, или боялась вновь поддаться порыву, и потому держалась отстраненно.

Но Ларс опасался тоже. Он с тревогой думал о часе, когда это случится. Если Анну и впрямь ожидает темница в Мирсуле, то он непременно окажется на противоположной стороне в качестве служителя Ордена. История повторится. Он снова оставит ее. И, возможно, им стоит разойтись, не доходя до города.

Анна молчала всю дорогу, скорее всего, думала о том же. Изредка Ларс поглядывал на нее, но она не оборачивалась, будто и вовсе была одна. И потому, среди монотонного стука копыт Ларс различил голос собственных мыслей. По возвращении он окунется в прежнюю жизнь, и Анна окажется лишней. Как бы он ни сожалел, она вынуждена будет уйти. Если не сбежит раньше.

Например, сейчас.

После того, как они оставили лошадей, девушка плелась позади и постоянно пропадала. Им не удалось выработать порядок действий за время пути, все попытки заговорить терпели крах. Воины приближались к Мирсулу, и, похоже, им не помешало бы поделиться мыслями насчет дальнейших целей.

С высокого холма виднелись каменные стены с башнями, дорога ровной линией спускалась к воротам. В поздний час путников не встречалось, и Ларс застыл на холме в одиночестве.

О, этот силуэт! Непрístupный, гордый, безупречный... твердым очертанием он пронзал краснеющий холст горизонта. Даже издали виднелись тонкие шпили и развевающиеся флаги, редкие факелы уже заявляли о себе размытыми точками. Пусть Ларс не был здесь уже очень давно, но когда-то этот город стал для него спасением, и теперь он возвращается. Вот только примет ли Мирсул его снова?

Ветер обдувал лицо и теребил волосы, но мужчина не шевелился. Он должен изучить его издали, должен подготовиться к долгожданной встрече. Эта встреча могла изменить все в одночасье, могла повлиять на неясное будущее, и оттого была необходима. Сегодня он покажется лорду, и тот примет его. Сегодня, пусть только один день, но Ларс будет дома.

– Какой план? – раздался позади хриловатый голос.

Анна стояла чуть поодаль и держала в руках веревку. Мечи она убрала за спину и накрыла стареньким плащом. Свой доспех она успела где-то измазать грязью, порвать сапоги и испачкать волосы дорожной пылью. Глаза и губы она покрыла сажей, на руках сочился свежий порез.

– Ты... где была?

– Так и знала, что будем действовать по моему плану, – она подошла ближе. – Ударь меня.

– Ты что задумала?

– Я импровизирую! Ну же, давай! Нам еще к Уркулосу идти.

– Думаю, ты уже готова...

– Вот здесь явно не хватает ссадины, – она указала на скулу. – Давай бей и пойдем уже. Солнце садится, а тебе еще руки мне вязать.

Ларс вздохнул:

– Я не понимаю твоей игры, Анна. Ты молчала всю дорогу, сейчас будет решаться наша судьба, и я склонен получить благоволение лорда, нежели его гнев.

– Ты даже не представляешь, насколько я увеличиваю твои шансы...

Ларс еще раз овеял глазами девушку и принял из ее рук веревку.

– Я лишь понять хочу, – он накиннул на ее запястья петлю, – чего ты ждешь? Какую реакцию лорда? Какое мое поведение? Нам для начала не помешало бы состыковать действия.

– Ты поймал опасную мятежницу и ведешь на виселицу. Думаешь, я не понимаю, что тебе грозит после провала задания с ульдрами?

– И поэтому подставляешь себя? – Ларс потуже затянул узел и теперь уже внимательно глянул в глаза девушке. – Какой от этого прок?

– Идем, – Анна отвернулась. – Будем действовать по ситуации.

Как это на нее походило! Она бросалась в пучину неизвестного безо всякого плана, по одному зову сердца или долга, или малейшей доли любопытства – что угодно могло заставить девушку забыть о здравом смысле. И он шел за ней. Просто не мог не идти, и она, конечно, знала это.

Возможно, их цели и не совпадали вовсе, но дороги вели в одном направлении, и поэтому они до сих пор шли вместе. Словно все было неважно, но что-то тревожило Анну, и Ларсу оставалось принимать ее поведение как данность.

Неторопливым, но ровным шагом воины спускались с пригорка перед городом. Наверное, так же плавно садилось солнце за холодные стены Мирсула, но что-то внезапно заставило Ларса остановиться. Очертания ворот с каждым шагом прорисовывались яснее, приближался стражник в блестящих латах, но Ларс, занеся ногу для нового шага, уже не смог сделать следующий. Веревка натянулась.

– Анна! – он обернулся. Девушка скрючилась и упала на землю. – Что происходит?

Анна на него не посмотрела:

– Говори громче!

Ларс замялся. Стражник в воротах уже косился на странную парочку, но Анна вела свою игру, и, чтобы не проиграть обоим, ему пришлось ее принять:

– Что происходит? – он и вправду повысил голос, при этом с места не двинулся. – Твои уловки со мной не пройдут!

Он даже вынул меч и замахнулся для виду, но девушка мгновенно вскочила:

– Умница, теперь идем, – она промурлыкала, но Ларс лишь выдохнул, продвигаясь дальше:

– Кто еще пленник из нас двоих?

Анна шла совсем уж неохотно, и ему приходилось оборачиваться на каждом шаге, чтобы подбодрить ее новым рывком веревки. Но на входе они остановились.

Стражник презрительно косился на них еще издали, но, когда они подошли к воротам, долго церемониться не стал:

– Вход в город закрыт! Сегодня особый приказ от лорда!

– Говори, что случилось, стражник? Я тем более обязан быть здесь! – Ларс расправил плечи и сделал шаг вперед, тот попятился.

– Да, сэр, конечно, сэр, но... уже все в сборе, и..., – он начал мямлить себе под нос, но вдруг воскликнул, словно ребенок. – На вашем снаряжении Серебряные кресты!

– Хватит тянуть время! Говори, что случилось в городе!

Тот с ответом не торопился. Вместо этого он перевел взгляд с Ларса на Анну и обратно. Лишь после этого все же отважился сказать:

– Ничего, сэр. Сегодня праздник, сэр... дочь лорда выходит замуж. Всем приказано праздновать, а мне – следить, чтобы никто не вошел в город.

На секунду Ларс замялся. Он уже затылком видел, как за его спиной ухмыляется Анна, но в этот раз он не взглянул на девушку. Его рука скользнула внутрь плаща и вытянула свиток.

– Пропусти, стражник. Какая же свадьба... без жениха?

Стражник бегло пробежал глазами приказ лорда, и чем дальше он читал, тем сильнее дрожали его руки. Анна дернула за веревку. Но Ларс упрямо глядел на стражника.

– О ваших подвигах ходят легенды, Ларс, – он уронил свиток и, не размышляя ни мгновения, упал ему в ноги.

– Как, видно, и о славной смерти, – голос Ларса набирал силу. – Пусти в город! Лорд будет рад моему возвращению.

– Я... д-да, – стражник вскочил и, теперь уже склонив лишь голову, указал на ворота. – С возвращением в славный Мирсул!

Ворота перед ними расступились. Веселый дурман ударил по вискам хмельным угаром. Ступив лишь шаг внутрь, они оказались в центре шумного беспорядка. Люди ликовали. Они пили вино прямо на улице, танцевали, поздравляли друг друга, словно сегодня был личный праздник каждого. Повозки были брошены посреди площади, лошади жалобно ржали, но все принимали это за праздничный смех.

Не таким Ларс помнил Мирсул. И не такое впечатление он производил на дороге, защищенной от разбойников, безупречной от мусора и хаоса. У лорда всегда и во всем был порядок, вряд ли что-то поменялось за время его отсутствия, но свадьба дочери, вероятно, перевернула все.

– И ни слова обо мне, – Анна протянула связанные руки. – Даже обидно!

Ларс освободил девушку, но продолжил осматриваться. Город остался прежним, но словно покрылся слоем мусора... во всех смыслах.

– Что ж, поздравляю! – Анна продолжала ехидство, и Ларс, наконец, глянул на нее. – Мы вошли в город, теперь дело за малым.

– Я импровизировал.

– Судя по реакции стражника, ты говорил правду, но можешь не объяснять. Нам нужна только аудиенция лорда, я права?

Ларс не спешил. Он так же смотрел на девушку, но заговорил совсем иначе:

– Только знатный воин может вступить в Орден, Анна. Уркулос обещал мне титул по возвращении... и свадьбу с дочерью.

– Что ж, ты вовремя.

Ларс не ответил. Она вправе злиться. Вправе думать о нем что угодно. И после той ночи возле Ивы – тем более. Даже несмотря на свою внешнюю отстраненность. Но тогда была другая жизнь – жизнь, в которой не было Анны. И Ларс проживал ее, принимая за свою, любил, ненавидел, сражался. И теперь он должен с ней проститься.

Жизнь в Мирсуле кипела. Узкие улочки наполнились людьми, их разговором, их проблемами и, в особенности сегодня, радостью. Вопрос заключался лишь в том, чему именно они радовались – счастьем молодых или лишнему поводу развлечься?

Ларс старался не думать. Он принимал нынешний Мирсул таким, каким видел. Что бы ни пришлось пережить городу за время его отсутствия, Ларс не мог отделиться: как и всегда, сейчас он тоже был в ответе за беспечную жизнь горожан.

– Людми пахнет, – вдруг Анна подала голос. Она тоже крутила головой, словно выискивала что-то. Какое-то прошлое связывало ее с городом, но кем она была здесь? Ларс заметил, что с каждым шагом девушка морщится сильнее, и ответил:

– И грязью...

Почему-то вдруг это стало важно: то, какие здесь люди, их отношение к празднику, к новоприбывшим гостям, к брошенным на площади животным – все, что угодно, что отдаляло момент встречи с Уркулосом. Он примет его, конечно, примет. Несмотря на торжество, на счастье дочери и несдержанное обещание, они встретятся. И это произойдет сегодня. И в выстроенном мысленном диалоге при встрече двух мужчин лишней была Анна.

Роскошные купола дворца стали виднеться еще издали. Желтеющие кроны деревьев Дворцового сада обрамляли ворота, вырастающие прямо из живой изгороди. Струи фонтанов звенели среди многоголосья знати Мирсула, наигранного смеха герцогинь и причмокивания герцогов, смакующих дорогие вина. Ларс лишь приближался к центру праздника, но глазам уже представлялась вся картина происходящего.

Перед самым входом воины остановились. Двое стражников, дружно обнявшись, потягивали вино из одной бутылки, ведя душевный разговор:

– Какая выпивка! Ты видел? Ик! Ты видел, сколько еще привезли?

– Чур, я первый за новой бутылкой!

– Не беспокойся, старина! Там на всех с лихвой хватит!

– Так, значит, – стражник загоготал, – выпьем за отменную выпивку!

Второй подхватил, и они залились смехом, не забывая при этом хорошенько хлебнуть из бутылки.

– Какая приятная картина...

Ларс не ответил. Перед глазами уже проплывали образы лорда: в гневе, в недоумении, радости, удивлении... Уркулос мог находиться в любом расположении духа при виде заблудшего воина, но как бы он не реагировал, он был обязан его принять.

– Не мешает сменить наряды, – Ларс обратился к Анне и попытался заглянуть сквозь ограду.

– Фасончик не тот? – Анна прошла мимо. – Я готова.

– Анна, стой! – Ларс рыкнул, но девушка уже пропорхнула мимо двух безобидных стражников и оказалась в саду. Ему ничего не оставалось, как идти следом, но он не успел разозлиться, как открывшийся вид перечеркнул его мгновенный гнев.

Наверное, никогда еще Дворцовый сад не принимал столько гостей. На каждом шагу ему встречались знатные люди. Смех и звон кубков разносился по округе, на пьедестале играл ансамбль арфистов, и фонтан подпевал им звонкими струями. Знать отдыхала.

Анна прошла вперед на пару шагов и замерла, разглядывая роскошь открывшегося перед ней Дворца. Убранство самого сада манило окунуться в праздник, забыть о цели визита, о прошлом, поздравить невесту и начать новую жизнь. Оставалось только найти Уркулоса...

– Анна, умойся, – Ларс остановился рядом с девушкой, но озирается не прекращал. Их появления будто никто и не заметил.

– Какой ты скучный! Ты портишь все веселье, – Анна оскалилась.

– Мы внутри, нужно менять тактику...

Анна как будто не слушала, продвигаясь вперед, и на них стали оборачиваться люди.

– Неужели ты заставишь даму сменить наряд? – она снова остановилась, и на этот раз на ее лице выступила злая улыбка. Девушка глядела в одну точку.

– Анна, прекращай, – Ларс прошипел. – Мы идем с миром.

– Ты умеешь злиться, Ларс? О, я понимаю! Вместо тебя красотке нашли другого мужа. Надеюсь, она носила под сердцем твоего ребенка?

Теперь Анна перевела взгляд на него. Даже в первую их встречу она не была равнодушной, а сейчас ее лицо покрылось пеленой. В растерянности Ларс осмотрелся, но среди толпы знати он не различал ни одного знакомого силуэта. Народ общался и поздравлял друг друга со знаменательным днем в истории города – на первый взгляд, праздник не отличался от множества подобных. Вот только они здесь были лишними гостями...

– Сейчас не время, Анна! У нас другая цель.

Но Анна лишь ухмыльнулась:

– Ты уверен? – без лишних объяснений она развернула Ларса в другую сторону. И он не смог сдержать тихого восклика.

– Боже...

Опомнившись, Ларс закрыл ладонью губы, но видение не исчезло.

Перед ним была она.

Лефлет была прекрасна. Легка, румяна и изящна, она неторопливо шагала по саду; ее голос, певучий и сладкий, завораживал любого, с кем она говорила. Лефлет была учтива, стараясь никого из гостей не обделить вниманием. Она – истинная наследница престола.

Невольно Ларс сделал шаг навстречу, но теперь рядом с ней шел мужчина. За его спиной, без лишней скромности, развевался плащ с той же символикой, что и у него самого. Безупречный, без единой заплатки, не выцветший на солнце, не порванный в бою, не покрытый пылью дорог, он полностью соответствовал внешности владельца. Ларс мог лишь пожелать счастья

молодым, но, несмотря на злорадство, Анна была права – сквозь пышные юбки расшитого драгоценностями платья у Лефлет проглядывался округлившийся животик. Более не медля, Ларс напрямиком направился к ней.

Внезапно обрушившаяся тишина звоном заложила уши. Вероятно, все головы знатных особ в саду сейчас повернулись к нему, но Ларса это волновало меньше всего.

– Поздравляю, миледи, – он припал на колено перед ней. – Должно быть, теперь вы счастливы.

Ларс глядел только в глаза невесте, и чем дольше он не отводил взгляд, тем стремительней угасала ее улыбка. В мгновение ока она побледнела, отпустила руку мужа и отошла на шаг назад. Мужчина же и вовсе растерялся. Он перевел взгляд с Ларса на супругу, его брови сдвинулись, но вряд ли он мог что-то понять. Все люди в саду замерли, музыканты на сцене застыли возле арф, не доиграв мелодию, даже струи фонтана словно замедлили свой бег. Но эта натянутая тишина взорвалась в один миг, когда Лефлет схватилась за голову и начала визжать.

В панике она сорвала с себя фату, украшения, ее лицо перекосилось, и невеста сломя голову ринулась прочь. Никто из слуг или гостей праздника не бросился следом. Все до единого сейчас наблюдали за молчаливым противостоянием двух мужчин. Не меняя положения, Ларс перевел взгляд на жениха. Еще мгновение тот позволил себе остаться обездвиженным, но резко достал меч из ножен и резким движением направил к шее Ларса. Но тот не шелохнулся.

– Кто ты такой? Я не помню тебя в Ордене, – Ларс заговорил очень тихо, и оттого его противник прогремел:

– Ты смеешь говорить со мной? Ты – самозванец!

Ларс уловил шорохи совсем рядом, едва различимую поступь, и через мгновение его окружили еще трое. Едва заметно он позволил себе оглянуться, но там, где минуту назад оставалась Анна, теперь не было никого. Ну, конечно, умыкнула. Зачем ей высываться? Одним своим видом она кого угодно в могилу заведет. И, значит, вести игру предстоит самому.

– Самозванец? Ты уверен? Взгляни... вот, только взгляни на это, – без лишней суеты он протянул свиток.

Не сразу, но тот принял бумагу. Не опуская меч, принялся читать. И чем дольше он оставался неподвижным, тем бледнее становилось его лицо.

– Это ничего не значит, – он бросил свиток на землю. – Тебя все уже сочли мертвым, Ларс! Тебя не было слишком долго!

– Ларс? Это вправду ты? – из-за спины донесся знакомый голос, и Ларс не сдержал улыбки:

– Не разберу... Эадда... ты? Привет, старина, – он осторожно выпрямился, но вставать с колен не решился. Перед ним все так же возвышался виновник торжества, но то, что среди врагов могли также оказаться его давние товарищи, придавало уверенности.

– Мы тебя похоронили, дружище...

– Ничего, не беда... не беда.

– Молчать! – прогремел голос противника, и в тот же миг Ларс получил удар по лицу. Щека запылала, и от боли закружилась голова, но сейчас он не имел права на ответный удар. Сад наполнился криками и визгом знатных женщин. Мужчины стали крутить головой, подходя к месту внезапного противостояния.

– Чую, сейчас будет знатное представление, – жених расплылся в улыбке. Он занес руку для нового удара, и Ларс впервые опустил глаза.

Противник на уловку попался. Он не ожидал сопротивления от слабого, не ждал противоречия его безусловному решению, но Ларс только и делал всю жизнь, что сопротивлялся власти. Где бы ни был – при дворе Уркулоса или в замке Вилорма, он не терпел слепого подчинения, и оттого остался один. И оттого его бой не окончен.

Не дожидаясь новой пощечины, Ларс ударил его в предплечье, и, уже в порыве атаки вскочив на ноги, вторым ударом в плечо повалил самодовольного жениха на землю. Толпа ахнула, и вновь нависла тишина. Никто не ожидал, что новоиспеченный муж дочери лорда, командующий Орденом Серебряных крестов, сегодня потерпит поражение.

Но Ларс не смотрел на них. Он навис над противником в ожидании сопротивления, ярости, новой атаки, но тот лишь рассмеялся. Он лежал на земле, заливался хохотом, хватаясь за живот, и даже не пытался противостоять или продолжать бой. Что ж, у него полное право поступать как угодно, и, сплюнув, Ларс выпрямился.

В таком виде, в шикарном одеянии, в плаще Серебряных крестов, распластавшийся по земле в день своей свадьбы, он казался жалким. В ту же секунду Ларса снова окружили воины Серебряного креста, на этот раз обнажив мечи для верности. Жених продолжал заливаться хохотом, Ларс косился на своих захватчиков, но даже не успел растеряться, прежде чем замершая толпа знати вдруг подхватила смех главного героя праздника... визгом.

Вмиг забыв о распластанном женихе и своей новой страже, Ларс обернулся. Очевидно, что гости уже потеряли интерес к его персоне и даже (что приятно) к персоне жениха. Его отвели с места стычки, и тот поднялся.

Наверное, лишь они вдвоем пропустили что-то важное – казалось, все вокруг были в курсе. Визг нарастал с каждой секундой. Женщины прижимались к мужчинам, пряча взгляд, а мужчины, опешив, просто наблюдали. Невольно Ларс закрыл уши, но все же различил знакомый голос:

– Знатное представление, говоришь? Посмотри, насколько ты прав, Ботта... тебя ведь так зовут, женишок?

Теперь Ботта, наверное, увидел все. Одним порывом он оказался у фонтана.

– Лефлет... о, милая, ты как? Отпусти ее!

– Пусты Ларса, не видишь, милая желает объясниться? Так ведь, дорогуша?

Ботта обернулся, но в его взгляде Ларс успел считать лишь презрение. Однако стража разошлась, и он услышал над ухом:

– Я рад, что ты здесь, – Эадда похлопал его по плечу. – Сейчас повеселимся.

Ларс кивнул, но всеми мыслями он был устремлен в центр парка. Там, где только что находились артисты, на пьедестале, теперь стояла Анна и держала Лефлет за волосы, подставив к горлу нож.

Ботта сделал еще шаг вперед, но та рыдала:

– Ты не должен был возвращаться, Ларс! Зачем ты вернулся? Ты все испортил, ты все испортил!

– Ну... ну, что ты, дорогая? Почему же? – Анна провела обухом клинка по ее лицу. – Вот же он, вот твой новый жених, он теперь твоя защита. Все случилось, как задумано, разве нет?

– Кто ты такая? – Ботта взревел. – Что нужно тебе?

– Ботта, убей ее! Убей! – сад наполнился поросычьим визгом Лефлет.

– Не подходи, – мгновенно забыв о всякой осторожности, Ларс вынул меч из ножен, и вновь уловил над ухом голос Эадды:

– Если что, я за тебя.

– Я надеюсь, что все обойдется, – он не глянул на своего внезапного союзника. – Анна, родная, давай без глупостей...

Но Анна развернулась спиной ко всем и лицом к замку:

– И что это значит, Уркулос? Ты не выйдешь поздравить молодых? Не выйдешь заступиться за дочь? У твоих ворот гости...

– Ты так рвешься во дворец, Анна? Прошу, проходи. Ларс, рад тебя видеть вновь. Прошу вас, проходите! – Незаметно Уркулос появился у входа во дворец. За его спиной остались рас-

пахнутые двери, безразличный взгляд лорда устремился вверх собравшихся, но Ларс, словно прикосновение стали, ощущал холод его взгляда на коже. Конечно, лорд вышел к нему.

Ларс не мог отвести взгляда от Уркулоса – он вновь перед ним, ему остался один шаг, и сейчас пора пройти его. Сердце в груди устроило предательский бой, ладони сами сжались, но вдруг к нему развернулась Анна.

Она не вписывалась в эту жизнь ни внешностью, ни манерами, и сейчас она навела ужас на знатных особ одним только видом. И своей непокорностью она добивалась цели. Ларс не мог отпустить ее, не мог взять с собой во Дворец, это – не ее место, и одними только губами он прошептал ей: «Уходи».

В ее руках до сих пор находилась жизнь невесты, на нее до сих пор смотрела вся знать Мирсула, и она лишь поджала губы и сошла с пьедестала. Она протащила Лефлет за собой до самого выхода из сада, мимо Ларса, мимо застывших стражников и рыцарей Ордена и остановилась у ворот, выводящих в город.

– Все для тебя, Ларс. Не благодари.

И, вытолкнув Лефлет обратно в сад, Анна скрылась из вида. Ларс убрал меч и вытер влажные ладони. Пока Мирсул празднует, у нее будет шанс. Ботта бросился к невесте, но Ларс прошел мимо. Он получил личное приглашение от лорда, и теперь целенаправленно шагал во Дворец.

Не прошло и минуты, как в саду появились слуги для уборки и повара с вновь приготовленными яствами. Уркулос дождался, пока все будет расставлено по своим местам, и распорядился:

– Всем возобновить пиршество! Изволю праздновать! Немедленно сад наполнился музыкой и веселыми голосами, а Ларс подошел к лорду:

– Мне будет достаточно лишь взглянуть вам в глаза, Уркулос.

– Не скромничай, Ларс. Потолкуем.

И они зашли во Дворец.

Глава 3

Стемнело очень быстро. Мирсул погрузился во тьму, и Анна не заметила, как затерялась среди его узких улочек. В ночном городе она могла укрыться от пристальных взглядов. Словно одеялом, укутаться холодной тьмой. Но сегодня эта тьма была другая, фальшивая. Несмотря на поздний час, горожане не торопились расходиться по домам. Оно и верно – знать изволила развлекаться, почему бы не повеселиться и простолюдинам?

Сегодня в городе были развешены факелы, Анна оборачивалась на свою тень, попутно убеждаясь, что и она не оставляет следов. За ней не послали стражников, ей дали спокойно уйти с праздника, и сейчас она стремительным шагом удалялась от места главного торжества.

В темноте она не выделялась. Да и хмельной люд не обращал на нее никакого внимания. От прежней строгости ночного Мирсула не осталось и следа.

Анна не любила Мирсул ни при дневном свете, ни в тусклом освещении луны. Здесь все было ей чужим, и она отвечала городу взаимным равнодушием. Тогда ей пришлось жить здесь. Когда умер отец, ей была одна дорога – в Мирсул. Он научил ее бороться, он научил быть сильной девчонку с двумя каштановыми косичками. И навсегда стер искренность и непосредственность с ее лица.

Здесь она стала одинокой, и теперь все, что ее окружало, заставляло прогибаться от тяжести, чтобы просто жить. Но... жила ли она? Холодные стены домов казались ей развалинами, готовыми обрушиться на нее, и больше всего ей хотелось убежать отсюда.

Она удалялась от Дворцового сада, направляясь на Центральную площадь. Ноги сами несли ее туда. Она снова должна вернуться в те места, где все напоминало о прошлом. Да, она давно отпустила его – нашла свое место в лесу, среди таких же одиночек, как она сама. Но сегодня она должна быть здесь.

Она уйдет отсюда на рассвете. Ее привел Ларс, и если он останется, то их дороги все же разойдутся. Это – не ее дом, не ее судьба.

Анна остановилась. Ларс не останется... он не сможет – после всего, что произошло. Даже если хочет, не останется. И в этом виновата лишь она. Почему она подумала, что может решать за него? Она разыграла этот спектакль, добилась ответа Уркулоса и ушла.

Замерев в пустом переулке, Анна закрыла глаза. Просто так ей не уйти. Ларс в опасности – на него ополчился весь Знатный Двор, и его судьба теперь зависит лишь от милости Уркулоса.

– Проклятье! Зачем? Зачем я нужна тебе здесь, Ларс?

Анна зарычала и резко прибавила шаг. Ларс рискует не выбраться живым, его уже считали мертвым до этого. А, значит, и ей еще рано уходить. Надо удостовериться, что Ларс в безопасности.

На Центральной Площади горели огни. До сих пор здесь стоял шум. Горожане, празднуя свадьбу дочери лорда, выплясывали прямо посреди площади, торговцы зазывали покупателей, зеваки глазели на бродячих бардов, тревоживших грубыми пальцами плачущие струны лютни. Повсюду кипела жизнь. Когда-то здесь, среди пестрых жилых домов и лавок располагалась дядюшкина таверна. Но, уходя, Анна сожгла ее дотла.

– Подходи, покупай! Лучший шелк, украшения!

– Лучшие специи из-за Дальнего моря!

– Красавица, примерь платочек!

– Покупай медовуху...

Анна остановилась в центре площади. Здесь уже не было брошенных повозок, люди плясали и поздравляли друг друга, кто-то расположился прямо на брусчатке и мирно посапывал,

кто-то потягивал вино в сторонке – лорд устроил праздник для всех и каждого. На Анну никто не обращал внимания, и она могла спокойно осмотреться.

Она искала глазами пепелище, возможно, какую-нибудь лавку на месте бывшей таверны, но ничего особенного не замечала. Городская площадь, словно и не изменилась за это время. Но найти прежнее место своего обитания Анна не смогла.

Обходя стороной веселящихся горожан, она подошла к домам, обрамляющим площадь. Куда ей идти? Где найти приют на эту ночь? Надо выручать Ларса, но соваться обратно во Дворец слишком рискованно.

Мимо нее прошла пьяная парочка. Девушка отвечала визгом на любую попытку парня притянуть ее к себе, и хихикала в ответ; парень довольно улыбался. Они шли неровным шагом и завернули в ближайший переулок. Конечно, куда им еще деваться: темные уголки города – идеальное место уединения для влюбленных. Но Анна, проводив взглядом молодых людей, нащупала рукоятки мечей под плащом и поспешила в противоположном направлении.

Она шла все быстрее, плотно теснившиеся дома пролетали мимо, а она искала среди них такой же проулок. Возможно, парочка вовсе и не собиралась уединиться, они лишь свернули с пути следования стражников, грузно вышагивающих им навстречу. Они сняли с себя доспехи и плащи с символикой, но на фоне веселой толпы их выделяли сосредоточенные лица. Что ж, молодежь, вам не о чем беспокоиться, это не за вами.

Анна, наконец, высмотрела просвет между домами и, недолго думая, шмыгнула туда. Лишь бы не тупик, лишь бы не подали голос злые псы... Но ей повезло. Переулки переплетались между собой, как нити паутины, уводя ее в настоящее сердце города – туда, где за богатым фасадом Мирсула таилась истинная жизнь горожан.

Анна пролетала мимо семей, расстеливших для ночлега старенькое одеяло прямо на улице, мимо ребенка, просящего милостыню, чтобы купить лекарство угасающей матери, мимо стаи голодных собак, терзающих кошку, мимо людей, стонущих, лежа на земле, не от страсти, а от боли. Она видела старух, собирающих грязную одежду по соседям, чтобы выстирать в ближайшей луже и получить несчастный медяк. Она видела жизнь на последнем издыхании, она видела людей, которые хватаются даже за ничтожную подачку этого города, чтобы завтра иметь возможность просто дышать.

Она бежала, как будто уходила от погони, но чем дальше уносила ноги, тем яснее представляла свой лес. Там ее место, там ее жизнь. Пусть Ларс остается, пусть служит видимой справедливости.

Анна выдохнула. Плутая по мелким улочкам, она обогнула площадь и теперь выпорхнула с другой стороны. Праздник продолжался. Она огляделась по сторонам, но не увидела никого, кто бы мог преследовать ее. Может быть, стража и не за ней шла вовсе? Анна осеклась. Нет, таких совпадений не бывает. Уркулос просто не мог не послать за ней соглядатаев. Мирсул еще хранит память о пожаре, а теперь у лорда с ней личные счета – за угрозу жизни его дочери. Те двое явно следили за ней.

Она вышла с противоположного конца площади, избавившись на время от слезки, и перед ней во всей своей красоте предстала... новая таверна. «Веселый странник» ничем не выделялся на фоне таких же домов по соседству, только наспех сколоченная вывеска говорила путнику, что это таверна.

Анна улыбнулась. Какие бы противоречивые чувства ни боролись в ней, с каким бы нескрываемым отвращением она ни жила здесь когда-то, она победила прошлое. И сейчас, при виде заново отстроенной тюрьмы ее юности, горькая усмешка пробежала по губам. Вновь таверна! Точно такая же, на том же месте, с тем же названием. Что ж, вероятно, тогда она лишила горожан любимого заведения, может быть, главного в жизни многих! Она до сих пор не раскаялась, до сих пор не была предана суду! Ну, ничего, двое стражников уже близки к ее поимке, еще чуть-чуть, и они, конечно, встретятся.

В другое время Анна не пришла бы сюда снова. Но сейчас ей нужно было спокойно переночевать. Впрочем, возможно, это и не получится, ведь она должна помочь выбраться Ларсу. Время истекало, сколько у него его еще осталось, сказать сложно, но сначала нужно разобраться со слезкой.

Внутри все восстановили по памяти, как было. Те же стены, та же обстановка. И даже запах тот же – смесь пота, спиртного и табака. И тот же вдруг нахлынувший страх.

Анна заняла дальний столик – благо, сегодня толпа веселилась на улице, и в таверне было свободно. Только одна компания напротив изредка нарушала тишину бурными взрывами хохота, но это не те люди, которых она ищет.

– Чего желаешь, красотка? – к ней подошел тучный хозяин таверны. – Бурно праздновала? – он хохотнул, указывая на ее лицо. Она уже и забыла, что сажа на лице выделяет ее среди толпы горожан Мирсула.

– Да. А разве ты не радуешься? – Анна не посмотрела на мужчину, бросив быстрый взгляд в сторону входа. Но в таверну больше никто не заходил.

– Мне-то чему радоваться? Все мои завсегдатаи веселятся на площади, танцуют, слушают баллады странствующих бардов, пьют бесплатную медовуху... А мне – сплошное разорение с этой свадьбой! – он навис над ней, словно это она принесла таверне убытки. – Кому вообще есть дело, за кого выдает свою дочь безумный Уркулос?

– Безумный?

– Ха! Неместная? – он присел на лавку напротив. Пахнуло сладкой выпечкой и потом. Анна откинулась на спинку стула. – Ты откуда такая?

– Я... давно не была в Мирсуле.

– По тебе заметно! – он усмехнулся. – Народ рад празднику, благословляет своего лорда и все такое, но Уркулос не всегда такой щедрый.

– Я смотрю, – Анна огляделась вновь, – твоя таверна процветает. Богатое убранство, наверняка хорошая выпивка, – она кивнула на фигуристую девушку, разносящую пиво шумным посетителям, – румяная красавица в помощницах. Почему ты вообще решил снова построить на месте пепелища таверну?

– Ох-хо, – он сощурил один глаз, – кажется, я знаю, к чему ты клонишь. Катрина! Принеси два пива для меня и этой странной незнакомки!

– Уже бегу, Фугул! – его помощница хихикнула и достала две большие кружки.

– Видишь ли, – он понизил голос, – я не суеверный. Здесь большинство всего боится, вся знать поклоняется неведомому Создателю, а обычный люд хочет им подражать. Но какая разница, полмедяка у тебя в кармане или золота горсть? Никто из них его не видел.

– Давно ты здесь устроился?

– Да пару лет, наверно. Здесь раньше другая таверна была, да сгорела дотла, ну, ты знаешь! Говорят, знатный пожар тогда случился, никто не выжил – ни владелец, ни посетители, – он помолчал. – Но таверна – это моя жизнь, и я знаю, что должен заниматься только этим.

– Ваше пиво, – Катрина аккуратно поставила кружки, на мгновение задержала взгляд на Анне, но понизила голос и обратилась к хозяину. – Вон за тем столом все уже слишком пьяные, чтобы платить, Фугул. Да и от стражи, если позвать, сегодня никакого проку, – она вздохнула. – Опять я останусь без денег?

– Ох, я и говорю, одни убытки с этой свадьбой, – Фугул почесал затылок. – Дорогая, а если я возьму свой долг в спальне?

– Нахал! – она притопнула ногой и удалилась на кухню.

– Никогда не соглашается, – Фугул развел руками. – К несчастью, даже стража не всегда справляется с такими вот гостями...

Он сделал глоток из кружки, Анна посмотрела на шумную компанию. Трое мужчин громко говорили и постоянно роняли посуду. На столе остались лишь пустые кружки. Гости

были одеты в кожаные доспехи, и у всех на поясе висел меч. Вряд ли местные, скорее всего путники, но сегодня лорд приказал закрыть ворота в город...

– Часто они здесь бывают?

– Да первый раз! Не знаю, откуда взялись. Так радовался я редким посетителям сегодня, да, видать, зря...

– Про Вилорма что знаешь? – Анна тоже сделала глоток. Холодное пиво напомнило о пустом желудке, но сейчас было не до еды.

– Дурная ж моя башка! – Фугул ударил себя по лбу. – Ну, конечно! Черный Орел обещал прибыть на свадьбу Лефлет! Это кто-то из свиты Вилорма, точно! Пойду, предложу им угощение.

Он уже хотел подняться, но Анна одернула его:

– Отличное пиво, – она отпила еще. – Если Черный Орел приглашен на торжество, почему эти люди здесь?

Фугул нахмурился, Анна продолжала:

– Я помогу вытрясти с них деньги, если захочешь...

Дверь в таверну отворилась, Анна резко повернула голову, но никого из своих преследователей не увидела. Вошел запыхавшийся худощавый мальчонка с лютней в руках. К нему тут же поспешила Катрина.

Фугул ответил:

– Я... д-да, я хочу, но кто они такие? Они не похожи на разбойников, одеты опрятно. И их пропустила стража!

– А есть разница? Кто бы они ни были, они не заплатят...

– Ты посмотри, кто к нам заявился! – голос Катрины заставил всех обернуться в ее сторону. Она уперла руки в боки и осматривала вошедшего со всех сторон. – Ну что, много ль ты сегодня заработал на празднике, м-м? Предатель!

Она замахнулась на него, и мальчишка вжал голову в плечи.

– Ну, что? Закончился праздник? Вернулся? А ну, пшел!

Девушка выхватила лютню и хотела уже накинуться на бедного музыканта, но вмешался Фугул:

– Ну, здравствуй, Прохор! Как день?

– Дядя Фугул, посмотри! – мальчик достал мешочек с монетами и весело прозвенел ими у всех на виду. – Сегодня самый лучший день!

– Молодчина, Прохор! – трактирщик взлохматил племяннику волосы. – Талантище!

– Э-эй! Где мое жалованье, талантище? – Катрина уставилась на Фугула. – Теперь ты не отвертись, хитрец!

– Может, лучше в спальню? – Фугул не смог сдержать смеха, но, завидев вновь занесенную для удара руку, поспешил исправиться. – Хорошо-хорошо, Катрина, пошли за стойку, мы все с тобой решим.

Довольная, девушка выпятила грудь вперед и неторопливым шагом направилась к стойке. Фугул подмигнул племяннику, вернул ему лютню и поспешил за обиженной помощницей. Разговоры стихли. Лишь из-за дальнего столика еще доносился пьяный гогот, но Анна перестала обращать на них внимание.

Она то и дело поглядывала на дверь, но никто не входил. Вряд ли стражники не заходили только потому, что не могли ее найти, но почему-то она их не боялась. Спустя долгих пять лет, она словно находилась все в той же таверне, пусть выстроенной другим хозяином, но почти не изменившейся внутри.

На каждом столе горели свечи, но света от них почти не было. Лишь два факела напротив друг друга чуть больше освещали пространство вокруг. Если бы не хмельной гогот присутствующих, здесь могло бы быть довольно уютно.

– И я ни разу не пила здесь пиво, – пробормотала Анна себе под нос и сделала еще глоток из кружки. Желудок вновь наполнился приятным холодом, и девушка закрыла глаза. Пусть она снова здесь, пусть эта обстановка до боли напоминала ей о прошлом, но, какую бы злость она ни хотела здесь оставить, эти люди, что теперь трудились в таверне, не заслуживали ни капли ее прежней ярости.

– Ты гораздо лучше прежнего хозяина, Фугул, – не открывая глаз, представляя невидимого собеседника, Анна подняла кружку. – За тебя.

И, словно вторя ее словам, подхватив ее настроение, по залу стали разноситься чарующие звуки лютни. Их воздушные переливы охватили пространство, и тоненький голос Прохора начал песнь:

*– Покрылось небо черным днем,
О, каменный Дракон!
Твой враг еще не побежден,
О, Каменный Дракон.
Четыре знамени горят
В дыхании твоём,
Четыре гордых чужака
Исчезнут без следа.
На крик отчаянья спешит
О, призрачный дракон.
И мир четырежды разбит
Твоим безудержным крылом!
И словно в пламени, горит
Эльфийский наш народ.
Людским предателем убит
Последний эльфов лорд.
Драконы больше не придут,
Уж времена не те.
Герои все, как мухи, мрут,
Честь утопив в вине.
О, каменный дракон, приди,
К тебе взываем мы.
Спаси, дракон, людской народ,
Дни мира сочтены...*

Парень закончил петь, и в таверне воцарилась тишина. Даже Катрина прекратила напирать на бедного трактирщика, воины продолжали увлеченно жевать, Анна открыла глаза. Юный лютнист раздумянулся, пока играл, и сейчас поднял инструмент в ожидании оваций. Его глаза так и горели, окинув таверну в надежде на одобрение. И Анна заплодировала. Хмель уже кружил голову, пустой желудок просил хоть каплю еды, но мальчишка заслуживал похвалы.

– Спасибо! – поблагодарил Прохор и, недолго долго думая, уселся напротив нее.

– Хорошая песня, – Анна осушила кружку, – только публика не та.

– Это баллада про времена эльфов, когда разбились драконы, и лорд Мириан принес в Мирсул Глаз Дракона, – лицо мальчишки сияло.

– Откуда знаешь?

– Так ведь... все знают.

– Все верят в сказки, ты хочешь сказать?

– Иногда людям нужно верить в чудо, – Прохор пожал плечами.

– Да, но когда оно происходит не с ними.

– Почему же?

– Потому что иначе каждый бы сам создавал свое, – Анна отмахнулась. – Ты еще юн, Прохор, но даже не представляешь, какое чудо тебе уже по силам.

Глаза мальчишки расширились, но Анна продолжала с видимым безразличием:

– Так ты... видел эльфов, говоришь?

– Я? Почему же? То есть... я... э-э...

Он залился краской, но Анна хлопала его по плечу:

– Шутка! Какие эльфы в наше время, правда же?

– Ха, конечно! Да, какие могут быть эльфы, – он вновь заулыбался, и Анна улыбнулась в ответ.

В противоположном углу зала упал стул. Здоровяки поднялись и, еле стоя на ногах, подкалывали друг друга и громко хохотали. Катрина бесстрашно подлетела к ним:

– Господа, – она улыбалась во все зубы, – уже уходите? Может быть, желаете чего-нибудь еще?

– Не приставай, жучка, – пробасил один. – Мы уже идем.

– Самое время оплатить выпивку, господа!

– Вот пристающая, а? – второй хохотнул. – Мы заплатим, если ты нас повеселишь, – он достал мешок с деньгами и позвенел прямо перед лицом девушки, та застыла. Анна встретилась глазами с Фугулом. Он побледнел, но кивнул.

– Вот ты выдумщик, Леонард, – третий хотел подняться, но его ноги не выдержали веса собственного тела, и он рухнул обратно на стул. – Вечно ты что-нибудь придумашь!

– Смотри и учись, Фрокл, – Леонард поманил побледневшую девушку звенящим мешочком, а потом резко поднял руку вверх. Учитывая его рост, заветные деньги оказались чуть ли не на потолке. – Ну, красотка, давай, доставай свою добычу...

Катрина отошла на шаг назад, Анна потянулась за кинжалом.

– А коль не доберешься, у нас и другие виды оплаты предусмотрены, – Фрокл подхватил товарища, и все трое загромыхали пьяным хохотом. Но наслаждались они недолго. Смех мгновенно сменился оглушительным возгласом негодования, монеты со звоном рухнули на стол, по руке Леонарда потекла темная густая жидкость.

– Чего хлопаешь глазами? Хватай деньги и шуруй отсюда! – Анна прикрикнула на опешившую девушку, и сама поднялась из-за стола.

– Ой, – лютнист пригнулся и поспешил унести ноги из таверны. Катрина долго не думала, схватила мешочек и последовала его примеру. Фугул с головой спрятался за стойку.

Леонард схватился за раненую руку, остальные приходили в себя после внезапного происшествия. Анна подходить не торопилась:

– А теперь развлечение, господа. Кто первый доберется до моего стола и ни разу не споткнется, получит первый почетный тумак.

– Ты еще кто такая? – Леонард, главный в компании, побагровел, а двое его собутыльников выросли по бокам от него. Они обнажили мечи и оскалили зубы.

Анна вынула мечи в ответ:

– Как странно, что вы меня не помните...

Она осторожно вышла из-за стола и даже задвинула за собой стул, трое ее противников оскалились. Они еле держались на ногах, но обида из-за потерянных денег затмила рассудок.

– Иди сюда, напомним, – Леонард вышел вперед. Их разделял один стол, но для здоровяка он не стал помехой. Одним движением руки он отшвырнул его в сторону, стулья полетели следом.

– О, нет, только не мебель! – Анна успела услышать плачущий голос Фугула из-под стойки, но его тут же сменило рычание и грохот столов. Собутыльники поравнялись со своим главарем и застыли в ожидании атаки. Но Анна действовала стремительно. Она накинута

на главаря, как оса – на нерасторопного медведя. Она жалила его исподтишка, а он махал руками, пытаясь отогнать неугомонную мелочь.

– А-а! Чего стоите, бейте, бейте ее! – вожак взревел, и его товарищи ожили. Они закрыли собой фланги, оттесняя Анну к стене. Ее мечи едва различимыми взмахами кромсали доспех громилы, он замахивался в ответ, но она ловким движением уходила от удара.

Теперь ее окружили. Леонард, стоя напротив, готовился замахнуться, но Анна словно и не пыталась закрываться. Она выпрямила руки, и лезвия мечей аккуратно вошли в бока его товарищей. Вой громил наполнил таверну, и они повалились на пол.

– Ах ты! – Леонард вновь замахнулся, Анна ускользнула от удара, и его меч нашел свое пристанище в животе поверженного Фрокла. Он еще хватал ртом воздух, хотел выругаться напоследок, но успел лишь остановить взгляд на лице своего вожака и замер навсегда.

Анна налетела на Леонарда сбоку. Она едва коснулась мечом его тела, но тот залился криком ярости. Его глаза наполнились кровью, одним прыжком он оказался возле девушки и принялся вновь крушить всю мебель, что разделяла их.

Анна оказалась возле двери. Она могла бы выбежать на улицу и скрыться в толпе, но сегодня это бы не помогло. Она проскользнула вдоль стены и оказалась возле стойки. Фугул свернулся калачиком и закрыл руками голову, но у другой стены, в дальнем углу, Анна заметила бочки.

– Здесь есть второй выход? – Анна слегка задела хозяина таверны, но он так и подскочил:

– Д-да, конечно, есть, – он мельком глянул на девушку и вновь свернулся на полу, пряча голову. Мимо них пролетел стул, и Леонард, бросившись в атаку с яростным криком, настиг стойки.

– Тебе пора уходить, – Анна пригнулась и, заметив дверь на кухню, кивком указала Фугулу на нее.

– Нет... нет! – он отчаянно замотал головой, но Анна его подтолкнула:

– У тебя нет выбора, Фугул. Пока я здесь, ты сможешь уйти.

Уговаривать не пришлось. Леонард воткнул лезвие в деревянную стойку, едва не задев его руку. Трактирщик так и подскочил на месте:

– О нет! Нет! Т-только не мебель! – он успевал причитать по дороге на кухню, но у Анны еще оставалось пару мгновений, чтобы придумать план.

Главарь с усилием дернул руку, но меч не поддавался. Лезвие прочно вошло в деревянную стойку, и Анна подняла глаза. Над ней тихо потрескивал огонь факела, роняя уродливые тени на деревянный пол. По левую руку, почти у входа на кухню, были аккуратно, в два ряда, составлены бочки. Вот бы знать, что там...

Зловещая ухмылка врага показалась с другой стороны стойки – Леонард освободил свой меч и гордо поднял перед собой.

– Чего ты ждешь? Иди сюда, – Анна усмехнулась и отступила на шаг назад. Громилла одним ударом разнес стойку и оказался напротив.

Предугадав его выпад, девушка увернулась и отошла еще на шаг.

Мужчина повелся, и Анна пошла на уловку.

Леонард замахнулся снова, но девушка не отразила его удар. Он прошмыгнула мимо него сбоку и оказалась позади. Теперь ее меч упирался мужчине в спину.

– Вот и все. Видишь, как просто, – она сильнее прижала лезвие к спине и толкнула его к бочкам. Мужчина устоял, но первые бочки все же опрокинулись и покатались к Анне. Значит, пустые...

Она посторонилась, но не успела среагировать. Дверь в таверну открылась, и на пороге показались стражники.

– Это она! – они достали мечи и ринулись навстречу. Леонард воспользовался замешательством и развернулся для удара, но Анна перехватила его руку:

– Ни шагу ближе! – она покачала головой и выставила один меч вперед, вторым сдерживала громилу.

Стражники замерли, но Леонард спохватился тут же. Он с силой ударил по мечу, и Анна опустила руку. Мужчина сблизился с ней, девушка скрестила перед собой мечи, и мгновение они изучали друг друга.

Его недоуменный взгляд сменился ухмылкой, Анна медлила. Стражники не решались подойти, но все могло измениться в один миг.

– Да ты ж моя хорошая, – Леонард оскалил зубы, – тебя и не узнать в одежде... ой, прости, в доспехе... такое сокровище и убивать жалко...

– Не могу ответить тем же, – без капли иронии Анна сделала рывок. Леонард успел парировать, но второй меч проткнул его шею.

Только секунду холодные глаза еще пронзали ее, но уже через миг тело врага обмякло, и Анна без лишней жалости перекинула его через стойку. Кровь окрасила ее руки, но она не спешила их вытирать.

– Стоять на месте! Ты будешь взята под стражу! – один из стражников подал голос и вышел вперед.

– Да неужели? – Анна схватила факел и осторожно отошла к бочкам. Там, за ними – ее спасительный выход. – Я бы на вашем месте предпочла уйти...

Она ногой задела ближайшую бочку, и она грузно повалилась на бок. Не покатила кубарем – значит, не пустая. Еще несколько рядом повторили то же. Стражники подходили. Но Анна уже знала, что должна делать. Мечом она ударила одну из верхних бочек, и та с глухим треском разбилась у ног стражников. По полу растеклось вязкое масло. Прямо под ноги ее преследователям. Огонь от факела теперь весело заигрывал в глянцевых лужицах.

– Думаю, вам пора вернуться с докладом, – она подняла руку с факелом и отошла еще на шаг. Стражники попятнулись. Если хоть одна искра коснется пола, запольхает все вокруг. И их ноги в первую очередь.

– Если думаешь, что тебе удастся уйти, то ошибаешься, – один из них не сводил взгляда с факела, второй пятился к двери. Блестящая лужица извивающейся змеей подбиралась к выходу.

– Уходите. Если желаете жить. И меня никто не тронет, – Анна замолкла, но, выдержав паузу, все же продолжила. – И Ларса.

Больше стражники не задерживались. Наконец, они поняли, для чего она их выманила. Ну ничего, главное, что они поспешили убраться, а дальше... весть о пожаре долетит до Уркулоса быстрее, чем пламя – до соседнего дома.

Дверь таверны захлопнулась, и на мгновение Анна замерла. Она вернулась, чтобы поставить точку, и сейчас все сложилось в ее пользу. План удался, но что дальше?

– Не смей! – позади нее показался Фугул. – Ты принесла мне разорение и убытки! А ну, брось факел!

Он держал кухонный нож, в глазах играли огоньки злости. Он не был ни в чем виноват, он лишь хотел жить и заниматься любимым делом, но рука девушки не дрогнула:

– Прости, Фугул. Я должна закончить начатое...

Она бросила факел в центр зала, и огонь охватил помещение. Горячее масло разливалось дальше, бочки лопались от пламени, но это было неважно. Анна поспешила через кухню к черному выходу, увозя с собой несчастного хозяина.

Через мгновение все здание было охвачено пламенем. На черном полотне ночи разливалось красное пятно и притягивало взгляды. Расходившийся народ застыл на Центральной Площади. Из соседних домов стали доноситься крики, но люди не звали на помощь, они звали других посмотреть на пожар.

– Ох, горе мне, горе, – Фугул уселся прямо на землю и схватился за голову, – мое дитяtko, мое сокровище горит... вся моя жизнь!

Он утирал слезы, но ни один человек из близлежащих домов не крикнул ему слов поддержки.

– Слыхали, таверна Фугула горит?

– «Веселый странник» нынче невеселый!

– Да уже и не странник, головешки какие-то...

Народ высовывался из окон, выходил на улицу и показывал пальцами на горящее здание. Пора было уходить, но Анна застыла на месте. Скорее всего, сюда уже направились другие стражники, и она должна поторопиться:

– Пойдем со мной, – она сделала шаг к хозяину таверны. Сейчас ее ждали тайные улочки Мирсула, где жили люди, в чьих глазах не осталось надежды. Но у нее был один путь.

– Куда? Куда я пойду? Я все потерял! Что я могу?

Анна уловила ржание лошадей на площади. Ее скрывали дома и пламя, но времени уже не оставалось.

– У твоей помощницы мешок с деньгами Черного Орла, а, возможно, и вовсе, подарок на свадьбу милой Леффлет, – Анна подошла и взглянула прямо в глаза несчастному трактирщику. – И это самое малое, что ты имеешь. У тебя есть племянник, Фугул! Найди его, спроси про Улиана...

– Ч-чего? Чт-то ты говоришь такое? – Фугул вскочил.

– Мне пора идти, а тебе, и правда, лучше остаться. Помни, что я сказала тебе!

Анна направилась в первый же переулок. Бездомные дети заворуженно глядели на пылающее небо, выстроившись вдоль невысокого забора.

– Кто ты такая? – Фугул сделал шаг в ее сторону, но позади него обрушились сгоревшие потолочные балки, и он обернулся на грохот. Огонь между тем уже перекидывался на соседний дом.

– Меня зовут Анна. Все в этом городе знают меня.

И больше она не обернулась. Возможно, только что она спасла Ларса. Но теперь она уходила навсегда.

* * *

Дворец не изменился. Дорогие ковры все так же устилали широкие коридоры, на стенах висели картины, чаще портреты знатных предков, родственников лорда и почетных граждан города, изредка – батальных сцен. Величие бывших и нынешних правителей Мирсула подавалось здесь в самых разных ипостасях. Впрочем, эпохе величия эльфов был отведен отдельный зал. Лорд Уркулос помнил историю города, но и многовековую историю вымершего народа почитал с должным уважением.

Они проходили огромные залы, отведенные под ту или иную тематику – искусству скульптуры или живописи, значимым трофеям, праздникам, природе, женщинам... До блеска расчищенные, их бюсты отражали свет, проникающий сквозь большие стрельчатые окна, в золоченых рамах картин плясали редкие огоньки свечей, безупречно чистые полы устилали путь из одного зала в другой, и ни на одном из них не было ни царапины.

Просторные залы встречали вошедших прохладой и глухим эхом от прикосновения сапог к блестящему полу. Строгость убранства и одиночество хранили здешний покой, неприступность лорда считывалась в каждой частице истории – будь то шлем полководца или знамя, или лик прекрасной незнакомки на холсте.

Лорд провел его по всем залам, не говоря ни слова, и чем дальше они продвигались, тем чаще оборачивался Ларс. По пути они не встретили никого из обитателей Дворца, ни один слуга не попался на глаза. Они словно были здесь совсем одни.

Ларс не задавал вопросов. Все здесь было для него чужим. Его комната без окон находилась на подвальном этаже. Рядом располагались десятки таких же, где жили стражники и рыцари Ордена, вот только, в отличие от него, они размещались по трое. Хотел бы он оказаться сейчас там вместо этих пустых залов? Наверное, да. Но тогда ему придется остаться.

От исхода разговора с лордом зависела его дальнейшая участь, но Ларс сам решил вернуться, завершить задание, пусть в одиночестве, но взглянуть на лорда и поведать ему историю своего пути. Однако вряд ли Уркулос ведет его, чтобы поговорить об этом. Для него, как и для всего города, Ларс теперь пропавший воин. А после происшествия на свадьбе – и вовсе опасный мятежник.

Лорд остановился. Перед ними расступились огромные двери, и только тогда Ларс увидел стражников. Они поклонились Уркулосу, приглашая в сад. Ларс вошел следом, и двери за ними закрылись.

Здесь было так же пусто. Ночь укрыла белые лица статуй и сомкнула лепестки вечноцветущих растений, но все равно сад выглядел роскошно. Ларс не бывал здесь раньше, и сейчас с интересом осматривался. Природа замерла, и люди будто пропали отсюда.

Уркулос повел его узкими тропками. Аккуратно остриженные кустарники скрывали их силуэты, лишь изогнутые тени пробегали по дорожкам в свете вышедшей луны. Их так же выдавали приглушенные шаги на мягкой почве и легкое покачивание ветвей от плавных движений. Ларс улыбнулся. Здесь было спокойно, этот сад совсем не походил на Главный сад перед Дворцом – здесь царило умиротворение.

– Мы пришли. Узнаешь? – лорд дождался, пока Ларс остановится рядом, и, не скрывая улыбки, заглянул ему в лицо.

– Помилуй, Создатель, – неведомая сила притянула колени Ларса к земле. Холодная влага пронзила тело, и руки задрожали сами.

– Это наш храм, Ларс, – лорд сложил ладони на груди, – и я хочу, чтобы каждый желающий мог посещать его, поэтому я вынес его купола на поверхность.

Впереди над ними возвышался шар. Огромный, венчающий каменную башню, купол подземного храма. На поверхности была видна лишь малая часть этой башни, обрамленная небесной чашей, расплескивающей ночь. Секторами в ней были выложены темные фигуры, грани которых обрамляли резные каменные выступы.

Тропа, по которой они пришли, привела их прямо ко входу. Остальная часть храма была сокрыта от глаз, но Ларсу уже приходилось бывать там. Священные службы проходили глубоко под землей, и до сих пор попасть внутрь могли лишь знатные жители Дворца. Но благодаря стремлениям лорда приобщить жителей к религии, посетить храм сможет любой желающий.

Чуть поодаль Ларс увидел еще два купола: один острым наверху стремился в небо и словно темным шлемом, накрывал колокол, а второй еле виднелся из-под земли и казался более пологим, чем остальные два.

– Невероятно, – прошептал Ларс одними губами, не в силах отвести взгляд, но Уркулос его поторопил:

– Зайдем внутрь. Хочу, чтобы ты сам увидел.

Ларс поднялся, лорд подошел ко входу и потянул кольцо на себя. Двери поддались, длинная лестница спиралью уходила вниз, огибая дивные скульптуры в нишах вдоль стены. Знамена Мирсула и многочисленные свечи на выступах покрывали каменные стены. Где-то далеко внизу поблескивали золотом цепи. Сейчас они обвивали каменные бюсты павших рыцарей и служителей Ордена, но раньше, когда люди впервые пришли к власти, ими опоясывали грешников и, привязав груз, заставляли идти по камням босыми ногами.

От высоты закружилась голова, и Ларс поспешил отойти от края площадки. Зрелище завораживало и наводило ужас одновременно. Не такой он помнил старую уютную церковь в нижних этажах замка. Но теперь от нее не оставалось и следа.

– Я... у меня нет слов, лорд Уркулос, – Ларс впервые посмотрел ему в глаза, но тот отмахнулся:

– Да ну, брось, Ларс, ты и не должен ничего говорить. Давай спустимся.

Ларс вновь глянул себе под ноги, оценивая расстояние, и лорд рассмеялся:

– Не-ет, мы с тобой слишком давно не виделись, чтобы позволить себе столь долгий спуск. Для этого случая я предусмотрел кое-что другое.

Он постучал по стене, и с двух сторон башни появились стражники. Не говоря ни слова, они потянули рычаги, растущие прямо из стен, и рядом с лестницей возник незамысловатый подъемный механизм. Стражники дождались, пока они зайдут на широкую опору, и опустили рычаг. Пространство наполнилось скрипом, но Ларс с Уркулосом стали опускаться вниз.

За спинами стражников Ларс успел заметить узкие прорезы. Скрытые бойницы? Что ж, лорд строил настоящую подземную крепость, под предлогом священного блага. И, стоило признать, что ему это вполне удалось.

Пока они спускались, Ларс разглядывал стены. Картины, скульптуры, знамена, свечи. Он пытался найти еще подобные бойницы, как вверху, но ничего не попадалось на глаза. Лорд словно укрывался от кого-то под землей и словно боялся, что кто-то начнет осаду.

Они спустились достаточно быстро, и к ним вышел священник.

– Мой лорд, – он преклонил колени, – я слышал, как заработал механизм, и...

– Поднимайся, – Уркулос махнул на него рукой, – оставь меня с моим любезным другом.

Сегодня праздник, угощайся яствами.

– Вы очень любезны, мой лорд, благодарю вас...

Священник направился к главному выходу из храма и скрылся с глаз. Они с Уркулосом, наконец, здесь, в подземном храме, и это – худшее место для ведения разговора между лордом и его бывшим служителем. Особенно, когда неизвестно, выйдешь ты теперь отсюда или нет.

Он вновь осмотрелся. Это место он помнил прекрасно. Он бывал здесь каждое утро на восходе солнца. Эти своды хранили его клятву, были свидетелями его достижений и мольбы. Здесь он мог быть слабым и в то же время насыщаться силой для нового дня. Возможно, именно поэтому он до сих пор был жив.

– Итак, ты здесь, – Уркулос подошел к алтарю, и Ларс устремился следом. Его голос эхом отдавался в отдаленных уголках храма, но их отделял лишь шаг.

– А вы не надеялись? Я понимаю.

– Ох-хо, Ларс! Я и не знал, что ты можешь быть дерзким. Думаю, тебе есть о чем рассказать мне.

– Зачем вы привели меня сюда?

– Я думал, ты захочешь помолиться. Тебя не было так давно, все сочли тебя мертвым, но ты здесь. Это ли не чудо? – Уркулос говорил тихо.

Ларс ощутил озноб. Каким бы ни был расчетливым лорд Уркулос, но это – величественное место, и здесь никто не имел права лгать.

– Это больше не мое место. Не для меня.

– Ты перестал верить? Только с помощью Создателя ты жив, помнишь? Помнишь, как не дышал, упиваясь кровью, с копьём под сердцем? Сам Создатель привел меня тогда в Рощу Безмолвия... Он хотел, чтобы ты жил, Ларс. И я исполнил его волю.

– Вы сотню раз твердили мне это, лорд Уркулос. Неужели сейчас у нас по-прежнему одна тема для разговора?

– О, ты прав, стократно прав, Ларс. На дворе праздник, а я не пригласил тебя к столу. Но я восполню перед тобой этот долг, не сомневайся. Твое возвращение требует особого пира.

– Вы не спросите о задании, милорд? Я вернулся лишь по этой причине.

– Успеется, Ларс. Ты вернулся, это главное. Мы рады тебе.

– Но, тем не менее, выдали дочь за другого?

– Ах, мой милый. Разве ты не знаешь, как переменчиво девичье сердце? Лефлет еле выждала траур, чтобы броситься в объятия Ботты. Разве я мог препятствовать счастью молодых?

– Вы можете отговариваться сколько угодно, Уркулос. Теперь неважно. – Ларс отстегнул плащ. – Я не должен был вернуться. Простите, что не оправдал ожиданий.

Уркулос расхохотался:

– Обиделся? Да ну что ты! Подойди сюда. Видишь?

Лорд сошел с пьедестала и подошел к стене. Тысячи имен павших членов Ордена были выгравированы на ней. Во имя Создателя Мирсул вел продолжительные войны, одной из них стала и война с Белым Ястребом и, что-то подсказывало, поражение в ней было лишь тонким расчетом правителя.

Ларс помнил это место, конечно. Одним из ритуалов поклонения являлось почтение павших товарищей, даже тех, кто жил задолго до дня сегодняшнего. Высоко к небесам воздвигалась эта стена и, прежде поражавшая размахом, теперь она вызвала лишь тихую усмешку: лорд поднял купола на поверхность, уж не причиной ли этому стали многочисленные потери воинов?

– В народе прозвали тебя любимцем Создателя, на церемонии почтения твоих заслуг перед Мирсулом мы так и написали. Разве не это самое подходящее место для подобных титулов?

Ларс застыл в центре коридора. Мелкий холодок побежал по телу, и он повел плечами. Лицо лорда не выражало ни капли ухмылки или пренебрежения, он говорил правду и стоял возле... таблички с его именем.

– Почтить твою память пришел почти весь город, Ларс. Тебя все любят. Нелегко приходится Ботте строить дисциплину в рядах Серебряных крестов – для многих ты до сих пор остаешься идолом...

Лорд продолжал, но уши словно заложило. Завораживающая тишина храма вдруг внутри него сменилась криком, и Ларс затаил дыхание. Да, этот храм стал для него источником жизни, сил и местом поклонения, но то было раньше. Теперь для служителей и, вероятно, для самого лорда, он был мертв.

Бежать. Прямо сейчас, не глядя ни на лорда, ни на тишину и святость храма. Возвращение сюда оказалось ошибкой, и сейчас этот просчет мог иметь последствия.

– Ты будто призрака увидел! – лорд Уркулос подошел сам и похлопал его по плечу. – Понимаю, тебе нужно время, чтобы осознать, но, думаю, это облегчит твои думы, – он указал на имя, Ларс бросил в его сторону быстрый взгляд, но кое-что заставило его задержаться. Рядом с табличкой лежал свиток. Возле других имен ничего подобного не было. Изумленный, Ларс повернулся к лорду.

– Посмотри, – Уркулос обнажил ровные зубы в улыбке и слегка подтолкнул Ларса к стене.

– Я... могу его взять? – отойдя всего на шаг, Ларс повернулся к лорду.

– О, Ларс, ты должен его взять. Более того, только ты имеешь право владеть им. Я рад, что все-таки этот день настал.

Ларс коснулся свитка. Плотный пергамент был аккуратно запечатан печатью лорда и обвязан позолоченной тесьмой. Только самые важные бумаги требовали подобной защиты, и Ларс медлил с вскрытием этой печати. Тишина в храме стала слишком тревожной, а свечи затрещали сильнее прежнего, и Ларс взглянул на лорда.

– Ты думал, что я не сдержу слово? – он отозвался сразу. – Я обещал тебе по возвращении титул и земли, и ты выполнил мой завет. Ты вернулся, ульдры не нападают больше на наши караваны, народ счастлив, понимаешь? – его голос набирал силу. – И думал, что я останусь неблагодарным? Вот бумага, которая дает тебе власть, Ларс. Ты можешь выбрать любое поместье, любой дворец по своему усмотрению. И в выборе я тебя не ограничиваю!

Одним движением руки Ларс сорвал печать и принялся жадно впитывать аккуратно выведенные, но до равнодушия правильные слова. Он пытался уловить ложь, неясность, любую двусмысленность, но нет – несмотря на сухость изложения, все, что говорил Уркулос, подтверждал этот свиток. Внизу письма стояла самая настоящая печать лорда, теперь он имел власть и титул герцога под покровительством лорда Мирсула. Любая земля по его выбору из незанятых другими поместьями, принадлежала ему, и любые действия на ней считались законными.

Ларс закончил чтение и опустил свиток. Лицо лорда сияло, словно он ждал этого дня с того самого момента, когда отряд воинов во главе с Ларсом отправился на задание во владения ульдров. Но это было слишком просто.

– И что же, я могу вот так уйти сейчас? Пойти неизвестно куда, в свои новые владения?

Уркулос сложил руки за спину и улыбнулся вновь:

– Ты уже знаешь, куда пойдешь, верно?

– Не знаю, Уркулос! Я не думал об этом ничуть! Но раз вы предоставляете мне эту возможность, я уйду.

Ларс потуже свернул пергамент и убрал за пояс. Лорд с готовностью ответил:

– Что ж, титул не обязывает тебя оставаться в Ордене, это верно. Но тогда... ты обвиняешься в вооруженном нападении на лорда и его семью! Да будет свидетелем Создатель! Взять его!

Уркулос вновь отошел к алтарю, но по его команде, лязгая доспехами, по всему периметру зала стали появляться Серебряные Кресты. Ларс огляделся. Вдоль стен, в несколько ярусов выстроились стражники и Служители Ордена. Некоторых он даже знал в лицо, но они казались чужими. Эадда тоже был здесь и теперь ничем не выдавал расположение. Храм Создателя становился теперь не только отличной защитой, но и местом захвата врагов. А что таили в себе несчетные нижние ярусы и толстые стены, еще только предстояло узнать.

Ларс не отводил взгляда с Уркулоса, но его лицо оставалось каменным. Он ждал действия. Но никто не смел сдвинуться с места, пока в зал не вошел Ботта. Поспешным шагом он засеменил к лорду, дыхание его разлетелось глухим эхом в высоких сводах храма. Теперь он не был столь надменен, скорее наоборот, всем видом выражал беспокойство:

– Милорд, на площади пожар, – он опустился на одно колено перед Уркулосом и, набрав в легкие больше воздуха, вытер пот со лба, – таверна и три дома охвачены огнем, паника нарастает. Стража не справляется. Мы должны выйти на подмогу...

Уркулос колебался лишь мгновение. Ларс не успел до конца понять смысл произнесенного Боттой, когда лорд ответил:

– Ты прав, Ботта. Безопасность людей превыше всего. В темницу предателя! После разберемся с ним!

– Как прикажете, милорд, – Ботта поднялся и повернулся к Ларсу. – Лефлет будет рада пообщаться с тобой, – он махнул кому-то из своих, и Ларс ощутил тонкий укол возле шеи.

Его рука нащупала невесомый дротик, он успел повернуться в сторону невидимого стрелка, но в мгновение в глазах потемнело, и разум погрузился в беспомощность.

* * *

– Моя королева! Кого я вижу! Что привело тебя сюда?

– Желает выпить со мной вина? – я остановилась у входа и подняла вверх глиняный кувшин и два кубка. Эррэйя подошла:

– Давно не виделись, – она улыбнулась и приняла у меня подарок, я прошла внутрь. Здесь было просторно и темно. Мы расположились на широкой лавке, устланной шкурами, в самом краю шатра.

– Я... полагаю, что-то случилось? – Эррэйя разлила вино и протянула мне кубок. Я пригубила:

– Нет, Эррэйя, пока нет...

Свечи потрескивали по краям, но здесь всегда было жарко. Не стыдись страсти, девушки любили бывать здесь, и сейчас звуки наслаждения доносились отовсюду. Я замерла, вслушиваясь. Стоны и тихие крики смешивались с дымом благоуханий, разум затуманивался от одного лишь присутствия за стеганым полотном, разделяющим жилище амазонки и зал сладострастий. Я сделала глубокий вдох. В шатре Эррэйи тоже стоял туман.

Мы были рядом, но я едва могла различить черты лица моей собеседницы. Она носила украшения на голое тело и повязывала волосы атласной тканью, струящейся по ее тонким плечам. При моем появлении она накинула шелковую тунику, но я не переставала ее разглядывать, и она спросила:

– Могу погасить свечи и благоухания, если хочешь.

– Нет, пусть горят.

Я откинулась назад всем телом и закрыла глаза. Сладкий аромат пропитывал кожу и попадал внутрь, томные голоса и стоны словно пронизывали и мое тело тоже, я спросила:

– Как ты... живешь?

– Я живу по твоей воле, Вероника, ты это знаешь, – она тоже отпила из кубка, – отсутствие битв не страшит меня.

– Мне радостно это слышать, Эррэйя, но, боюсь, не все амазонки согласны с тобой.

Эррэйя сделала вдох, словно собиралась что-то ответить, но вдруг выдохнула. Она улыбнулась, и, откинув назад волосы с атласными прядями, тихо сказала:

– Вслушайся в эти звуки, Вероника. Наполни грудь сладким дурманом и спроси себя, счастливы эти девушки или нет?

– У них нет ничего другого, они вынуждены быть здесь лишь потому, что родились амазонками.

Эррэйя осторожно коснулась моей руки:

– Уж не сомневаешься ли ты в себе, моя королева?

– Мы давно не воевали, и вряд ли в ближайшее время выйдем на тропу войны. Амазонки вновь могут начать бунт.

Вдруг Эррэйя поднялась:

– Тебе нужно расслабиться. Ложись.

– Что? – я поднялась следом и уставилась на давнюю подругу.

Не меняя улыбки, она взяла у меня из рук кубок и поставила на пол вместе со своим. Я не сводила с нее глаз.

– Ты напряжена, – она коснулась моего плеча, – доверься мне.

Одним движением руки она освободила меня от платья и вновь указала на скамью:

– Ложись, Вероника, я позабочусь о тебе.

Я не тронулась с места. Дыхание участилось, и я уже не чувствовала дурмана, но Эррэйя не желала мне зла. Осторожно вышагнув из упавшего платья, я разместилась на скамье.

– Очень хорошо, моя дорогая. А теперь говори, – Эррэйя опустила руки в стеклянную емкость с прозрачной жидкостью и подошла ко мне. Я закрыла глаза.

Мягкие руки опустились на мои плечи и проскользили по спине. Горячее масло обжигало кожу, но сильные руки Эррэйи тушили едва зарождающийся пожар, и вскоре я ощутила лавину тепла на всем своем теле.

Ее руки скользили, разводя огонь в остывшем от рутины теле, ее пальцы находили замершие точки и вновь наполняли жизнью, пряные запахи сводили с ума. Я не заметила, как отвлеклась от повседневных дум, и теперь грезилась, чтобы эта ночь не кончалась.

От жгучей, пылающей и в то же время сладкой боли выступили слезы, и я едва слышно вскрикнула. Эррэйя коснулась моей шеи.

– Ты здесь одна, – она шептала, – никто не услышит тебя. Ты можешь быть слабой здесь, ты можешь быть, какой желаешь...

– Я королева, Эррэйя, и имею любые привилегии, кроме этой, – я перевернулась и схватила ладони девушки, она замерла. С ее рук капало ароматное масло мне на живот, и, осторожно высвободившись, она продолжила массировать мое тело.

– Ты женщина, Вероника, и все зависит от тебя, но в каком качестве в первую очередь ты себя видишь...

О, мудрая Эррэйя! Ты вправе давать советы, мы были равны с тобой, и сейчас я пришла к тебе сама. Ты можешь дать мне то, что я потеряла в бесконечной гонке за безупречными победами, за войнами и жестокостью. Возможно, когда-нибудь я смогу открыться тебе, но сегодня я близка к тебе лишь телом...

Я вновь позволила ей себя касаться. Поддаваясь ее плавным движениям, я прикусила губу, чтобы сдержать вздох.

– Я... отменила слежку за Вилормом, Эррэйя. Настала пора отпустить его.

– Время идет, и мы движемся вперед. Мы не можем стоять на одном месте, это верно. Он не мог любить тебя, как бы страстно ты его не желала.

– Я всегда была, прежде всего, амазонкой, чем женщиной.

– В отличие от Орсан...

Ее руки застыли на моей груди, я взглянула в глаза девушке. Она говорила что думала. Атмосфера дурманила и не позволяла лгать. Да, пожалуй, это было единственное место, склоняющее к откровенности, и если в моем лагере где-то говорили правду, то я сейчас находилась здесь. Находилась впервые со дня моей коронации.

– Продолжай, Эррэйя, – я отвернулась, глядя в сторону, и ее руки вновь продолжили бег по моей коже.

– Что слышно об Анне? Она до сих пор представляет угрозу твоей власти?

– О чем ты?

– Амазонки были рады ее возвращению, помнишь? Она ушла, и теперь мы вновь не знаем о ней ничего. Если ты опасаясь за власть, то, в первую очередь, должна думать о ней.

– Я не знаю, где она, если ты об этом. Но я прекрасно понимаю, что ей незачем возвращаться сюда. Даже если она где-то рядом, к нам она не сунется. Она не приспособлена к командной игре.

– Все меняется, Вероника, – Эррэйя остановилась. – И я уж очень не хочу терять тебя. Ты, как никто другой, заслужила это место.

– Спасибо, Эррэйя, – я села. – Хорошо, что я зашла к тебе. Можешь заглянуть ко мне на досуге, мы продолжим этот разговор.

– О, моя дорогая, безусловно, – Эррэйя протянула мне кубок. – Более того, я могу привести в твой шатер мужчину.

Я сделала глоток из кубка, за стеной послышались стоны, и я улыбнулась:

– Если это будет не Ларс, можешь не стараться.

– Ларс? Чужеземный рыцарь покорила королеву амазонок?

– Он слишком непонятен мне. Я бы предпочла держать его поближе к своей постели.

– О, я понимаю, – Эррэйя вытерла руки. – Так не разослать ли разведчиц по окрестностям?

– Пока в этом больше риска, чем необходимости, подруга. На время мы не будем высываться из лагеря и будем наблюдать изнутри, кто к нам наведается. Иногда добыча сама приходит в логово приманки, – я поставила пустой кубок. – И, возможно, эта добыча будет самой лакомой из ранее пойманных.

– Твоей мудрости нет предела, моя королева, – Эррэйя подошла и протянула мне платье. Я вдохнула дурманящий аромат и сделала глоток прямо из кувшина. Жар от свечей играл

внутри меня, кожа отражала огонь, красная жидкость пробуждала страсть и какое-то глубинное, скрытое под маской холода, желание. Я протянула кувшин подруге:

– Пей, Эррэйя. Сегодня я не тороплюсь. Позовем остальных.

Вместо того чтобы отпить, Эррэйя плеснула вино на себя, выделяя на липкой тунике свои формы. Она улыбнулась мне, но я подошла к выходу. Одним движением руки я раскрыла плотные полотна ее укромного уголка и остановилась. Заметив мое замешательство, она взяла мою руку и вывела в истинный шатер сладострастия.

Здесь царил дурман. Десятки парочек, не найдя уединения, разместились на одном большом ложе. Всюду были раскиданы одеяла, лоскуты ткани, предметы одежды, кубки и расколотые чаши – здесь амазонки были свободны.

– Вот видишь, – Эррэйя мне шепнула, – разве они несчастны?

Они только и ждут, чтобы ты присоединилась к ним.

– Так пойдем же, – я первая сделала шаг и, поддаваясь порыву, потушила свечи. На миг все застыли, я разлила вино по кубкам, и ночь заиграла новыми красками.

Я позволила себе быть одной из многих.

Глава 4

Ларс очнулся от пощечины. Щека пылала, в голове стоял гул, глаза заслезились от света. Пронзительно скрипнула дверца, раздался скрежет ржавого ключа в замочной скважине. Ларс повернул голову в сторону звука.

Решетка. Темные стены, гниющий коврик в углу. Мрак... Босые ступни мерзли без сапог, тело дрожало. Откуда-то нещадно сквозило...

Ларс поежился, пытаясь скрестить руки, но цепи на запястьях не дали даже дотянуться до локтя. В тишине их лязг оглушил, ударяя по ушам колокольным звоном. Ларс отвернулся – не самое уютное место выделил для него милостивый Уркулос, но что он мог ожидать после столь радушного приема?

– И что это значит, Ларс?

Новый удар. Словно башня с колоколом выходила из храма не в центр Дворцового сада, а напрямик в его голову. Что это было? Какой-то яд или сильное снотворное? Так или иначе, оно оставило его без сил.

– Смотри на меня, когда я говорю с тобой!

Поросячий визг... неужели ему предстоит убирать загоны? Это бы все объяснило, но почему вокруг пустые стены?

Он осмотрелся. За решеткой простирался такой же темный и пустой коридор, вдали тусклыми огнями размывались точки факелов, но перед ним, буквально в шаге, стояла его несостоявшаяся супруга.

– Лефлет? – от неожиданности Ларс вскочил, но еле удержался на ногах от холодной слизи, покрывающей пол. Заныла шея.

– Хорошо, что нас разделяет решетка, иначе бы я не пришла! – она глядела строго. Будто не она только что хлестнула его по лицу. И уже успела скрыться!

– Однако же это не помешало вам вклеить мне знатную оплеуху, миледи...

Ларс потер щеку и еще раз осмотрелся. Ни лавки, ни единого выступа, чтобы сесть, лишь холодный пол и мерзкая слизь вокруг. Ступни начинали неметь, он переступил с ноги на ногу.

– Лучше бы ты молчал, Ларс! – она прошипела.

– Разве вы за моим молчанием пришли сюда?

– Я пришла взглянуть на тебя перед твоей ничтожной смертью, предатель! Ты бы мог умереть с честью, народ тебя любит, но ты сам отправил себя на плаху, винить некого!

– Думал я, беременность красит женщину, но, видно, это не ваш случай, миледи, – Ларс все же приземлился на холодный пол и пошевелил пальцами ног. Еще живые... Вот бы знать, сколько времени прошло, вот бы знать, где он, где Анна...

– Каким же ты стал жалким! – Лефлет взвизгнула. – Когда ты уходил, я еще надеялась, что ты вернешься!

– Я тоже... дурак.

– Ну, что ж, – Лефлет усмехнулась, – ты можешь сколько угодно долго оставаться хладнокровным, Ларс, но мы-то с тобой знаем, кто тебя уже заждался по другую сторону жизни, ведь так? Разве не возрадоваться ты должен, принимая смерть как добрую волю своего лорда? Разве нет, Ларс? – Лефлет хихикнула, и восклик ее разлетелся по самым далеким уголкам коридора. Наверное, все-таки никого здесь, кроме них двоих, и не было. Ларс вновь поднялся:

– Зачем ты говоришь это? С тобой я не намерен говорить о чувствах, былых или настоящих, и тебе от этого тоже никакого проку.

– А хочешь? Хочешь, я расскажу, где Люсия? О, мне несложно, Ларс, все для тебя! Ее тело, о, ее прекрасное нежное тело – ты же ее еще помнишь, ведь правда, Ларс? О, его не предали земле, нет... его не предали огню... и пучине вод его не отдали...

– Молчи, Лефлет! – Ларс одним рывком оказался возле решетки. Девушка, взвизгнув, отошла и залилась смехом. От резких движений голова вновь загудела, но он вцепился в решетку и, сотрясая скрежетом пустоту, отбросив всякую учтивость. – Ты не посмеешь тронуть ее память, твоя скользкая натура слишком далека от ее доброты, и я не позволю твоим грязным губам говорить о ней хоть слово!

– О, Ларс, да брось, ты чего? Конечно, позволишь! Ты же не спас ее? Нет, не спас, ну а что же ты от меня хочешь? – она хихикнула. – Я могу тебе лишь поведать о том, как ее бросили собакам, да-да, собакам, тем самым, что выходят на разведку вдоль Главного Тракта.

– Молчи, Лефлет...

Руки Ларса приковались к железным рейкам его тюрьмы, ступни словно уже и не ощущали холода, а взгляд устремился лишь к надменной ухмылке девушки.

– Ну а что? Почему нет? – она принялась выхаживать перед ним, выпятив живот. Без многочисленных юбок он выделялся теперь еще сильнее. – Она уже не кричала от боли, это было невесело... только радость собакам.

– Сумасшедшая! Вы все здесь сумасшедшие! – Ларс дернул рейки, лязг разошелся по сырому подземелью.

– Ой, толкнулся, – она схватилась за живот. – Ты смотри, Ларс!

Ему нравится! Мой мальчик вырастет славным лордом...

– Он проклинаяет тебя.

Ларс сплюнул, и Лефлет подошла ближе. Теперь он мог рассмотреть ее. Бледное лицо, неестественный румянец на щеках, светлые волосы, покрытые шелком, и глаза какие-то... пустые. Она наследница, она будет править Мирсулом когда-то, и, возможно, бессердечность поможет ей в этом. И поможет в воспитании будущего правителя.

– Ты все думаешь, что это неправда, или я пугаю тебя, но нет, Ларс! К несчастью, ты слишком благородный человек, чтобы тебя страшила собственная участь, но мы-то с тобой знаем, что ты вернулся не один, – она оскалила зубы.

– Анна не попадется вам, даже не мечтай, – Ларс выдавил из себя ухмылку.

– За ней должок, разве ты не знаешь? Премного сожалею, но на этот раз ей не уйти. Уже светает, очень скоро вернется стража, и тебе не придется скучать здесь одному.

Светает. Анна могла быть уже где угодно. Если ей повезло, она могла проскользнуть мимо дремлющей стражи, могла найти местечко и ждать его помощи, могла сама спешить ему на помощь... Да где угодно она могла быть! Хоть на другом конце леса! И это походило на нее больше, чем благородные стремления вытащить кровного врага из плена.

– Уходи, – он отвернулся. Если у него еще оставался шанс для побега, для этого нужна была холодная голова. Происходящее до сих пор кружило мысли, словно дурной сон. – Зови надсмотрщиков, стражу, Уркулосу, кого угодно! Только не мельтеши перед глазами.

Где-то вдалеке хлопнула дверь. Глухой стук донесся и до Ларса, но он не поменял положения. Звук приближающихся шагов заставлял вслушиваться, но Лефлет оповестила его прежде, чем он обернулся:

– Ну, вот, это уже к тебе!

Шаги приближались, и девушка позади него засуетилась. Ларс запрокинул голову: сверху по стене стекала струйка воды, потолок скрывала тьма. Ни единого окна, ни единого просвета сквозь тяжелые камни. Наверняка он был глубоко под землей, еще ниже священного храма. И чтобы выйти отсюда, нужно было бежать на многоярусную винтовую лестницу, выводящую наружу. Без шансов. Если только Анна могла как-то пробраться внутрь, если она могла отыскать его...

Слишком рискованно. Она бы на это не пошла. Даже ее горячий до битв нрав не победит в противостоянии со здравым смыслом. Придется искать лазейки. И если сейчас, в самом деле, рассвет, времени и возможностей для побега остается все меньше.

– Миледи, ваш отец вас обыскался! Слава Создателю, вы здесь! Спиной Ларс ощутил тяжелое дыхание прибывшего. Он остановился за его тюрьмой в ожидании ответа Лефлет.

– Я должна была посмотреть в глаза этому человеку. Теперь я готова идти. Уже известно, какая участь ему уготована?

– Пока об этом не велось разговоров, миледи. Весь город всполошился из-за пожара. К сожалению, сегодня мы потеряли гораздо больше жизней, чем в прошлый раз, – он вздохнул. – Ваш супруг в ярости, слишком много времени ушло на борьбу с огнем. Уже светает, а в поисках зачинщика стража не продвинулась ни на шаг.

– Этот пожар лишил меня брачной ночи! – Лефлет топнула ногой. – Поджигателя найдут, а тебя казнят, Ларс! Не провожай меня, Эадда, я слишком устала, и хочу побыть в одиночестве.

Эадда? Ларс обернулся. Девушка бросила на него презрительный взгляд и, развернувшись, зашагала к выходу. Служитель Ордена проводил ее взглядом и, дождавшись, когда за ней закроется дверь в конце коридора, повернулся к Ларсу:

– Рад тебя видеть, дружище, но у нас мало времени, – он подошел к решетке и, не задумываясь, отворил дверь. – У тебя талант попадать в передряги.

Ларс замер. Эадда – его славный товарищ, он не раз рисковал жизнью ради него, но сейчас все могло обернуться как угодно, а подставлять товарища – это последнее дело. И сейчас он был явно взволнован:

– Ну же, Ларс! Давай живей!

– Эадда, мой друг, – Ларс сделал шаг ему навстречу, но выйти не решился, – я не могу подставлять тебя. Вместо меня ты можешь лишиться жизни...

– Ты не должен сомневаться! – он вошел и буквально вытолкнул Ларса из темницы. – Удача на твоей стороне, эта таверна загорелась очень вовремя, сейчас всюду суматоха, никто на нас и глазом не поведет!

– Это Анна... мы должны найти ее!

Эадда вздохнул:

– Вероятно, ее уже нет в городе. А если она до сих пор не успела уйти, то вряд ли она еще жива. Сейчас ты должен сам выбирать. Просто доверься, хорошо?

Слишком глупо отказываться от помощи, слишком плачевным было его положение. И если, в самом деле, это Анна спасала его, то о себе она позаботилась бы в первую очередь. И выбор был очевиден.

– Хорошо, Эадда, веди! – Ларс протянул руку. Звякнули цепи, но он с готовностью ее пожал. Лишь после мужчины достал ключ от оков и освободил его руки. Ларс пошевелил запястьями. Еще живые... еще есть шанс на борьбу, есть возможность выбраться отсюда. Эадда махнул ему, и они направились в ту же сторону, куда ушла Лефлет.

– Мы должны тебя снарядить, – по пути объяснял мужчина. – Все будет подстроено так, что это Лефлет выпустила тебя. За дверью ее сейчас встретила повитуха и повела к лекарю, она и есть наш свидетель. А это, – он указал на дверную ручку, – наша улика.

Они остановились. На входной двери, прямо на металлическом кольце красовалась изящная дамская перчатка – в точности такая, какую носила Лефлет.

– Ей не отвертеться, – Эадда хихикнул. – Если знахари ее напоят чем-то из своих снадобий, у нее самой не останется сомнений, что твой побег – ее рук дело.

Ларсу оставалось только ошарашенно глядеть на своего внезапного спасителя:

– Как ты... это все...

– Смола, – он указал на перчатку, – а остальное... да так, по мелочи... в основном, твой авторитет, знаешь ли, – он похлопал его по плечу.

– Поясни, Эадда... меня не было столько времени...

– Именно! И один лишь слух о том, что ты вернулся, может совершить переворот, и разве это – не доказательство? – он приоткрыл дверь и выглянул наружу, Ларс озирался. Позади был

длинный коридор с такими же решетками по краям, за одной из которых находился он сам, и никого более. Пока что все складывалось слишком удачно, лишь бы цена этому не оказалась слишком высокой...

– А как же ты? – Ларс одернул своего спасителя. – У тебя могут быть неприятности из-за этого.

– Если у меня будут неприятности, это будет самый лучший день в моей жизни. Служба слишком скучна, Ларс... тебе ли не знать? – он вновь выглянул за дверь и, обернувшись, махнул ему рукой. – Идем. Они оказались в новом коридоре, но решеток здесь не наблюдалось. Такой же пустой и темный, впереди он разветвлялся в трех направлениях, но они пошли прямо. Ларс оглядывался на каждом шаге, но ни постороннего звука, ни взгляда ему обнаружить не удалось. Место тоже было ему неизвестным. Оставалось лишь слепо довериться Эадде и надеяться, что он все просчитал.

За коридором последовали залы. Не такие просторные, по которым его вел Уркулос, и, тем более, не такие шикарные, но такие же пустые, словно заброшенные. Возможно, здесь планировалось что-то строить, но время для строительства явно наступало не сегодня.

– А этот зал тебе понравится, – Эадда подмигнул Ларсу и отворил очередную дверь.

Здесь располагалась оружейная. Стойки с самым разным оружием, доспехи, сундуки и шкафы были расставлены тесным лабиринтом.

– Мое снаряжение здесь?

– И не только! Если желаешь, мы найдем новенькую замену твоим потрепанным латам?

– Сейчас не время, Эадда. Если ты и вправду выведешь меня, я буду в невосполнимом долгу перед тобой, но сейчас не горю желанием задерживаться... если только это необходимо.

– Ты прав, нет необходимости, – Эадда подошел к платяному шкафу в самом дальнем углу зала. – И я еще надеюсь увидеть тебя, в конце концов! И вот тогда у нас будет время. Ну, не будем медлить! Одевайся, и я выведу тебя.

Ларс облачился в доспех, прихватил дорожный мешок, оружие и последовал за Эаддой. Нет, здесь ему не приходилось бывать прежде, но и вернуться сюда он бы не хотел. Впрочем, сомневаться в искренности намерений его товарища не было никаких оснований. Все-таки их связывало долгое прошлое, и время его отсутствия в Мирсуле не могло разделить их по разным сторонам.

– Готов? – Эадда улыбнулся. – Нам осталось недолго. Рисков почти нет.

– Спасибо, друг, – Ларс подошел к выходу из зала, но вдруг остановился у двери. – Прежде чем мы вновь разойдемся, я хочу спросить одну вещь.

– Все, что угодно, Ларс. Говори.

– Возможно, Лефлет лгала, но... мне важно знать правду. Я думаю, ты поймешь.

– Я слушаю тебя, мой друг, – его голос стал серьезным.

– Ты что-то знаешь про Люсию? Где ее похоронили? Или где ее прах? Любые сведения...

– Ларс, – Эадда вздохнул, – не вини себя. Сейчас это ничего не изменит.

– Ответь. Это важно для меня...

Эадда отошел. Здесь было темно, но Ларс уловил тоску в его взгляде. Он сложил ладони в замок на груди и замер.

– Что тебе сказала Лефлет? – голос его стал бесцветным.

– Она сказала, что собаки разведчиков растерзали ее, но я не могу верить ее словам! Она слишком лжива, и я не в том положении сейчас, чтобы вывести ее на чистую воду.

– Ты не знаешь, Ларс, но я расскажу тебе, ибо мне не с кем больше поделиться, – Эадда опустил голову, и Ларс нахмурился. – У меня отняли дочь. Мою малышку Севилью. Она наслухалась сказок про «мир за горами», про Расколотую Низменность и Глаз Дракона... одним словом, она хотела подружиться с принцессами, чтобы тоже стать принцессой. Она по-детски верила, в своем воображаемом мире, что если она подружится с Марией, то она обяза-

тельно пригласит ее в замок. Я был слишком занят на службе, чтобы знать о ее поступке... и она отправила письмо в Белый Ястреб. Белый Ястреб! Замок, который завоевал нас, целый город, с многовековой историей. Ты можешь только вразумить это? – он воскликнул, но сразу одернулся. – Конечно, стража перехватила ее детское послание. Да какое послание? Там было больше детских почеркушек, чем какого-то смысла. И теперь я виню себя, что был на службе! Я всегда на службе! Я никогда не прощу себя, что из-за моего неведения моя жена пошла просить за дочь!

Он закусил губу и покачал головой. Ларс не смел шевелиться. Никогда прежде Эадда не говорил о семье. Их связывала служба, долг и верность лорду. Они готовы были заступиться друг за друга в бою, выручить в любой ситуации. И если о его истории с Люсией знал весь знатный двор Уркулоса, то о семье Эадды вряд ли кто-то мог что-то судить. Он молчал о них, конечно, он защитить их хотел, и теперь все его опасения пошли прахом.

– Когда ранним утром я возвращался домой, на площади я увидел женщину, привязанную к позорному столбу. Она еле дышала, на ее теле кровоточили раны от побоев, – он вскрикнул и закрыл ладонью дрожащие губы. Ларс хотел подойти, но тот вытянул руку перед собой и покачал головой. – У тебя доброе сердце, Ларс, и я знаю, что ты переживаешь сейчас мою судьбу, но я сам... я должен справиться. – Он закрыл глаза и звучно выдохнул.

– Говори, Эадда. Просто выслушать твою боль – это самое малое, что я могу для тебя сделать, – Ларс заговорил очень тихо, но Эадда все же поднял на него глаза.

– Это была моя жена, – теперь он глядел на него в упор. – Мне удалось договориться, чтобы ее отправили к лекарю, но дочь я больше не видел. У меня ничего не осталось. Я как будто на полжизни поставил...

Он закончил говорить, но так и не сводил глаз с Ларса. И он не решался вмешиваться в его раздумья. Его друг открыл душу, но чем он мог помочь? Он сам сейчас нуждался в помощи, но после всего, что услышал, собственная жизнь стала казаться бессмысленной. Что там дальше – неважно. Но он не имел права подводить стараний Эадды, равно как риск Анны ради него, какой бы он ни был, и поэтому он должен был выжить после того, как выйдет отсюда.

– И если ты теперь сомневаешься в судьбе останков Люсии, ты либо полоумный, либо чересчур наивный. Но я понял главное. Если слова Лефлет не несут в себе и грамма морали, они правдивы, Ларс... они правдивы.

– Не подставляйся, Эадда, ты еще нужен своей семье.

– То, что я здесь – это самый тихий протест, который я мог устроить Уркулосу, и потому я не упустил возможности. И если ты выживешь после побега, это будет наша общая победа. Но ты теперь мне обязан! Обязан выжить! – он почти зарычал, и Ларс протянул ему руку:

– Спасибо! Я не подведу твоих надежд. И я постараюсь вернуться...

Они обнялись, но Эадда усмехнулся:

– Не обещай того, в чем не уверен. Я не уверен даже в том, буду ли жить завтра. Но когда я буду умирать, я буду спокоен. Я буду знать, что сделал все, что мог.

– Не сегодня, мой друг, не сегодня!

– Пора идти. Тебе предстоит неблизкий путь.

Он отворил дверь уже безо всякой осторожности и вывел Ларса к лестнице.

– Дальше ты пойдешь один, – Эадда осмотрелся. Они находились в маленькой комнатке, в которой кроме лестницы и незаметного сундука в углу, ничего не располагалось. Одиноким факел освещал темное пространство, и мужчина, не задумываясь, отдал его Ларсу. – Тебе пригодится. Я, признаюсь, не имею представления, что может ждать тебя на пути.

– Мне нужно идти вниз?

– Да. Это недостроенный ход из Мирсула. Если повезет, ты выберешься из города. Его строят рабы, и они не окажут сопротивления, даже если встретятся на пути. А с парой-тройкой надсмотрщиков ты справишься без труда.

– Рабы? Откуда? Насколько мне известно, рабство покинуло эти края со времен перемены власти.

– Никто тебе не скажет правды, Ларс. Всем известно, что во времена правления эльфов их рабами были люди, но когда мы захватили власть, думаешь, ни у кого не возникло мысли поработить эльфов в отместку?

– Эльфы вымерли, Эадда. И теперь неважно, какие стремления были у людских завоевателей насчет них.

Эадда усмехнулся:

– Я думаю, ты сам все увидишь. Тебе предстоит неблизкий путь. Ларс спустился по лестнице и толкнул дверь. Перед ним простирался подземный тоннель. Что его ждало впереди, предугадывать не было смысла. Сейчас он видел лишь тьму перед собой и ни одного огня в поле зрения.

– Еще раз спасибо, дружище. И все же я надеюсь, что мы встретимся.

– Теперь все зависит от тебя, Ларс. Но в тебе я не сомневаюсь, – Эадда похлопал его по плечу.

– Куда выводит этот ход?

– Он не достроен, но лорд Уркулос одержим идеей соединить Мирсул с местом падения Драконов в Расколоте Низменности.

– С местом соединения четырех сил, иными словами, – Ларс протянул.

– Я ни разу не бывал за горами, но тебе, вероятно, должно быть известно это место, – Эадда лишь пожал плечами, но Ларс улыбнулся:

– Ты даже не представляешь, насколько.

* * *

Анна постучала в дверь. Каменный дом старого кузнеца не изменился. Несколько зарос плющом за долгие годы, но оттого лишь казался уютнее снаружи. Ставни на окнах, когда-то расписанные яркими цветами, потускнели от времени и сейчас были плотно закрыты. Влага пропитала их, и темные разводы украшали их вместо разноцветных узоров.

Тьма рассеивалась, и праздничные огни в городе стали гаснуть, скрывая тени. Шум и крики остались на Центральной площади, здесь царило спокойствие. Стража еще не добралась до окраины города в поисках бунтаря, и Анна могла позволить себе укрыться под крышей старого друга.

Своим появлением она накличет беду в его дом, но старый кузнец никогда не страшился напастей со стороны стражи. Слишком многое ему пришлось повидать на своем веку, чтобы чего-то бояться в старости, и оттого Анна не сомневалась, куда держать путь. Ноги сами понесли ее по закоулкам города, огибая центральные улицы, на самую окраину. Ничего не изменилось с тех пор в укладе жизни Мирсула, не изменился народ, ничего не изменилось снаружи старого дома и, что-то подсказывало, что и внутри все осталось как прежде.

Анна потопталась на месте. Еще не рассеялась предрассветная тьма: конечно, пожилой кузнец еще спал. Никто не принимает неожиданных гостей с самого утра, но у нее не было выбора. Единственным, кто мог помочь ей покинуть город, был только он. И он обязательно, именно сейчас, должен оказаться дома.

Анна постучала снова. В тишине зарождающегося утра ее стук показался громом. Рядом стояли еще небольшие дома, но и оттуда не доносилось ни звука. Город еще спал, укрывшись холодным одеялом ночи, но Анна не могла ждать его пробуждения.

– Кто там? – за дверью раздался тихий голос.

От одного лишь звука этого голоса по телу побежали мурашки. Здесь жило ее прошлое, и она сама пришла сюда, не ведая, что делает. И это было самым правильным решением за всю ее жизнь.

– Если ты помнишь меня, Улиан, прошу, открой дверь. Я Анна, я... вернулась.

Молчание вместо ответа. Конечно, он мог уже не помнить ее. Прошло десять лет с момента их последней встречи, и память подводила старичка уже и в те времена.

– Анне незачем возвращаться ко мне, незнакомка. Уходи.

– Разве незачем, Улиан? Я унесла из твоего сундука одну вещицу, и с тех пор моя жизнь перевернулась с ног на голову...

Тишина. Тяжелый выдох вместо ответа. Вероятно, старик мучился сейчас в раздумьях по ту сторону двери. Но через пару мгновений Анна уловила тихий шорох, и тяжелая дверь отворилась с протяжным скрипом.

– Пресвятое пламя Ульбраха...

Улиан схватился за дверной косяк, словно боялся упасть от увиденного, но Анна в ответ лишь улыбнулась. Это был он. Старый эльфийский кузнец, каким-то чудом выживший среди лихорадки, настигшей всех эльфов после принятия Глаза Дракона символом Мирсула. Он не постарел, не похудел и не поправился. Он выглядел в точности так же, как в тот день, когда Анна видела его в последний раз.

– Десять лет прошло...

Эльф схватился за голову и будто окаменел, глядя на нее.

– Я не знал, что ты жива! Я ничего не знал, – у него задрожал голос, и он закрыл губы ладонью. – Прошу, не стой на пороге, проходи. Проходи сюда. Вот так.

Он закрыл дверь и повел девушку в комнату. Его дом не располагал пространством для приема гостей, но для Улиана это никогда не было помехой. Живя уже не одну сотню лет, он привык к одиночеству и всегда с опаской подходил к новым знакомствам. Но с Анной он познакомился сам.

– Ты голодна? Могу предложить похлебку и корку хлеба, и... воду, и...

Он застыл, не сводя с нее глаз. И глядел он так... по-особенному. Он не изучал ее, не пытался читать мысли, а любовался ею, будто заботился о том, чтобы сегодня она хорошо поела и крепко спала.

– У меня мало времени, и я не хочу доставлять тебе неудобства. Спасибо.

– О, нет-нет, идем, – он засеменил на кухню. – Садись за стол. У меня все готово. Ты должна рассказать мне все с самого начала.

Анна послушно расположилась за столом и, пока эльф суетился с едой, разглядывала кухню. Всюду были развешаны вышивки. Золотой гладью изображались на стенах сцены сражений драконов, эльфов, животных и других неведомых существ, каких никогда не приходилось встречать девушке. Одни яростно сражались с противником, другие смиренно принимали участь поверженных, третьи смеялись над врагом или ухмылялись в лицо неизбежной смерти. И все они боролись, чтобы жить.

– Тонкие пальцы моей матери держали иглу с шелковой нитью. Она любила древние эльфийские истории про подвиги и героев, – Улиан поставил на стол чашку, сам расположился напротив. – Прошло четыре сотни лет со времен моей юности, но я до сих пор помню, как сам наворачивал похлебку, сваренную ею. Это вкус моего детства, и ни разу больше я не смог ощутить его, сколько бы ни старался.

– Нужна смелость, чтобы отпустить прошлое, – Анна хлебнула горячую жидкость. Пустой желудок отозвался благодарным урчанием. – И я не знаю, хватит ли мне ее когда-нибудь, чтобы перестать возвращаться назад.

– Ты здесь. Это ли не главный шаг к принятию былого?

– Я не хотела. Я не стремилась возвращаться, Улиан, – Анна вновь улыбнулась. От горячей пищи на щеках выступил румянец. – Видно, зря. Эта похлебка великолепна!

– Несколько... сменил род занятий, – эльф улыбнулся в ответ. – Ты спешишь, но поведай мне свою историю, Анна. Я не видел наверхия, я не видел тебя и... никогда не думал, что смогу увидеть вновь.

Анна вздохнула. Никогда она не говорила о себе прямо и откровенно, никогда не рассказывала, чего боялась, а чего ждала. Любые слова приближали ее к смерти, и оттого она молчала. Молчала, и потому была жива. Улиан всегда был единственным, с кем она могла говорить раньше. И он говорил с ней тоже. Прошло с тех пор уже очень многое, но ни одно слово не срывалось с ее губ. Ее окружали незнакомцы, она сторонилась всех, но сейчас она вернулась, и старый эльф, наверное, был единственным, кто имел право знать.

– Что же сказать тебе, Улиан? Видишь, кто я теперь? На моем лице сажа, в руках оружие, а на теле шрамы. Вместо ленты в косах, в моих волосах грязь, а за спиной – гора кровавых трупов, – Анна понизила голос. Гобелен на стене за спиной Улиана слегка покачнулся. Изображенный грифон будто взмахнул крыльями. – Я уже не та девчонка, которую ты спас однажды от насилия... теперь я убиваю сама.

– Я не буду винить тебя, Анна. Я не знаю, что пришлось пережить тебе, с чем пришлось бороться. Я мог лишь надеяться, что наверхие из моего сундука поможет тебе выжить...

Анна покачала головой:

– Сожалею, но я потеряла его в тот же день, когда убегала в лес из твоего дома. Я так и не поняла, частью чего оно было.

Теперь Улиан посмотрел на нее очень внимательно. Грифон за его спиной будто бы тоже пристально следил за незнакомкой. Кажется, в своем клюве он держал посох, и сверкающие лучи исходили от его наверхия.

Но Анна лишь пожала плечами, и эльф поднялся. Он прошелся перед ней, словно мерил шагами кухню. Анна следила, но он о чем-то думал, и она не спрашивала. Что-то случилось, или наверхие имело какое-то значение для него, но Улиан спросил сам:

– Как это произошло? Как ты потеряла его?

– Это совсем неинтересно, тогда я еще ничего не знала.

– Но ты еще жива, – Улиан наклонился и оперся локтями на стол, его глаза до сих пор изучали ее. Анна не отвечала.

Перед ней был даже не человек – старый эльф, бывший кузнец, наверное, единственный, кто знал ее историю, но губы лишь задрожали в ответ, не сумев вымолвить ни слова. Раньше он казался ей очень старым, мудрым в силу возраста, кузнецом, повидавшим жизнь. Но сейчас вдруг перед ней оказался как будто ровесник. Те же серебристые волосы струились по сутулым плечам, те же светлые глаза укрывали забытым теплом, и первые морщинки придавали лишь внешней мудрости его лицу.

Но каким бы он ни казался, сам эльф не относил себя к таковым, хоть из всех представителей эльфийского рода чудом выжил только он. Ему были открыты забытые тайны, хранящие память об истории Мирсула, а, возможно, не только его. Но кузнец молчал. Лишь смотрел все внимательней, словно и не требовал ответа. Но Анна должна была сказать ему.

– Я... ушла не в самое удачное время, – она отвела взгляд и принялась перебирать пальцами, Улиан вновь уселся напротив. – Я бежала той ночью что есть силы, лишь бы поскорее уйти из города. Я вышла на лесную опушку и, уже не ожидая опасности, пошла по тропинке вглубь леса. Только тогда я вспомнила про твою вещицу, но не успела ни разозлиться, ни испугаться ее... мне навстречу вышли работоторговцы. Я не знала, что они бывают в Мирсуле, и поплатилась за свою наивность клеймом.

Анна нахмурилась, но Улиан заговорил очень мягко:

– Так ты оказалась в рабстве?

– Нет, они не успели пленить меня. Меня спасли амазонки, и после... я стала такой, – Анна закусила губу и склонила голову, но эльф улыбнулся:

– Так, значит, мое навершие забрали лесные воительницы?

Анна подняла взгляд, и грифон подмигнул ей сверкающим глазом. Посох в его клюве стремился в новую битву. На заднем фоне гобелена рушились замки. Анна ответила:

– Нет, оно не у них, в этом я уверена. Почему ты так интересуешься им? Прошло уже столько лет, у тебя таких безделушек еще с десятков сундуков найдется.

Но эльф заулыбался лишь шире:

– Что ты почувствовала, когда взяла его в руки?

– Я не хочу говорить об этом. Это пустой разговор, – Анна поднялась. – Мне пора идти. Скоро сюда придут стражники, и я бы не хотела доставлять тебе неприятности.

– Анна, скажи! Возможно, я смогу помочь тебе, – он перегордил ей дорогу, девушка звучно выдохнула. – Это не простая вещица, и если вас что-то связывает, я смогу тебе поведать то, что никому не говорил доселе.

Она посмотрела на эльфа в упор:

– Только боль, – она сказала тихо, но Улиан ждал. Она не должна говорить, не должна открываться. Но, возможно, более они не увидятся вовсе, и Анна продолжила на выдохе: – Амазонки спасли меня от рабства, но кое-что они все же не успели предотвратить, – она покачала головой. – С тех пор на моей спине появилось клеймо. И ничто иное как твое навершие раскаленным металлом коснулось моей кожи. Какой смысл ты увидишь в этом, я не знаю. Но я бы не хотела вспоминать. Если тебя интересуется его участь, я не смогу помочь тебе.

Глаза эльфа распахнулись:

– Теперь это неважно! Куда важнее то, что стало с тобой! – он вновь зашагал по комнате. – Я все это время боялся и ругал себя, что сгубил тебя, но сам Каменный Ульбрах привел тебя ко мне, ты приняла на себя его силу, и сама еще не догадываешься об этом! Это поразительно! Садись! Анна, садись, прошу тебя, за стол! Ты мне должна рассказать, где ты жила, что делала, и почему ты снова здесь?

Анна вздохнула, но на скамью все же села:

– Мне уже пора, Улиан, я много рассказала тебе. Меня ищет стража, я должна уйти до их появления. И еще... наверное, Прохор должен вот-вот прийти. Он будет не один, и тебе лучше подготовиться к его приходу.

– Как ты... как ты знаешь? – он словно и не удивился, а больше обрадовался новости прихода Прохора, но быстро одернул себя. – Да не об этом сейчас! Навершие – это часть древнего артефакта, Анна. Он давно утерян, и эта малейшая его часть хранилась в моем сундуке долгие годы, но если теперь утеряно и оно, ты остаешься единственной ниточкой к магии Цельного мира...

Теперь рассмеялась Анна:

– Улиан, я рада тебе, ты помог мне, но я всегда считала эльфов болеемышленным народом. Что ты говоришь? Какой Цельный мир? Какая магия?

– Ты думаешь, Расколотая Низменность всегда была расколотой? – он хитро подмигнул ей безо всякой обиды, и Анна осеклась. То же самое говорил Ларс перед гибелью Софии.

Если и было в мире лицо у неизведанной магии, то, определенно, это было лицо Софии. Ужасные воронки, несущие в себе разрушение в огромных камнях, накрывших чернотой все небо, соединялись в одну огромную, необъятных размеров, и София, как малейшая крупца, управляла ими. Словно закрывала прореху.

Вдруг в легких пропал воздух, и Анна прокашлялась. Влажными пальцами она поправила упавшую прядь и опустила глаза. Воспоминания были еще слишком свежие. Прошло еще слишком мало времени, чтобы забыть, и в ней до сих пор каждый день копились силы, чтобы помнить.

– Знаешь, почему вымерли эльфы? Это все из-за Раскола. Четыре Силы не могли стлавкаться тогда, они должны были просто исчезнуть. Великий Воин, Великий Маг, Истинный

Дух, Истинная Дриада: каждый нес в себе разрушение, Анна, – он заговорил торопливо, словно из-за страха, что она уйдет, не дослушав. – Если бы один из них только захотел создать хоть что-то, все бы вышло по-другому. А тогда... они все исчезли, но силы их остались здесь, – Улиан присел на край лавки и обнял голову руками, как будто снова проживал эти мгновения, но Анна уже знала, как должна ответить:

– Камень разрушения... они заточили силы в Глаз Дракона. Это старая-старая сказка.

– Я видел! – эльф поднял голову, на его лице читалась безнадега, в светлых глазах стояли слезы. – А после... я видел, как погиб мой народ.

– Это не может быть правдой, – Анна прошептала, но брови ее хмурились. Грудь сдавил невидимый ком. – Магии нет...

– Теперь ее нет, Анна. Лишь в самых глубинных местах силы остались ее задатки, и я чувствую ее! Бывает, вскакиваю среди ночи от всплеска магии, но здесь ее нет, в Мирсуле нет магии. Здесь только Церковь.

– Какая разница, магия или церковь? И то, и другое нужно людям, чтобы оправдать их бессилие.

– Это называется вера, Анна. Даже если пропала магия, даже если разбились Драконы, народ должен во что-то верить.

– Я видела другую веру, – Анна неожиданно ответила, – веру в человека. В себя, своего правителя, наставника или друга. Это настоящее.

– И как часто твоя вера оправдывала себя? – Улиан усмехнулся. – Ты можешь верить в себя, Анна, но не все такие сильные, как ты.

Теперь она промолчала. Ей нужно было уходить. За окнами уже расплзлась всякая тьма, и оставаться здесь с каждой минутой становилось опаснее. Но эльф вдруг продолжил:

– Пять лет назад здесь горела таверна, – Анна замерла.

Кузнец усмехнулся:

– Знаешь, как в народе прозвали этот пожар? Гнев Дракона.

– Это была я, – Анна заглянула ему в глаза. – А сегодня была Мечь Дракона. И это снова была я. Люди упорно не верят в мое существование, – она ухмыльнулась.

– Не это ли доказывает мою правоту? – Улиан воскликнул. – В тебе сила! Тебе по силам уничтожить Глаз Дракона. Ты должна...

– Глаз Дракона в Пещере, – она не дослушала. – Теперь он не представляет угрозы.

– Ч-что? – эльф внезапно побледнел. – Камень в Пещере? Н-но... как? Ч-то же... произошло?

– Ничего не произошло, Улиан. Королева Изабелла распорядилась отнести камень на его законное место. Вилорм охотился за ним, и если, как ты говоришь, это – камень Разрушения, то в его руках он бы вдоволь позлорадствовал. Мы выполнили поручение королевы, и, как видишь, я перед тобой. И миру ничего не угрожает.

Улиан застыл. Огромными глазами он глядел на нее, словно надеясь отыскать ложь в ее словах, но напрасно – она говорила правду. По крайней мере, она искренне верила в это.

– Что-то неправильно... что-то сложилось совсем не так, как должно, – эльф почесал затылок. – Не могу понять...

Анна пожалала плечами и отвернулась в сторону, делая вид, что рассматривает настенные картины, но кузнец не на шутку озадачился. Он выхаживал мимо нее, что-то едва слышно бормоча.

– Какой он... этот Глаз Дракона? Однажды мне приходилось держать его в руках, но тогда он был лишь обычной безделушкой.

– Не сказала бы, что и сейчас он чем-то отличается, – Анна нехотя развернулась. – Камень, красивая игрушка, предмет множества легенд и преданий. Он ничем не примечателен. В моих руках он раскалился, как пламя, я не могла его держать в руках...

– Так это не ты оставила его в Пещере?

– В это время я была уже мертва.

– Святой Ульбрах, – теперь он уселся на лавку и обнял руками седую голову. – Боюсь, Анна, все складывается... ты принесла себя в жертву ради камня...

– В каком-то смысле...

– И ты возродилась! То, о чем пишут древние эльфийские тексты – правда. Это удивительно! История может повториться, но я пока не пойму твою роль.

Анна нахмурилась. Она уже топталась на одном месте, в ожидании завершить странный разговор. Он, вероятно, почувствовал ее настроение и принялся путано объяснять:

– Анна, никто из нас не мог даже представить твою важность для мира, но если все, что ты говоришь – правда, если древние эльфийские тексты не врут, мы стоим на пороге возрождения Цельного мира. Это просто невероятно, моя дорогая! И, значит, все, что случилось с тобой здесь, что случилось после – это все не случайно. Так должно было произойти, чтобы ты смогла пойти по своему Истинному пути...

– Улиан, прости, нет времени оставаться дольше...

– Да, Анна, да, конечно, – он поднялся и побрел в другую комнату – ту самую оружейную, где когда-то ковались орудия для великих свершений и славных боев, но сейчас ушло то время, и комната казалась пустой и заброшенной. – Куда ты отправишься? – он остановился прямо в центре и глянул на девушку в упор.

– Я готова идти куда угодно, Улиан, лишь бы покинуть этот город. Я должна пересечь горы, должна вернуться в лес.

– Чем, ты хочешь, чтобы я помог тебе?

– Мне нужно только уйти. Меня не должны видеть ни стражники, ни обычные люди. Долгие века Мирсул строился только вниз, он славится своими подземными ходами, уверена, ты сможешь мне подсказать ближайший.

– Да, Анна, это так. Но сейчас тебе небезопасно куда-либо идти. Эти выходы тщательно охраняются. За выход из города подземным путем требуется заплатить огромные деньги.

– Я могу драться, стража меня не страшит.

– Я знаю, – Улиан по-доброму улыбнулся. – И, думается мне, ты и не должна драться. Однако, – он махнул рукой, – идем за мной.

Они отошли в самый дальний угол комнаты, и Анна проговорила:

– Ты же знаешь, что я никогда не хотела этого... но я слишком отчаянно хотела жить. Иногда мне казалось, что зря.

– Ничего не зря, моя дорогая, – он присел и словно что-то высматривал, шурясь. За окном послышалось ржание лошадей и лязг стальных лат. Стража патрулировала улицы города, к рассвету они добрались и до этого района. Анна покосилась на закрытые ставни. Улиан всегда был затворником, и лишний раз наружу не высовывался. Но каким-то образом он все же находил сирот для своего приюта на улицах города. Среди них была она сама, среди них был юный Прохор.

– Вот так... хорошо, – он нащупал металлическое кольцо, растущее прямо из пола, и в этот момент в дверь постучали. Анна обернулась на звук. – Что ж, они вовремя, – Улиан улыбнулся и потянул кольцо на себя. Доски на полу прогнулись с пронзительным скрипом и образовали темный ход, уводящий под землю. Анна изумленно глянула на кузнеца.

– Да, – он хихикнул, – это мой собственный. О нем неизвестно никому, кроме нас с тобой, и он поможет тебе выйти из города. Он безопасный.

Анна глянула вниз. Темнота. Ни одного луча света под землей не виднелось. Но выбора не было. Она должна уйти тотчас.

– Эй! – в дверь постучали настойчивей. – Старый ты дурень! Открывай, когда к тебе стучится стража Мирсула!

– Они знают меня как сумасшедшего Остроухого, – эльф кивнул в сторону двери. – Ходят ко мне регулярно. Так что... мне не привыкать.

– Спасибо, – Анна подошла ближе к лазу. – Я в неоплатном долгу перед тобой.

– Нет, Анна, – он положил руку на ее плечо и зашептал, словно кто-то мог их слышать. – Очень скоро ты поймешь, что по-другому я и не мог сделать. Ничего не происходит случайно, и твоя судьба это доказывает всецело...

– Улиан! Открывай!

На крик стражников отозвались соседские собаки. Предутреннюю тишину сменил лай, ржание лошадей и громкие голоса мужчин. Мирсул просыпался.

– У тебя... будут проблемы? – Анна шагнула в черный ход. Он уводил вниз, но сейчас его глубина была только ей по пояс. Улиан махнул рукой:

– Они не найдут этот ход, ты можешь идти спокойно. Я напою их медовухой. Уверен, они пришли сюда за ней, нежели в поисках беглянки.

На миг Анна задержала взгляд на эльфе. Слова не приходили. Он делал для нее слишком многое. Вряд ли она когда-либо сможет отплатить ему тем же. Но он и не просил ничего взамен, вот только от мысли, что сейчас они прощаются навсегда, в горле стоял ком. Анна сделала шаг вниз.

– Улиан, – она обернулась, – так частью чего было это наверху?

– Ты еще не догадалась? – он приблизился и вновь зашептал. – Частью тебя...

Они замерли оба. В двери теперь стучались без умолку.

– Иди, – эльф подтолкнул ее. – Ты выйдешь в лесу, там будет безопасно, – он присел и теперь держал крышку, чтобы захлопнуть ее после ухода Анны. – Если ты каким-то образом найдешь посох, ты больше никогда не будешь драться.

Он буквально вытолкнул ее из поля зрения и резко захлопнул крышку. Приглушились звуки, Анна погрузилась во тьму, но после слов старика о посохе перед глазами возник образ грифона с гобелена на кухне эльфа.

* * *

Ларс и вправду встретил рабов. Худые, изнеможенные, еле живые, они перебирали ногами по холодной земле и с киркой в руках продолжали обтесывать стены подземного хода. Первый раз, когда встретил их, он остановился. Он рассматривал вынужденных невольников, их занятия, надсмотрщиков – людей Уркулоса. Но после... проходил мимо, как будто их не существовало вовсе.

Они тоже не смотрели на него. Ларс не смущал их присутствием, не приносил ни воды, ни одежды, и поэтому был неинтересен. Надсмотрщики, что следили за порядком, также не проявляли к его персоне никакого интереса. Они словно были окованы так же, как и их подопечные.

И Ларс шел. Света факела хватало, чтобы видеть путь перед собой, а когда он приближался к месту стройки, огни сами освещали его. Путь вел по одной прямой, а в местах, где предполагалось разветвление, сейчас трудились несчастные люди.

Эадда ошибся, эльфов не было. Рабами людских правителей были те же люди, но, видно, чем-то не угодившие своим господам.

Ларс старался не привлекать внимания, и поэтому был рад, что никто на него не оборачивался. Сейчас он не сможет им помочь. Он может только увидеть другую сторону жизни Мирсула, других его жителей и их тяжелый труд, вкладывающийся для удобства знати.

Зачем Уркулос строил этот ход? Религия давно заполонила умы людей, но вера в святое место соединения четырех сил, а, значит, и крушения Драконов, оставалась сильна.

И какие бы еще цели не преследовал лорд, сейчас это было только на руку Ларсу.

Возможно, дело было даже не в вере. Развлечение для знати, не более того. Выйти на охоту, побродить по дикому лесу – чем не занятие? Плати золотом и будь свободен в действиях. Видела бы это Вероника, скупиться на проклятия бы не стала. Лес не нуждался в людях, и, тем более, не нуждался в цене. Вот только в войне за право владения она бы проиграла. И даже силы Черного Орла не смогли бы сместить чаши весов.

Уркулос умел побеждать, умел ломать и подчинять своей воле, и с лесными дикарями он не стал бы церемониться.

Ларс был рад, что уходит. Место возле лорда – уже давно не его, жизнь при дворе изменилась, и Ларс теперь лишился дома, даже если бы желал остаться. Он вновь становился скитальцем, но сейчас это казалось правильным.

Про Анну он старался не думать. Она ушла, не попала в руки стражникам. Она спасла его, и поэтому не могла жертвовать своей жизнью. И для того, чтобы жить, он ей был не нужен. Если она вырвалась, то, конечно, пошла обратно в лес, а, впрочем, у нее и вовсе могло не быть выбора. Нет, нельзя допустить, чтобы они не увиделись больше. Он отыщет ее, взглянет в глаза и все объяснит... все, что их разделяло.

И Ларс прибавлял шаг. Идти было непросто, узкие стены порой заставляли идти боком, а обвалы породы – прогибаться или обходить места завала. И факел переставал гореть. Дышать становилось трудно. Сырость, тяжелый воздух, пыль – Ларс закрывал рукой нос, чтобы не задохнуться в подземном ходу. И сколько он шел, сказать не решался.

Иногда он останавливался, чтобы перевести дыхание или вздремнуть, но после вновь шел вперед, опасаясь слежки или внезапной атаки подземных жителей.

Однажды он даже остановился, чтобы понаблюдать за ними. Обычные, худощавые, с потрепанной повязкой между ног, как замороженные, они ходили от камня к камню и тащили их к месту возложения тоннеля. Ни слова, ни лишнего звука, лишь длинные тени в тусклом свете факелов нарушали тьму подземелья.

– Наверное, я тоже мог бы здесь быть, – Ларс пробормотал себе под нос, вспоминая мятеж в замке Вилорма и смерть Люсии. Из-за него она погибла, и потому он остался служить Уркулосу. – Теперь даже не знаю, кого благодарить за то, что я только зритель...

И он шел дальше. Все-таки Анна его убивала не зря. Он умер и избежал возмездия Вилорма; он начал новую жизнь при дворе Уркулоса, слепо следуя его указаниям, и вновь встретился с Анной. А сколько он пытался жить без нее...

Люсия стала для него спасением среди дворцовых интриг. Ее искренность и доброта нашли отклик и в его сердце. Они могли бы пожениться, если бы не особое мнение лорда. У него на них обоих были другие планы, и это обсуждению не подлежало.

А теперь... он вновь один. Уже в который раз пытается начать жизнь сначала. И если он выйдет наружу, куда бы ни выводил этот ход, это будет первая победа.

* * *

На почетном пьедестале Зала Трофеев теперь лежала книга. Самый главный трофей, доставшийся Черному Орлу после взятия Белого Ястреба. Тяжелые страницы ее потускнели от старости, но знания, что она в себе таила, не были подвластны времени.

Символы, тайные знаки, странные переплетения букв – Вилорм не мог разобрать ни слова. Слишком непонятным и запутанным казался текст, символы как будто были переставлены местами, буквы перепутались. Что-то магическое, это точно, но кто из магов смог бы разгадать смысл?

После смерти Диара место командующего магами пустовало, да и сложно было найти кого-то, кто хотя бы близко мог иметь подобный опыт и знания. И Вилорм никого не приглашал. Он хотел сам изучить книгу, понять ее суть, принять новые знания.

Жизнь замка, словно и вовсе проходила мимо него. Сефер пытался тренировать новобранцев, Силант по-прежнему пропадал в разведках, Пульхий занимался экономикой и хозяйственной стороной вопроса. Жизнь текла как обычно, но Вилорм с каждым днем становился от нее все дальше.

Что ему дала победа над Белым Ястребом? Потери, убытки, смерть сына... Глаз Дракона ушел из его рук, и теперь его промах грозил уничтожением всей Расколотой Низменности. Благодаря Оррсан, благодаря ее мудрости и всепрощению мир до сих пор существовал, Вилорм до сих пор дышал этим воздухом, мыслил и строил планы – пусть и растерял прежний запал, но он был жив.

Долгие дни он уже проводил здесь, пытаясь прочитать послание предков, уверенный, что именно они оставили эту книгу, но ничего не выходило. Сбивались мысли, дрожали руки, переворачивая один за другим тяжелые листы, а перед глазами до сих пор стоял угасающий взгляд Гурия.

Злость сменилась равнодушием к окружающему миру, и внутри рос лишь холод. Разведчики до сих пор прочесывали местность в поисках улики убийцы, но доселе возвращались лишь с молчанием.

Зачем он пошел туда? Что и кому хотел доказать? Ох, и юношеское упрямство... он хотел быть лучше, это точно. Или казаться взрослее в глазах отца. И темной тучей перекрывала собой скребущее желание мести собственная вина.

Он виноват. Он и никто больше. Он не видел, что Гурий уже достаточно взрослый.

Строчки перед глазами размылись, и Вилорм часто проморгался. Всю прошлую ночь, а также пару предыдущих он провел здесь, почти не выходя из зала, и искал, искал, искал... но что именно? Он не мог ответить.

Если эта книга принадлежала Белому Ястребу, он тем более должен овладеть теми же сведениями, что и его враг. Пусть теперь Белый Ястреб под его началом, в мыслях он всегда останется врагом, или, по крайней мере, до тех пор, пока жива Изабелла.

Он не испытывал к ней неприязни, но она была королевой вражеского замка, и все личные счеты между ними отходили на другой план. Когда-нибудь она должна будет умереть, но сейчас она нужна живой. Очень вероятно, что она может стать ключом к открытию смысла этой книги.

Древний текст. Кожаная обложка. Неизвестные символы. Тайна покрывала книгу, и чем дольше Вилорм пытался составить верные слова, тем сильнее становилось его желание познать суть.

От тщетных попыток чтения хотелось бежать вон, но мужчина лишь подходил к окну и устремлял взгляд на внутренний двор. Суета, связанная с захватом Белого Ястреба, стихла, и теперь там было практически пусто. Холодный ветер трепал черные знамена, и последние листья опадали с деревьев по его печальному позыву.

Вилорм сложил руки за спину и отошел от окна. Его окружали великие награды, с трудом вырванные из рук врага им самим и далекими предками, но главной наградой, конечно, всегда была Оррсан. Она смиренно глядела на него, но сейчас упрекала за слабость, за неспособность смириться с неизбежным, за бездействие и слепое доверие подданным. Он правитель, и не должен никому доверять, он выше других, он никогда не растеряет свою власть.

Вилорм лишь покачал головой. Непослушные, черные, как смоль, пряди падали на глаза, но он не поправлял их. Они скроют от внешнего мира его истинное лицо, а он все увидит самостоятельно. Нужно лишь время.

Он прошел еще вдоль пьедесталов с древними трофеями и вернулся в центр.

Открытая на случайной странице книга молчала. С мгновение Вилорм не смел ее касаться, лишь разглядывал внешний вид, но, уже не в силах браться за расшифровку знаков, резко захлопнул обложку. Облако пыли взмыло вверх, Вилорм невольно поморщился. Эту

книгу как будто до него и не открывали вовсе. Но нет, конечно, нет. Ей владел Белый Ястреб, непонятно лишь, почему бедствовал, когда перед ним открывались все пути магии.

Странный вопрос вдруг нашел ответ в одном неосторожно брошенном взгляде. В нижней части обложки, почти у корешка, стояла зеленая печать с гербом. Змея, обвивающая чашу... эта книга принадлежала магам Наллароса! Но как она оказалась в Белом Ястребе?

– Ты предатель, Диар! – Вилорм пробасил, тыча указательным пальцем в книгу. – Как ты посмел скончаться без моего ведома??

Компромисс с Изабеллой только ради книги не оправдался бы никаким другим его знанием или знанием этой старухи, но книга каким-то образом попала во вражеский замок, и теперь выяснение всех обстоятельств этого становилось чуть ли не главной его задачей. Если это подарок морского города, это снимало все беспокойство, но если Белый Ястреб каким-то образом тайно завладел ей, это не сулило ему, а теперь еще и Черному Орлу, ничего хорошего.

– Налларос мог захватить Белый Ястреб одним щелчком пальцев. Но он этого не делал... что же произошло?

Вилорм всей тяжестью тела навалился на пьедестал с книгой и впился глазами в обложку. Сам текст уже и вовсе не интересовал его. Куда важнее было узнать историю взаимоотношений Наллароса и Белого Ястреба. Опасность могла прийти откуда и когда угодно, и подготовиться к ее приходу нужно было немедленно.

– Нет... не сейчас, – он лениво перелистнул страницу, – я слишком устал, чтобы расплести древние интриги. Я хочу лишь найти Ларса и хочу, чтобы он получил по заслугам.

Внезапно Вилорм отпрянул. Первую страницу книги покрывали все те же незнакомые значки с магическими знаниями, но рядом... рядом с каждой строчкой угольным грифелем кто-то подписал перевод. Кто-то очень тщательно изучал эту книгу, в ней таились знания, и что-то подсказывало, что написанному могло оказаться несколько сотен лет.

Вилорм сглотнул и оглянулся, убеждаясь, что он до сих пор один. Лишь после этого, хмурясь на каждом новом слове, он принялся читать:

*В эпицентре войны,
В самом сердце огня,
Наблюдателем был
Он и мира желал.
Но интриги Господ
Тяжелей, чем свинец,
Он решил, что умрет
И положит конец.
Он на гору взошел,
Глянул с гордостью вниз,
Пробудился Дракон,
И все знаки сошлись.
Три великих ума,
Три несчастных судьбы,
Он четвертою стал,
Как упал со скалы.
И Драконы слились
В небесах, и в бою
Раскололи весь мир —
Бой закончен вничью.
Ни к чему не привел
И смертельный протест.*

*Жить хотел, но подвел —
Это юмор божеств.
Он теперь среди них,
Он теперь только дух.
Силы всех четверых
Вдруг сложились в одну.
Этот мир обречен,
Три великих ушли.
Ну а он заточен
В камне грешной земли.*

Вилорм дочитал и резко захлопнул книгу. Перед глазами так и всплыл пустующий коридор в подвале замка. Духи покинули его, сам дух Смертника, если он и вправду там обитал, скрылся где-то за стенами Черного Орла. Эта книга, даже если и принадлежала когда-то Налларосу, создавалась и уж тем более появилась на свет явно не там. Здесь ее место, в Расколотой Низменности, и каким бы образом она не перемещалась за долгие годы существования, она наконец дома.

– Сожри меня дух Смертника, а мое место где? Что я должен еще сделать? Что?

Его голос раскатами перемещался по залу, Вилорм резко убрал упавшие на лицо волосы и засеменял перед окном.

– Ты мне поможешь! – вдруг он обернулся к статуе. – Ты будешь хранить меч вечно, поняла меня? Даже если пробудятся остальные, даже если все окажется здесь, в Расколотой Низменности, ты будешь хранить его!

Статуя не ответила. Она лишь глядела на него пустыми глазами, и едва заметная, смиренная улыбка покрывала ее лицо. Вилорм прислонился к стене. Силы едкими мурашками покидали его тело, он запрокинул голову.

– Если бы я только получил его... Слишком много лишнего, слишком много войн, слишком много пустых смертей, я не этого хотел.

И после – тишина. Он один, он здесь, и никто не ищет его. Он не нужен его людям, но замок по-прежнему в его власти, а, значит, он должен показаться своим воинам, придворным советникам и прислуге. В нем еще есть силы бороться, и все они должны ему помочь. Иначе кому, как не ему, они будут благодарны за спасение?

* * *

Вокруг царило умиротворение. Под сердцем кольнуло от одного только взгляда – здесь он бывал лишь единожды, но повторять пройденное ему бы не хотелось.

Несмотря на осень, здесь цвели деревья. Они словно и не меняли листву, она всегда была зеленая, и сейчас Ларс вдыхал ее ароматы. Весна... как будто всегда в этом месте царило спокойствие, и ни разу нога человека не ступала сюда.

Он лежал на молодой траве, переводя дыхание от долгого пути. Факел под конец уже совсем потух, и пришлось передвигаться по тоннелю практически наощупь. Ход продолжался дальше, но Ларс нащупал дверь сбоку и, уже не оценивая риски, толкнул ее, а после... он оказался в Роще Безмолвия.

Его не настигли, не отправили погоню, ему дали уйти, и это не ощущалось западней – все так и должно было случиться. Он не мог оставаться, равно как и попасться в руки стражникам. Слишком много рисков было допущено, чтобы проиграть, и слишком многое стояло на кону, и в первую очередь, его жизнь.

Ровные ряды деревьев слегка покачивались от убаюкивающего дыхания ветра, разносящего свежие ароматы цветов. И ни звука. Даже ветер убаюкивал легкими напевами. Ларс знал не понаслышке, что в Роще Безмолвия затягивались все раны.

И как он только мог умереть здесь? Словно бы и не свою судьбу проживал он в то время, словно бы и не был тем же Ларсом. Сейчас он мог лишь принять прошлое, быть благодарным, что еще жив. Это место, безусловно, помнило его смерть, и сейчас он здесь, чтобы исцелиться.

Набрав в грудь больше воздуха, Ларс сел. Жажда, отсутствие еды и света сводили его с ума, рисуя миражи истощенному разуму. Сколько он шел? Что произошло за время его побега? Несколько раз на пути в тоннеле он засыпал, и сейчас ему нужен был отдых. Подземный ход из Мирсула не должен вести сюда. «К месту падения Драконов» он должен был выйти, следуя наказу Эадды, но, насколько мог судить, то самое падение случилось не здесь.

В озере неподалеку плавали лебеди. Они и вовсе не замечали присутствия постороннего, и Ларс пробрался к берегу. Он зачерпнул горсть воды и с жадностью отпил спасительную жидкость. Желудок отозвался просящим урчанием, нужно было срочно добыть еды.

– Куда я пойду? – он пробормотал себе под нос и, замечая чужое лицо в непоколебимой глади озера, нарушил ее спокойствие резким шлепком.

Он вновь зачерпнул воды и теперь уже коснулся ее лицом. Холодная вода возвращала к жизни, но нырнуть целиком он не решился. Чистейшее место, здесь нельзя купаться, разводить костер на берегу, охотиться на певчих птиц, беззаботно вьющих гнезда на деревьях. Здесь можно отдыхать душой и наслаждаться природой.

И он поднялся. В небе не было ни малейшего намека на облачность. Чистейшая гладь завораживала глубиной. Солнце еще стояло высоко, но ему оставалось меньше часа до начала пути к горизонту, а, значит, и темнота себя долго ждать не заставит. До этого времени нужно было найти место для костра и ночлега и еще, желательно, найти пищу. Куда ляжет путь дальше, Ларс даже не думал. С первой задачей выжить ему все же удалось справиться, и сейчас ему оставалось найти свое место в лесу, как когда-то это сделала Анна.

Он неловко шагнул и замер. Роща вторила его задумчивости легким шепотом листьев. Он один здесь... и возможно, теперь навсегда. Что, если Анна не ушла из Мирсула?

По телу пробежала дрожь. Нет, конечно, она ушла, она бы не осталась в этой грязи, а, подгоняемая стражей – тем более.

Робкими движениями он зашагал по Роще, направляясь к лесу. Может быть, Анна давным-давно притаилась и ждет его где-нибудь на скрюченном дереве?

Резные ворота, будто по одной только мысленной прихоти, расступились перед ним, и Ларс сделал шаг в холодный лес.

Здесь уже опустились сумерки, и следовало торопиться. Тропинка отсюда вела путаная и узкая, но он шел, попутно вспоминая расположение Рощи Безмолвия на огромном раздолье Расколотой Низменности. Пять лет назад он попал сюда, уходя из Черного Орла. Значит, замок где-то рядом, и нужно взять противоположное направление. Безусловно, есть риск попасться разведчикам Вилорма, но это уже обычное дело. Главное, идти.

Да, нужно идти вглубь леса, укрыться в дебрях, колючих зарослях – не зря же они на пути к Пещере старательно расчищали путь. Скоро опустится ночь, и он станет незаметен среди путаных растений. Впрочем, за пределами Рощи Безмолвия бушевал ураган и подгонял растерянного воина в направлении, угодном только ему. И Ларс повиновался. Другой дороги, как и особого выбора, у него не было все равно.

Самое главное, что он отдалялся от Черного Орла и Мирсула, остальное становилось неважно. Он брел, глядя себе под ноги, стараясь закрываться от ветра и впервые жалея об отсутствии плаща. Осень заявляла о своих правах на буйство, и всему остальному оставалось лишь подчиняться воле бунтарки.

Листья уже почти не слетали – деревья стояли голые, лишь редкие ели роняли хвою от безутешных порывов. Ларс продолжал идти против ветра. Скоро зима.

Он не помнил суровых зим в Мирсуле, так же, как и порывистых ветров – город обособился горами от влияния шальной природы. Воля милостивого Создателя, как сказал бы Уркулос.

Сгибаясь под упорными порывами стихии, Ларс уже и вовсе позабыл о ночлеге и вечерней охоте, все силы уходили на то, чтобы просто продвигаться вперед и не околеть по дороге. Да и все благоразумные животные в шальную ночь, наподобие этой, обычно прятались по домам. Но у Ларса не было такого права. И дома.

Ноги заплетались от усталости и холодного ветра, глаза слезились. Скрестив руки на груди, Ларс продолжал брести. В моменты, когда порывы утихали, он прибавлял шаг, но когда стихия вновь бушевала, вступал в борьбу. И ноги сами несли его по тропинке.

Уши уже и вовсе не слышали звуков. Только свист и холодный треп глушили собой все посторонние голоса в округе. А возможно, их и не было вовсе. В такую погоду редкий сумасшедший высунет свой нос из теплого дома, и разве что такой же бездомный, как он.

Однако в момент долгожданного затишья, переводя дыхание, набираясь новых сил для очередного рывка, Ларс различил надменный голос:

– Эй! Ты кто такой? Стой на месте!

Вместо ответа Ларс часто проморгался и, сложив лодочкой ладони, поднес их губам. Теплое дыхание, будто огнем, коснулось затвердевшей кожи, и он пошевелил пальцами.

– Ты на прицеле! – незнакомец продолжал, и лишь после того, как в ушах прошел звон, он различил женский голос.

Медленно, едва позволив себе шевельнуться, Ларс поднял глаза. Частокол, стрелковые башни, лучницы в грубых шкурах... место падения драконов. Он даже усмехнулся, насколько быстро он достиг его, но вместо любого ответа ноги подкосились, и новый порыв ветра повалил его на землю.

Глава 5

В зале переговоров стоял гул. Народу собралось немного, только самые близкие советники, но шума доставляли хоть убавляй. Сефер ополчился на Пульхия и что-то доказывал ему в пылкой дискуссии, Силант расхаживал за их спинами и временами вставлял колкие словечки в бурный диалог. Пару магов затаились в конце длинного стола и изредка перебрасывались тихими фразами, но взглядов с правителя не сводили. Вилорм наблюдал.

Они собрались, чтобы доложить обстановку, но пока не прозвучали вопросы, они наслаждались обществом друг друга. Силант, прежде не терявший возможности личного разговора, отдалился и теперь предпочитал общению с правителем лицемерные ухмылки над разговором товарищей. Он так и не заглянул после похорон Гурия. Он медлил, и оттого призрачней становилось их прежнее доверие. Но он еще сыграет свою роль. Конечно. И игра будет не по его правилам.

– Силант, прошу тебя, – Вилорм достал свою трубку, – наполни мою малышку дурманом. Как же я давно не ощущал его вкус...

В зале воцарилась тишина. Все словно по команде повернули головы в его сторону, Силант неуверенно подошел:

– М-мой господин, – он склонил колено, – правильно ли я вас понял, что...

– Все верно, Силант, – Вилорм бесцеремонно вручил разведчику курительную трубку, – твой господин хочет курить! И ты окажешь ему несоизмеримую услугу, если не будешь раздумывать, а пойдешь вон и немедленно выполнишь мой указ!

– Будет сделано, – Силант поклонился и, цокая каблуками, поспешил покинуть зал. Все остальные и глазом не повели в его сторону, устремляясь к правителю. Вилорм улыбнулся: забытая, но приятная картина. Они еще помнят его.

– Итак, господа, – он поднялся, – чем порадуете постаревшего господина? Сегодня я слушаю вас о былом, а после я поведаю вам, к чему мы будем стремиться.

– Мой господин, – первым отозвался Сефер. Он поклонился и тотчас поднялся, чтобы видеть его глаза. Вилорм кивнул в знак одобрения. – Я рад, что вы с нами, нам не хватало вашего участия, но мы справлялись как могли. Я старался поддерживать боевой дух воинов, тренировал новобранцев, привлекал бывалых вояк к тренировкам, им это в радость, мой повелитель, они горят идти в бой за вас!

– Замечательные новости, мой верный Сефер! Ты никогда не подводил меня прежде, и я уверен в твоей верности. Но я бы хотел послушать и остальных.

– Безусловно, мой господин, – следом заговорил Пульхий. Он вырос рядом с Сефером и отчеканил. – В этом году ранняя зима, мы едва успели собрать первый урожай, как на нас обрушились скверные ночные морозы. Мои страхи – из-за предстоящего голода, мой господин. Многие фермерские хозяйства не выдержали холодов...

– Не вижу причин для опасений, Пульхий! – Вилорм рявкнул и сверкнул глазами в сторону молодых магов, чтобы и они не смели приносить дурные вести. – Вспомни, скольких мы потеряли в никчемной погоне за Глазом Дракона? Наши ряды сократились, Духу Смертника виднее, скольким осталось жить, скольким умереть от голода или от вражеского меча. Однако, – он смягчился и уже спокойно взглянул на Пульхия, – союзы с другими замками нам бы не помешали. Как я понимаю, становление Белого Ястреба теперь тоже на наших плечах?

– Да, господин, – отвечал Сефер. – Молодой воин Грезор, бывший подданный Изабеллы, теперь правит там, но он преклонил колено перед вами и принял вашу власть безоговорочно.

– Правда? Что-то я пропустил такое... но я верю тебе! Мне незачем сомневаться в твоих словах, мой друг, тем более, сейчас у нас другие цели.

Вилорм уселся, и все остальные последовали его примеру. Мгновение он обводил взглядом подданных, а после положил перед собой книгу, что унес из зала Трофеев. Никто не спрашивал его, но маги плохо скрывали трепет от магического артефакта. И Вилорм рассмеялся:

– Ну, чего уставились? Не ожидали? То-то же!

Пульхий и Сефер переглянулись и пожали плечами, но теперь вскочили маги. Двое юношей, едва ли старше Гурия, хлопали глазами и не могли произнести ни слова.

– Вы знаете, что это за вещица, верно? – Вилорм впился в юношей суровым взглядом. – Так почему, сожри меня Смертник, вы до сих пор не расшифровали ее?

Он ударил кулаком по столу, и маги вновь опустили на места. Конечно, они не могли знать ничего об этой книге и о том, что она у них под носом. Они остались без учителя и теперь, словно слепые котята, искали свое место в опустевшем замке.

– Впрочем, – Вилорм задумался. – Кстати, где моя трубка?

Он покрутил головой в поисках Силанта и, не найдя ни разведки, ни трубки, ударил кулаком по столу и пробасил:

– Риэтта! Где носит этого оболтуса?

В дверях появилась прислуга и, едва поклонившись, отчеканила:

– Мой господин, Силант более не приходил, после того как вы отправили его с заданием.

– Так поторопи его! И проверь, чтобы он сделал именно то, что я его просил! Я не хочу потом покрыться пятнами, как противный саноррун, если он все перепутает!

– Как прикажете, мой господин, – девушка поклонилась и выпорхнула из зала. Вилорм довольно заулыбался.

– Впрочем, кое-что я уже изучил. И поэтому у нас с вами есть новая цель.

Он поднялся и принялся расхаживать перед своими подданными вперед-назад. Он – их идол, они пойдут за ним, куда потребуется. Они уже ждут приказа, остается лишь указать направление...

– Сефер, – вдруг он обратился к воину, и тот поднялся, – скажи мне, мой товарищ, для чего мы искали Глаз Дракона? Для чего столько славных воинов сложили головы в сырую землю?

– Э-э... мой господин? – мужчина пожал плечами и уставился на него в ожидании ответа, но Вилорм молчал. – Вероятно... он был нужен вам для... ритуала? Может быть, для власти? Я не знаю, милорд, – он вздохнул.

– Отлично, Сефер, весьма, весьма неплохо, – Вилорм кивнул. – К несчастью, все не так просто...

– Вы считаете, у вас есть право владеть им, – поднялся мальчишка-маг с другого конца стола и с вызовом глянул на правителя. Остальные также перевели глаза на Вилорма и застыли в ожидании его реакции. Но он лишь загорелся новым порывом:

– О, мой милый, я уверен в этом! И оттого до сих пор не понимаю, как я мог упустить его?

– Но мы все живы, милорд, значит, Глаз Дракона не может быть в Пещере...

Вилорм пронзил парня горящими глазами:

– К несчастью, мой милый, это не так. Разведка сработала гладко, и она доложила, что вход в Пещеру закрыт, Ларс вошел в нее с камнем! Он вошел туда! И что ты смотришь на меня? Что ты думаешь, я не подстраховался на этот случай? Я отнес меч Истины в склеп, там его место, он спас нас от гибели...

– Этого недостаточно, мой лорд. Для предотвращения нового раскола нужна жертва, и если ее не было, камень не может быть в Пещере.

Вилорм с ответом помедлил. Мальчишка знал слишком много...

– Тебя учил Диар? – он подошел к магу.

– Да, мой повелитель. Я любил оставаться допоздна, чтобы изучать с ним новые заклинания. Я и Ланез, мой господин. К несчастью, Ланез теперь в Белом Ястребе.

– Теперь это неважно! У нас есть книга, мы сможем разгадать тайну Целного мира, его Раскола и, если потребуется, встать на защиту от нового разрушения.

– Милорд, эта книга не единственная. Должны быть еще три таких же.

– Откуда тебе известно это?

– Мы... считали, что они или утеряны бесследно, или вовсе выдуманы, но, как видно, история магии правдива, она описана на страницах этих книг, но чтобы постичь ее полностью, мы должны найти еще три таких же.

– Ты едешь со мной, парень, – Вилорм взъерошил волосы юному магу и обратился ко всем. – Завтра на рассвете мы выдвигаемся в поход, мои преданные воины и... чародеи. У нас уже нет времени отодвигать самые важные дела, охотясь за Ларсом, занимаясь мстью бывшим обидчикам и прочее. Все это пустое! Безусловно, эта находка поможет нам предотвратить неизбежное, но, боюсь, на поиски остальных книг у нас нет времени.

На пороге появился Силант:

– Ваша трубка, мой господин, – разведчик прошел в зал и протянул трубку Вилорму. Не глядя он сунул ее в один из многочисленных карманов на мантии и жестом указал, чтобы тот садился. Силант расположился между Пульхией и Сефером.

– Завтра мы начинаем свой поход в Мирсул, господа. Мы пойдем по Главной Дороге, чтобы нас видели разведчики и стражники Мирсула. Они должны успеть донести весть о нашем прибытии до своего лорда. Я беру с собой только вас, наш визит исключительно дружеский, и никаких оговорок не приемлет.

– Мирсул? – Силант вскочил. – Он не терпит чужеземцев, мой господин! Они схватят нас на подступах к городу! Мы не добьемся от них ничего!

– Я рад, что тебе уже приходилось бывать там, Силант, – Вилорм лишь улыбнулся. – Но раньше ты был о нем другого мнения, не так ли?

– Раньше все было по-другому...

– Не переживай, мой друг, я беру с собой только вас, а вам я доверяю безоговорочно! Ты понял меня? – Вилорм рыкнул, и Силант потупил взгляд. – Тем более, там отличный досуг, разве нет?

Воины опустили глаза, маги лишь пожали плечами, и Сефер пробубнил:

– Тот пожар в таверне сгубил многих славных воинов, мой господин. Я не пойду туда снова.

– Да ты, оказывается, суеверный, Сефер! Но не бойся, я не поташу тебя туда силком, разве что ты сам изволишь развлекаться, – Вилорм хохотнул. – Но не это наша цель, ясно? Мы идем к лорду Уркулосу, и он нас примет, что бы там сейчас не происходило. У него просто не будет выбора, когда он увидит эту книгу.

Все заворожено смотрели на него, Силант схватился за голову, и Вилорм поднялся:

– Ну что ж, господа, прошу готовиться к походу! Нам предстоит увлекательное путешествие!

* * *

Деревянный манекен равнодушно принимал удары. Меч, щит, копье, кинжалы – за целый день я использовала все виды оружия для борьбы с выдуманным противником. Он должен был сопротивляться! Он должен был бороться со мной! Но вместо этого лишь безучастно поглощал мою ярость.

Приближалась зима, но амазонки жаждали боя. Слишком долгое время мы не вели войн, и слой пыли на наших доспехах увеличивался с каждым днем. Мне нужен был враг. Пусть сейчас это безликий манекен из дерева, но когда-нибудь он должен превратиться в лютого противника. Только как найти повод для войны? Как раздуть пламя из потухшего костра? Нужен был четкий план.

Я зарычала. Словно подгоняемые моей злостью, на манекен посыпались удары. Бессмысленный бой, в котором заранее нет победителя. А мне нужна была победа, мне нужно было сохранить свой лагерь и свою власть. Несмотря на то, что безумно хотелось уйти.

В тренировочном лагере я находилась одна. На лес уже опустились сумерки, и амазонки зажигали огни рядом со своими шатрами. Наверное, я пропустила ужин. Но возвращаться ко всем не спешила.

Лишь крепче сжала рукоять, перевела дыхание. Я смогу. Никто не свергнет меня, у амазонок не может быть другой королевы. Но если будет поединок, у соперницы не должно остаться шансов выжить.

За спиной я различила тихие шаги. Поступь мягкая, почти не слышная и дыхание как будто затаенное... кто-то до сих пор робел передо мной.

– Тебе пора уже быть смелее, моя дорогая, – я обернулась.

Кейра, словно спохватившись, по своему обычаю, опустила на колено:

– Моя госпожа... вы не звали меня, но... вас не было на ужине, я переживала и всюду искала вас.

– Не стоит, Кейра, вставай. В нашей застоявшейся жизни крайне сложно сохранить навыки ведения боя, мы должны всегда быть в форме. Если мы сами не ведем войну, это не значит, что завтра нам ее не объявит кто-то другой, верно? – я вновь принялась сокрушать равнодушного противника ударами.

– Конечно, моя госпожа, – моя помощница поднялась. – Вам что-нибудь требуется?

– Возьми свой меч, – я смахнула капли пота со лба и отошла на пару шагов от манекена. – Нам не помешает размяться.

Кейра не сразу повиновалась, но, опустив взгляд себе под ноги, плавным движением достала его из ножен.

– Я никогда не была в настоящем бою, моя госпожа...

– И это, безусловно, мое упущение! Ну же, давай! Атакуй меня!

Кейра вздохнула. Ее ноги словно вросли в землю, она опустила глаза. Я ждала. Пусть она медлит, но не она не сможет ослушаться приказа. Итак, первый шаг, потом еще шаг... медленно и бесшумно девушка передвигалась по полю нашего странного боя, я не трогалась с места. Пусть попробует, пусть ощутит вкус первой победы, а после она попросит драки сама.

Она замерла в шаге от меня, подняла голову. Огромные глаза девчонки поглощали мою черную и порядком потрепанную душу в чистейший омут. Если бы она родилась за пределами лагеря, то никогда не взяла бы в руки оружие. Но ей предстояло биться.

И она атаковала легко – подступила сбоку и попыталась попасть в тыл, но я заблокировала выпад. Что ж, хитро... она не победит меня силой, но легкость шага и незаметность – ее сильные стороны.

Кейра в два шага обогнула меня со спины и едва задела острием правое предплечье, я впервые замахнулась, но она смогла увернуться. Она уклонилась и, предвидя мой новый выпад, прокувыркнулась по земле. Она отдалилась и теперь заставляла за собой охотиться.

Что ж, у девчонки, определенно был талант к бою, и чем дольше она водила меня за нос, тем больше расплывались в окрепших сумерках ее черты. Я словно в прошлое попала. В прошлое, в котором на моем счету было лишь одно поражение. Когда вместо нее напротив стояла Анна...

Я отражала ее еще неокрепшие удары, но ответных старалась не посылать. Кейра тяжело задыхалась, и каждая новая атака стоила ей немалых усилий. Я терпеливо выжидала ее борьбу усталости с азартом, и позволяла предательской улыбке накрыть мои губы.

– Думаю, на сегодня достаточно, – одним ударом меча я переборола ее. Кейра выпустила меч и упала на землю. Дыхание сбивалось, и она часто хватала ртом воздух, будто его

уже и не оставалось совсем. – Славная тренировка. Нам следует продолжать. Совсем немного, и перед тобой откроются все дороги.

Кейра кивнула и запрокинула голову, устремляя взгляд в небо. Сегодня его покрывали тучи, но огни лагеря отражались в нем армией горящих лун.

Я протянула помощнице руку. Завершение дня удалось на славу, и мы обе заслужили отдых. После первого боя Кейре не помешало бы посетить шатер Эррэйи, и я уже загорелась идеей, как ее туда завлечь, но мои мечтания прервал шум.

Кейра резко поднялась с земли и схватилась за выроненный меч, мы переглянулись. Лагерь тренировок находился за моим шатром, чуть вдали от Главного костра и ровно на противоположной стороне от Древа Мудрости: амазонки не пошли бы сюда просто так после захода солнца. Время тренировок было на рассвете.

Шум голосов на месте сбора воительниц становился громче, и вскоре его разбавил звук обнажающейся стали, амазонки что-то выкрикивали. Неужели я просчиталась насчет своей власти? Неужели Берта оказалась права насчет восстания, и оно начинается уже сегодня?

Загудел рог тревоги. Я поймала потерянный взгляд помощницы.

Ее тонкие брови нахмурились, я должна была выйти ко всем.

– Пошли, Кейра, – я толкнула деревянную дверцу, замыкающую низкую ограду тренировочного лагеря, но девушка меня опередила:

– Моя госпожа, – она посмотрела очень решительно, – я должна идти вперед. Если будет бой, вы не должны принимать первый удар.

– Не глупи, Кейра, – я даже зарычала, – я иду первая, ты следишь за всеми амазонками, поняла? Если ты заметишь хоть один подозрительный взгляд, и если нам придется разделиться, иди к Эррэйе!

Не дожидаясь ее ответа, я направилась на шум. Голоса становились громче, гул тревожного рога повторился. Если у нас появится враг, это будет моим спасением. Кто бы ты ни был, если ты пришел с боем, спасибо тебе.

Амазонки выстроились в два ровных ряда стеной щитов, заслонивших свои жилища. Кто-то бросил боевой клич, и остальные подхватили его разрозненным хором. Другие амазонки ударяли мечами о щиты и выкрикивали что-то неразборчивое. Сливаясь с криками соплеменниц, общий гул превратился в неразборчивую кашу. Лишь лучницы на башнях замерли в безмолвии, готовые к выстрелу. И стрелы их были направлены ровно в центр, на Главный костер.

С моим появлением все звуки стихли, я подняла руку, Кейра держалась на шаг позади меня. Я овеяла взглядом лагерь, но не нашла ни капли подвоха. Мои амазонки покинули жилища с одной лишь целью – вступить в бой. И для его начала им нужна было только мое слово.

Я подошла к своему шатру. По обе руки от меня стояли стройные ряды воительниц, напротив – лучницы на башнях замерли в ожидании команды, но прямо передо мной резвился, обдавая жаром, Главный костер лагеря. Что произошло, и кто с кем собирался биться, по-прежнему оставалось загадкой. Я нахмурилась.

– Амазонки! – я заговорила жестко. – Что произошло? С чего этот шум и рог тревоги?

Поднялся ветер. Он трепал волосы и охлаждал кожу морозным прикосновением. Я поочередно овеяла взглядом воительниц. Никто не изменился в лице, никто не шелохнулся. Я сделала шаг вперед.

Языки пламени потянулись ко мне, и только сейчас я ощутила дрожь. Но то ли от холода пошли мурашки, то ли от неизвестной опасности? Впрочем, меня страшила лишь опасность свержения власти. Но никто не вышел вперед, и никто не ответил. Ко мне подошла Кейра.

– Моя госпожа, вам нужно обойти костер с другой стороны... кажется, там человек...

Я жестом приказала Кейре возвращаться к шатру и зашагала к пламени. Его языки играли уродливыми тенями на серой земле, но чем ближе я подходила, тем четче различала среди них еще одну тень.

Темная фигура, скрючившись от ветра, стояла перед костром на коленях. Запястья и ступни уже были связаны грубой веревкой, но незнакомец и не оказывал никакого сопротивления, принимая участь пленника.

На миг оторвав взгляд, я вновь глянула на воительниц. Ни намек на сомнения – они все без исключения желали воевать с забредшим путником лишь потому, что он был мужчиной. Что ж, пусть наблюдают спектакль. Я приблизилась к страннику и, сложив меч на его шею, как можно жестче проговорила:

– Назови себя, путник. Кто ты, и зачем пришел к владениям амазонок?

Плечи мужчины не покрывал плащ, но он склонил голову, и лицо его скрывала тень. Приближение ночи также не давало мне видеть прибывшего. Я ощущала лишь его дрожь от ветра: вероятно, он проложил неблизкий путь и теперь искал пристанища. Но что его привело именно к нам? Он не мог забрести сюда случайно, наш лагерь спрятан в Рваном лесу Расколотой Низменности. Это была его ошибка, которая сегодня будет стоить ему жизни.

Но вместо ответа мужчина лишь поднял взгляд. Мне хватило и доли мгновения, чтобы убрать меч с его плеч и отойти на шаг.

– Здравствуй, Вероника. Не откажусь от ужина, если позволишь.

– Гд-де... Анна? – первое, что вырвалось. Я спросила одними губами, но дрожь вдруг покрыла все тело.

– Так ты пригласишь гостя в дом?

Я застыла. После недолгого замешательства обошла Ларса и вновь оказалась напротив него. Достала нож и разрешила веревки:

– Поднимайся.

Он и вправду дрожал. Где ему предстояло бывать, что встречать на пути, мне оставалось лишь предполагать, но в первую очередь мне нужно было объяснить ситуацию амазонкам.

Ларс поднялся, я убрала меч. Девушки, глядя на нас, стали оборачиваться друг на друга и в нерешительности опускать оружие. Я вновь подняла руку:

– Амазонки! Ларс – наш гость, мы рады ему в любое время, и его приход требует особого приема. Сейчас вам следует вернуться в шатры и продолжить приготовления к ночи. Кому-то из вас предстоит нести стражу, кому-то идти на охоту, кому-то укладывать детей. Нет необходимости трубить в рог, нет причин проливаться крови сегодня. Кейра, позаботься об ужине для меня и нашего гостя. Остальным – приятной ночи.

Мгновение девушки мешкали, но все же нехотя засеменили по разным палаткам. Лучницы убрали стрелы и продолжили ночное бдение за пограничной территорией лагеря. Кейра скрылась где-то между шатров, и я вновь подошла к Ларсу. Он, как будто, и вовсе не сводил с меня глаз, я нахмурилась:

– Надеюсь, твоя история порадует меня.

– Это неважно.

Порыв ветра подхватил его слова, и по моей коже побежали мурашки. Волосы разлетались и закрывали лицо, я махнула Ларсу:

– Идем, я угощу тебя ужином.

Мы зашли в шатер. Он расположился за столом, как и в прошлый раз. Я отошла в сторону. Я разглядывала его, ища перемены, но не могла понять, что именно изменилось.

Теперь он был один. Интересно, что же произошло? Почему он здесь? Где Глаз Дракона? Где принцессы? И, самое главное, где Анна? Что, если они все же сразились, как завещали их родители? И если Анна погибла в бою, то сколько осталось жить мне самой? Если права была Берта...

Руки предательски задрожали. Моя жизнь теперь могла и вовсе не зависеть от моих решений. Если Анна в одиночку пошла бороться со всем миром, то шансы выжить испарялись с каждым днем. Нужно было срочно что-нибудь выпить.

Но я оставалась безучастна. Ларс как будто и не смотрел на меня вовсе. Он уставился перед собой и также не проявлял никакого интереса. Я ждала.

Звуки в округе утихли, и тишина сводила с ума. Тысячи вопросов выстраивались в голове в тесную очередь и, перебивая друг друга, вводили меня в смятение.

– Зачем ты здесь? – я скрестила руки на груди и подошла ближе. Он посмотрел мне в глаза. Грязь с дороги еще покрывала его лицо, на доспех и дорожный мешок осела не то зола, не то сажа. Он, определенно, был не здесь. И поэтому мой вопрос обрел еще более веские основания быть заданным.

Он не ответил. В шатре появилась моя помощница и поставила перед нами два больших блюда с мясом, наполнила кубки с вином и застыла в двух шагах от стола.

– Спасибо, Кейра. Жди снаружи.

Она вышла, и я расположилась за столом напротив мужчины. В шатре горели свечи, и в их освещении наши тела вытягивались в странные переплетения. Тени дрожали. Я принялась за еду. Горячим потоком полилось вино внутри, и свежее мясо стало самым желанным блюдом за сегодняшний день.

Ларс с едой не спешил. Он сделал глоток из кубка и теперь перевел взгляд на меня. Лишь сейчас я увидела мелкую дрожь по всему его телу. Он до сих пор не мог согреться.

– Где ты был? – я спросила тихо, но ответа уже не ждала.

Ларс принялся за еду, я торопливо опустошила свое блюдо. Поднялась. Отошла от стола за спину мужчины и расстегнула ремни на доспехе. Он давил тяжестью, тело просило свободы.

Я сняла сапоги. Какую бы цель не преследовал Ларс, находясь здесь, я должна быть уверена в своих силах.

– Спасибо, – он закончил с едой и поднялся. – Если ты позволишь, я бы хотел выспаться...

– А что, если не позволю? – я обернулась. Короткая туника как никогда кстати оказалась много выше колен и открывала взору мужчины витиеватые узоры на ногах. Что ж, если Ларс молчит, у меня есть другие средства разговорить его. – Для моих воительниц ты враг, на все мои вопросы отвечаешь молчанием. Какой прок тогда мне ограждать тебя от опасности?

– Тебе самой не помешало бы оградиться, – он ответил сухо. – Совсем скоро к твоему лагерю будет проложен подземный ход из Мирсула. Тысячи верующих в Создателя или Драконов, раскroшившихся небо, ринутся к твоим владениям. И среди этого напора, чтобы выжить, тебе придется подчиниться воле Уркулоса.

– Что это за сказки, Ларс? Мирсул слишком обособлен от нас, мне совсем неинтересен их быт, их войны и заботы. Думаю, Уркулосу точно так же неважно, как у меня дела.

– Это верно, Вероника. Но ему далеко не безразлично место падения Драконов в Расколотой Низменности, и, видишь ли, их разделяют горы, попасть сюда напрямую возможно лишь через подземный ход. Скоро его достроят.

Ларс не двигался, он будто прирос к земле, и я подошла ближе.

– Так ты здесь, чтобы предупредить меня?

– Я лишь говорю, что знаю, Вероника. Ты можешь расценивать мои слова как угодно.

Он говорил, а тело не переставало дрожать. Видно, ветер в лесу разгулялся не на шутку. Огороженные частоколом, мы почти не подвергались влиянию его капризов, но сегодня даже наш лагерь не стал исключением для его визита.

– Ты... мерзнешь, – я нахмурилась и взяла его руку. Ледяная... даже находясь здесь, перед костром, испив вина и отведав горячего мяса, Ларс продолжал дрожать. – Кейра, зайди!

В шатре тотчас появилась моя помощница, и я приказала:

– Распорядись приготовить ванну для нашего гостя! Он прошел неблизкий путь.

– Как пожелаете, моя госпожа.

Она вышла, и я снова повернулась к Ларсу:

– Если это правда, я буду биться. Никто не смеет врваться в мой дом без приглашения.

И если ко мне идет армия, я подниму свою.

– Тебе нужны союзники, Вероника. Против Мирсула у тебя нет шансов.

Вдруг он сам сжал мою руку, и я заглянула ему в глаза. То же самое. Ни капли страха, ни капли лжи и сомнения... все же Ларс был прежним. Но что-то повлияло на него.

– Где Анна? – я позволила ему касаться себя, но мне нужны были сведения.

– Она может быть где угодно, наши пути разошлись в Мирсуле.

Мне остается надеяться, что с ней все в порядке.

– В порядке, Ларс, в порядке, – я сама убрала руку и отошла. Мне нужно найти ее. Она должна быть в поле моего зрения. Я отдам приказ завтра.

– Значит, Глаз Дракона в Пещере? Вы направились в Мирсул после этого?

– Да, Вероника. Мы завершили задание Изабеллы, но не уберегли ее дочерей. Принцессы мертвы.

– Получается, Белый Ястреб обезглавлен?

Ларс сделал шаг мне навстречу:

– Я думал, ты всегда в курсе всего, что происходит. Твоя разведка разбросана по самым отдаленным уголкам леса, разве нет?

Я вздохнула:

– Я свернула ее. В Белом Ястребе теперь правит Черный Орел, я не слежу за ними, мне все равно.

– Что заставило тебя отменить слежку?

– Это... неважно. Скажи мне лучше, кто убил Гурия?

– Виноват только он, Вероника. Видишь ли, Анне сложно удержаться, если перед ней живая цель...

Я ухмыльнулась. Да, это верно. Мои предположения оправдались, и теперь я подошла к Ларсу еще ближе. Он устал. Его глаза свинцовыми тучами тянулись вниз, его одежду покрывала грязь, от тела разлило холодом за версту. Сколько он шел? Что встретил на пути? Где-то совсем рядом был проложен подземный ход, и он грозил мне гибелью. Как я могла упустить это? Моя неосторожность однажды может сыграть злую шутку. И как странно, что меня предупреждает Ларс!

– Тебе нужен отдых, – я коснулась его груди. Мои ладони пропитались холодом и теперь собирали грязь с его доспеха. Я развязала лямки. – Скоро будет готова ванна.

Ларс медлил. В прошлую нашу встречу мы разошлись довольно холодно, несмотря на то, что я должна благодарить его за спасение от неосознанной опасности. Я могла предложить свое общество на ближайшую ночь, он мог отказаться. Но прежде я должна завоевать его. Впрочем, о доверии я не могла и мечтать.

И я коснулась его тела. Узкие прорезы между пластинами доспеха позволяли мне дотронуться до него сбоку, и я провела ладонью до его бедра. Он следил за моими движениями, и в ответ я так же не спускала взгляда. Но когда я коснулась пояса, мои пальцы сжали жесткий пергамент – лишнюю деталь среди нашей близости. Ларс перехватил мою руку, мы застыли, глядя друг на друга, в безмолвном противостоянии за свиток.

– Что это? – заметив в его взгляде легкое недоумение, я задала резонный вопрос.

– Отпусти. Я должен сам разглядеть его.

– И все же?

– Вероника, не стоит.

– Можешь вернуться за ним завтра. Позволь мне помочь тебе раздеться, – я прошептала, и вторая рука скользнула ниже. Ларс не отреагировал.

– Ванна готова, моя госпожа...

Кейра влетела в шатер порывом, но сразу рухнула у входа, завидев нас в странном положении.

– Простите меня, госпожа, – она залилась краской, и я прикрикнула:

– Кейра, уйди!

Девчонка вскочила и прытью бросилась из шатра, Ларс выхватил свиток:

– Ну, так что, Вероника? Проводишь в купальню?

Я выругалась, резко отстраняясь:

– Идем за мной...

Ларс все же скинул доспех в моем шатре, спрятал свиток в недра походного мешка и направился к выходу. Я поспешила его опередить. Купальня располагалась недалеко от моего жилища, мы обошли его с другой стороны и направились скрытой тропой. К ночи похолодало еще сильнее, но меня бодрил этот холод в предвкушении горячего пара. Ларс шел следом. Что у него было в голове, и какие планы насчет своего ночлега он вынашивал, мне оставалось лишь гадать, но сейчас его ждало расслабление после долгого дня.

– Заходи, – я остановилась возле пестрого шатра, потускневшего в равнодушии ночи. – Внутри ты можешь сбросить вещи и окунуться в горячую воду.

Вместо ответа Ларс внимательно посмотрел на меня и зашел внутрь.

– Наслаждайся...

Я потопталась на месте. В воздухе над шатром стоял пар. Горячая вода, нагретая в огромном котле, стремилась ввысь. Как и многие амазонки, я любила добавлять в воду благоухания, настои полевых трав, молоко, цветы. Я принимала ванну в одиночестве, в то время как остальные кучей забивались в воду и устраивали массовые помывки. Для всех девушек это было настоящим весельем – плескаться, брызгаться, смеяться над собой и другими... целый ритуал! Но мне нужны были размышления, и, значит, покой.

Но сегодня ситуация другая. Ларс не должен предаваться раздумьям в моей купальне. В его голове могло твориться что угодно, и даже на время оставить его одного грозило устранением всей моей защите. Обернувшись через плечо и не найдя никого из амазонок поблизости, я зашла в купальню.

Прячась в многочисленных полотнах перед входом, я глазами нашла Ларса. Он стоял ко мне спиной и не спеша заходил в воду. Крепкое тело, сильные руки, упругие ягодицы – он весь притягивал мой взгляд, и я не смела отвести глаз.

Ларс прошел несколько шагов вдоль ванной и окунулся с головой в горячую воду. Он умылся и, оказавшись в тишине, замер в центре. Я ничем не выдавала себя, он не мог меня видеть, и я наблюдала.

Ларс опустился на ступень, что опоясывала ванну по всему ее периметру, и закинул голову. Глубокий вздох мужчины нарушил тишину, но больше он не издавал ни звука. Мгновения покоя... я до безумия любила их, и Ларс, наверняка, за несчетно долгий период впервые оказался один. Я дала ему возможность быть в тишине, я дала ему возможность выстроить в ряд мысли, но оставить одного... нет, это не в моей власти. Ведь я могла узнать гораздо больше.

– Прости, Ларс, и все же я навяжу тебе свое общество, – я показалась из-за штор и направилась к ванне. Ларс слегка повел головой в мою сторону:

– О таком я не мог и мечтать, – он усмехнулся.

– Я не буду докучать тебе, – скрестив ноги, я уселась прямо на пол, за Ларсом, так, что его голова оказалась возле моих пят. – Но я могу помочь тебе расслабиться.

Ларс дернулся, но я положила руку на его голову:

– Тише... это совсем не страшно...

Я запустила пальцы в его волосы и повела по голове, опускаясь к шее, к плечам. Ларс закрыл глаза. Он позволял мне дотрагиваться до себя, и сейчас мне хотелось разгадать его своими движениями. Я не сдерживалась в порывах, мои пальцы скользили по его коже, и чем дольше я касалась его, тем больше он словно открывался мне. Его влажные волосы путались под моими пальцами, но я осторожно распутывала их и продолжала массировать шею, переходя на плечи и опускаясь к груди.

Воин... могучий, крепкий мужчина, повидавший на своем веку немало войн. Ему нужна была женщина, он должен был найти приют на груди ласковой жены, хранящей уют в их светлом доме. Он возвращался бы туда вновь и вновь после битвы, и новые раны затягивались бы куда быстрее под чуткой заботой его женщины.

И если бы я могла стоять с ним на одной ступени, то мы делили бы скорее один меч или щит в тяжелой битве, нежели теплое ложе, но сегодня он был моим гостем, и я не могла отпустить его просто так.

Моя ладонь нырнула в воду, и Ларс дотронулся до нее. Не ожидая прикосновения, я вздрогнула. Я смотрела на него сверху, и он открыл глаза в ответ. Мгновение мы разглядывали друг друга.

– Чего ты хочешь? – я прошептала прямо в ухо. – Если ты впустил меня в свой покой, ты можешь поделиться...

Но Ларс еле слышно вздохнул:

– Продолжай...

– Ты заслужил эти мгновения, – теперь я не отдалялась от его ушей, продолжая шептать, и водила ладонью по его сильному телу. – Уже завтра все может поменяться, мы можем вновь разойтись, и неизвестно, куда заведут тебя дали...

Он перехватил мою руку. Непослушные волосы падали мне на лицо, некоторые пряди уже намокли, и Ларс отодвинул их. Я отдалилась. Он провел по моей ладони своей, тревожа ровную гладь плеском и, резко потянув на себя, вдруг обернулся.

Он смотрел на меня теплыми глазами, и один только взгляд заставлял доверять ему. И он все смотрел и смотрел, иногда хмурясь, иногда закусывая губу, но не отводил взгляда. Его пальцы до сих пор покрывали мои ладони, и сердце внутри отчего-то вдруг начало безумную пляску. Мне не хотелось вмешиваться в его странный порыв, но бешеный стук и, наверняка, полное недоумение на лице выдавали мою растерянность с потрохами.

Нарушая тишину звучным плеском, Ларс ловко подтянулся в воде, словно вынырнул, и схватил меня за предплечье. Среагировать и как-то ответить я не успела. Он с силой потянул меня к себе, и мне оставалось лишь поддаться. Я оттолкнулась ступнями от холодного пола, и через мгновение оказалась в ванне рядом с Ларсом.

Волосы намокли от горячих брызг, ткань туники поднялась над водной гладью, полностью открывая тело, и я приблизилась к нему. Между нами практически не осталось расстояния, но меня тянуло к нему, я хотела касаться его и не отводила глаз с губ. Но Ларс не спешил. Он до сих пор рассматривал меня и не шевелился вовсе.

Мгновение, второе... Охладевшие капли нарушали тишину купальни, срываясь с намокших волос в воду. Жар моего тела уже обволакивал в мыслях и Ларса, но он по-прежнему был сдержан. Он дотронулся до моей щеки грубыми пальцами и, чуть погодя, вновь убрал намокшую прядь волос за ухо. Мои глаза не моргали. Впервые за меня это делал мужчина.

– Ты очень красивая, Вероника...

Его голос был тих, и оттого сердце внутри било в колокол, разнося тревогу по всей округе, но я старалась не дышать.

– Когда-нибудь ты поймешь, что твое главное оружие – это твоя женственность.

Не в силах противостоять порыву, я потянулась к нему. Наши руки переплелись, и Ларс приблизился к моему уху:

– И когда-нибудь ты полюбишь...

Скользкая туника облепила тело, обнажая сердце. Буря чувств откуда ни возьмись всполошила мою беспристрастность, но слова не приходили. Я не смела отвести взгляда, к горлу подступил горький ком. Над ухом до сих пор теплился его шепот, но сейчас мне следовало отогнать эмоции.

– И... что же мне делать? – я не узнала свой голос. Словно я посылала боевой клич армии амазонок мгновение назад: вместо прежде уверенного тона раздался едва различимый шип. Но самым сложным было отвести глаза.

– Расскажи, что терзает тебя...

Я до сих пор мертвой хваткой сдерживала предплечья Ларса и лишь сейчас, как гром среди ясного неба, его вопрос вернул меня в реальность. Я опустила руки и отвела взгляд. В его вопросе я не нашла ни капли насмешки. Отчего-то он казался мне ближе всех, с кем мне прежде приходилось общаться. Но, связанная бременем королевы, я не могла позволить себе откровенности. В бессилии, я разжала ладони.

Резкими шагами разрезая воду, закусив губу до боли и смешав на лице капли с волос и внезапные слезы, я поспешила оставить его одного.

* * *

Возле замка стояла повозка. Накрытая грубым сукном в ожидании милостивых господ, она вздрагивала при каждом новом приближении к ней прислуги. Молодые люди – девушки и юноши с сундуками и мешками в руках нагружали ее, не жалея. Крепкие лошади, что уже были впряжены в повозку, жалобно ржали. Седой конюх суетился возле них, но остальной люд не обращал на них никакого внимания. Здесь было шумно. Несмотря на ранний час, весь замок, включая простолюдинов и знать, повыводил из своих покоев и наблюдал отъезд правителя. Анна укрывалась среди деревьев. Сегодня она сведет старые счета.

Улиан словно считал ее цели, отправляя по своему личному ходу из города. Только благодаря ему она оказалась возле Черного Орла, и это было ничем иным, как знаком к действию.

Встреча с принцессами и Ларсом на порядок отдалила ее от осуществления задуманного, а внезапное воскрешение и примирение с бывшим врагом и вовсе заставили отказаться от прежней мести, но разве то, что она оказалась здесь, не знак?

Вилорм куда-то собирался. Весь Черный Орел сейчас всполошился по случаю его отъезда, и пробраться внутрь сейчас не стоило ничего. Вот только закончатся проводы, она проникнет в замок и дождетя его. И после их встречи в живых останется лишь один. И, несомненно, это будет она.

Хотя, конечно, можно все осуществить прямо сейчас. Слишком много суеты и шума вокруг отъезжающих, слишком мало защиты. Вот только бы занять удобную позицию для выстрела...

Анна огляделась. Позади – весь лес, ее дом; впереди – враг. Он заплатит за прошлое, она отомстит за обиды, за побои и глупые надежды, коими он смел питать ее и разбить в одночасье. Он не должен жить за то, что она теперь... *такая*.

По счастливой случайности в ночь пожара его не оказалось в таверне. Завсегдатай, главный весельчак и званый гость, приносивший основную прибыль дядюшке, как будто почувствовал опасность. Полыхало все, горели его верные воины, горел продажный дядюшка, променявший родню на звон монет. Все попали в ее западню тогда, и лишь поэтому ее месть осуществилась. Но до сих пор она не была завершена. Так не это ли удачная возможность, какую она ждала с тех самых пор?

И все же, бой лицом к лицу будет лучшим сведением счетов с давним врагом. Выстрел может лишь ранить правителя, всполошится стража, и тогда уже точно путь к замку будет

закрыт. А внутри еще незавершенное дело. Она обещала безутешной Мираэнн вернуть дочь из плена, и только поэтому ей нужно проникнуть внутрь.

Анна прошлась вдоль линии леса, глядя себе под ноги. Здесь никого. Еще пару минут, и стоит продвигаться. Обычно пост стражи Черного Орла располагался на окраине леса, сегодня здесь пусто, но с отъездом правителя сюда могут вернуться стражники, и поэтому медлить не стоит.

Она прошлась еще по кромке, изредка поглядывая в сторону источника шума. Сухие листья, редкие коряги попадались под ногами, ветер разговаривал с деревьями, и Анна позволяла ему подгонять себя. Так, ведомая его порывами, колющими мыслями о мести и видимой уязвимостью врага, она обогнула линию леса. Повозка с лошадьми и суетливыми слугами оказались теперь повернутыми к ней спиной. Что ж, даже лучше. Так она меньше привлечет внимания, когда будет сближаться.

Пять лет прошло с момента поджога, пять лет она вынашивала план мести Вилорму, и сегодня этот день настал. Сегодня все случится. Словно вернувшись в прошлое, в день, что пять лет назад оставил Вилорму жизнь, Анна вновь готовила рывок. Теперь все пройдет иначе. Теперь ей не нужен никто, кроме него, остальные уже поплатились за прошлое, но теперь ее ждет Айрена. Невозможно допустить, чтобы жизнь врага оказалась дороже жизни юной воительницы. У Анны больше не было права на ошибку.

В тысячный раз остерегая себя от промаха, она осмотрелась. Никого. Вся суета сосредоточена на внутреннем дворе замка, граница леса пустовала, дозорные вышки покинуты. Слишком просто. Вилорм не может позволить рисковать своими людьми и замком, тем более во время своего отъезда. Кто угодно, но он не дурак. Он не может подпустить неприятеля настолько близко.

Что-то здесь не так. Если это ловушка, то для кого? Спугнуть бывалого воина непросто, но от недостатка врагов он не страдал. Тот же Ларс был достоин большего внимания, чем она, но Ларс никогда не хотел мстить.

Она так и не узнала, что за история с восстанием связывала их. За что боролся Ларс, противореча Вилорму? Теперь эта тайна не откроется ей, теперь их вновь разделяет пространство, но если ей удастся осуществить задуманное, она отомстит и за Ларса.

В отличие от нее, он так и не нашел своего приюта. Он бежал из Черного Орла, пытался найти свое призвание в Мирсуле, но и в нем не смог стать счастливым. Даже если он до сих пор там, это не его место.

Анна отошла от границы леса. Она должна была остаться с Ларсом, она жизнью обязана ему! Несмотря на прошлое и боль, которую он причинил ей, она дала слово следовать за ним.

От бессилия Анна зарычала. Она не сдержала обещание, она покинула Ларса и теперь чем могла помочь ему? Она вновь вернулась к мыслям о мести, но, кроме этого, она должна сдерживать слово, данное Мираэнн.

Анна бросила быстрый взгляд на сборы. Шум не утихал, время ускользало, как и благоприятный для маневра момент. Нужно идти. Нельзя больше терять времени. С отъездом Вилорма внутренний двор запрет решетка, возможности может не представиться. Она вздохнула. Один рывок, один незаметный выпад, и она внутри. Все пройдет гладко.

Анна закрыла глаза. Секунда, вторая, третья, едва уловимый шепот ветра вокруг нее и цель, доступная, как никогда прежде. Откинув все лишние мысли, Анна шагнула вперед, но внезапный трепет птиц заставил ее обернуться. Тревожная стая с криком покидала гнезда. К ее ногам полетели перья. Где-то совсем близко... но что спугнуло их?

– Эй!

За спиной послышался шорох, ладони плавно легли на рукояти мечей. Кто бы это ни был, он не станет препятствием на пути к цели. Шаги из леса приближались, но вряд ли говоривший

имел спутников – он замер в паре-тройке метров, тихое дыхание леса вновь наполнило округу. Враг один, можно побороться.

– Ты на прицеле! Повернись медленно и брось оружие!

Звук натягивающейся тетивы... значит, лучник? Или все-таки разведка? Неважно: если она уйдет с линии огня или навяжет драку, враг выстрелит, ее незаметность будет раскрыта, бороться придется куда с большей оравой противников. Нужно зайти вглубь леса и, по возможности, скорее вернуться на позицию. Оставлять следы крайне нежелательно, но если без лишней смерти не обойтись, так тому и быть.

Возле замка жалобно заржали лошади, и кучер суетливо принялся умирять беспокойных животных. Слуги возле повозки будто не обратили на него никакого внимания. Анна подняла пустые руки. Медленно, стараясь не выдавать себя движением, она развернулась лицом к говорившему и продвинулась на шаг вперед. Нужно отойти от кромки леса.

– Ни шагу ближе! – враг стрелять не собирался и отчего-то осторожничал. Анна мысленно выдохнула, пытаясь еще уловить происходящее за спиной, но в этот момент ее случайный враг показался из тени. – Что ты замышляешь?

И Анна расплылась в улыбке:

– Да я... видно, тебе на помощь пришла.

Перед ней стояла женщина. Голос ее был груб, черные волосы заплетены в тугую косу, сосредоточенный взгляд без смущения разглядывал Анну, и она до сих пор держала ее на прицеле – ошибки быть не могло, ее выследила амазонка. Смутные очертания выстраивали в памяти образ: определенно, она видела ее, но кем именно была эта женщина? Хаотичные воспоминания не могли собраться воедино.

Вопреки указу оставаться на месте, Анна все же подошла к ней. Амазонка нерешительно опустила лук и бросила на нее недоверчивый взгляд. Больше Анна не приближалась, и женщина подошла к ней сама.

– Госпожа Анна, – она упала на колени перед ней, словно в бессилии. Лук она швырнула в сторону и подняла глаза, словно искала отклик в ее взгляде, – вы пришли, вы... сдержали свое слово.

Мираэnn... ну, конечно, это она просила возле праздничного костра амазонок о благополучии дочери, и ей Анна давала обещание вернуть девушку из плена Черного Орла, вот только что-то не складывалось.

– Что случилось? – Анна уселась на землю рядом с амазонкой, та глянула за ее спину и бросила на нее беспокойный взгляд.

Анна повторила:

– Почему ты здесь?

– Вы... не успели, госпожа Анна, – она сделала глубокий вдох. – Моя девочка, моя милая Айрена... мертва.

– Я... сожалею, Мираэnn, – Анна в лице не изменилась. Если это так, с Вилормом можно покончить уже сейчас. – Ты поэтому здесь?

– Да! Да, моя госпожа. По злой насмешке судьбы я оказалась в Черном Орле, но я не пленница здесь, я свободна, и оттого не нахожу своего места.

– Я понимаю, – Анна поднялась. – Недаром мы встретились сегодня. Я пришла отомстить Вилорму. Мы можем объединить силы, можем напасть вместе. Вставай с колен, Мираэnn, нам не стоит терять время!

– Нет! Нет! – она замахала руками, словно в исступлении, и Анна попятилась. Мираэnn вскочила и схватила ее за предплечья. – Прощу вас, госпожа, – теперь она горячо шептала и не сводила с нее глаз, – нет вины Вилорма в моем несчастье, он был великодушен со мной, он не пленил меня и даровал свободу, я теперь не амазонка, я теперь не воин, я лишь... странствую и не могу найти свою дорогу.

Анна мысленно выругалась. С каждым новым словом мимо нее утекала прекрасная возможность мести, но Мираээн могла стать союзником в дальнейшем, и ее следовало выслушать.

– Хорошо, – Анна высвободила руки, – если Вилорм невиновен, тогда кто убийца?

– Это опасно! – глаза амазонки округлились, и она воскликнула. – Вы не должны мстить за меня, я должна сама... сама, – она всхлипнула и запрокинула голову. – Но я не смогу...

– Отвечай, Мираээн! И прекращай причитать! Мы вместе можем решить твою беду!

– Это Вероника, – Мираээн все так же разглядывала небо, и Анна бросила быстрый взгляд на выход из леса, – это все она! Она продала мою девочку, как рабыню, она заставила ее унижаться на Посвящении, а потом... потом... безжалостно убила на глазах у нашего врага. Ей нет оправдания, она жестока, она совсем далека от амазонок. Никто из нас не ведает, что у нее в голове, а мы лишь хотим жить!

Она отошла к дереву и прислонилась к стволу, ее голос стал безжизненным:

– За что мне все это? Почему моя главная ошибка в том, что я полюбила своего ребенка? Неужели я такая слабая, что не могу отпустить это, как сотни других амазонок?

Мираээн закрылась и разразилась рыданиями. Лошади возле замка все так же продолжали ржать, лишь поэтому ее не было слышно. Анна сжала кулаки. Остаться здесь стало небезопасно, а женщина так и требовала к себе внимания. Она еще видела сквозь редкие деревья силуэты собирающихся, слышала редкие голоса, но резко развернулась и, схватив амазонку за локоть, быстрыми шагами направилась вглубь леса.

Все, шанс упущен, месть не состоялась. Теперь неизвестно, когда она выследит его вновь, но сейчас нужно уходить.

– Идем, – Анна ощутила сопротивление и с силой дернула руку амазонки. – Нам следует поговорить. А перспектива быть пойманной стражей Черного Орла меня не впечатляет.

Мираээн подчинилась. Она прибавила шаг и теперь шла рядом. И теперь лес шумел. Ветреная осень заявляла о своем высокомерном нраве порывами и хороводами листвы. Чем глубже они заходили, тем сильнее становились его безумства. Если оставаться здесь на зиму, нужен новый дом, об участии старого Анна старалась не думать – наверняка он выпотрошен до корней воинами Вилорма. Но сейчас им нужно было лишь временное пристанище для разговора, и, отойдя на безопасное расстояние от границы леса, они устроились между деревьями на двух высоких пнях. Анна проследила за стаей птиц, покинувших гнезда с их появлением и, заранее наметив обед, кивнула Мираээн:

– Садись, потолкуем.

Амазонка устроилась напротив и начала на выдохе:

– Я благодарна вам за участие, Анна, но если вы пойдете в лагерь, здесь я вам не помощник. Мне проще умереть, чем вернуться.

– Зачем мне в лагерь? – Анна усмехнулась. – Вероника – моя подруга, она спасала меня не раз, и тебе это известно. Сейчас у каждой из нас своя жизнь, и я не намерена вмешиваться.

– Амазонки любят вас! Вам есть куда возвращаться.

– У амазонок есть королева, какая бы она ни была.

– Она жестока и несправедлива!

Анна закатила глаза. Вероятно, она просчиталась, сделав выбор в пользу разговора с Мираээн.

– Уверена, у нее были причины поступать именно так. Бремя королевы требует жертв, и Вероника за свою жизнь понесла их сполна.

– Если бы вы убили ее тогда...

– Твоя дочь сказала мне то же, – Анна глянула на нее в упор. – Но где гарантия, что после ее смерти ваша жизнь стала бы легче? Я никогда не стремилась в королевы.

– Наша жизнь не стала бы легче, но тогда я не потеряла бы дочь! – Мираэnn воскликнула и даже несколько надулась, что ей приходится объяснять такие простые вещи, но Анна лишь улыбнулась:

– Не будем об этом, Мираэnn. Это пустой разговор о том, чего не было. Если ты не возражаешь, я бы предпочла вернуться к Черному Орлу, чтобы свершить то, что начала пять лет назад, – Анна поднялась, но амазонка вскочила:

– Но я знаю, что было! И я расскажу вам! – она преградила ей путь. – Можете не верить, дело ваше. Мой долг предостеречь вас.

– Хорошо, Мираэnn, – с выдохом Анна уселась обратно, – я слушаю тебя.

– После того, как мы проводили вас к горам, нам пришлось принять бой от воинов Вилорма. Они окружили нас, и шансов выжить не было ни у кого. Но меня... они почему-то оставили в живых. Они схватили меня и забрали с собой в замок, но тем же вечером вывезли в лес. Человек десять их было, не больше. Я думала, что не пережить мне эту ночь, но, видите, я до сих пор перед вами, – она усмехнулась, но какой-то горькой вышла эта усмешка. – В ту ночь я последний раз видела свою дочь... и Веронику.

На миг она замолчала, и Анна нахмурилась. Пытаясь состыковать мысли, она поднялась и теперь устала в одну точку. Мираэnn продолжала:

– Мы шли по лесу, но он, как будто чужой был, незнакомый. Меня вели несколько человек из свиты Вилорма, а он сам возглавлял этот поход. Я думала, это ночная вылазка на окрестности замка, но терялась в догадках, зачем им я. Мне завязали глаза, я шла медленно и, когда спотыкалась, меня били, но чем дальше, тем безразличнее мне становилась моя судьба.

Мираэnn медленно стала расхаживать по поляне, Анна теперь не отрываясь следила за каждым ее шагом, и тогда амазонка продолжала:

– На какое-то время мы остановились, а после... я услышала голоса. Мне послышалось, что говорит моя девочка, но я не могла этому верить. Ей отвечала Вероника, а потом с ней заговорил Вилорм. Я не видела, что происходит, но слышала, как перешептываются его воины, что они не ведают, зачем сегодня они убивали нас, зачем вели слежку столько лет, чтобы сегодня... смотреть, как их правитель обезумел от страсти к королеве амазонок! – она повернулась к Анне, словно хотела видеть ее реакцию, но она молчала. К горлу подступал ком, мысли замерли, Мираэnn продолжала:

– Сначала я не верила, потом думала, что это уловка амазонок, чтобы покончить с врагом, настраивала себя на бой, но все вышло иначе. Меня вдруг повели куда-то, голоса приближались. Но когда мы остановились, и с моих глаз сорвали повязку, я увидела мою девочку, мне стало все равно, с кем спит моя королева, кого предает и с кем ведет войну. Я решила, что сегодня все вернется назад, и мы вместе вернемся в лагерь. Но вместо этого на моих глазах Вероника убила Айрену! Я хотела броситься на нее, не думать о своей участи, но ее защищали воины Вилорма, они выполняли ее приказы, а сам Вилорм стоял безучастный, будто и не замешан в этом ужасном заговоре! Лишь после того, как меня увели, они заговорили вновь, он просил ее о союзе, но я не слушала и кричала, только кричала...

Она отвернулась. Лес тоже притих, как будто внемлил, и Анна подошла к ней сама:

– Говори, что было дальше, Мираэnn.

– Мы ушли, они остались, – ее голос стал бесцветным. – Вилорм прогнал своих воинов, чтобы быть с ней наедине... неважно, – она поморщилась. Анна сама ощутила, как подступает приступ рвоты, и силы уходят вместе с верой, и глаза накрывает пелена.

– Но после... наверное, дня три прошло с тех пор, а может быть, и больше, но не было еще известия о смерти Гурия, меня вывели из темницы, привели к Вилорму, он накормил меня ужином, напоил сладким вином и... отпустил. Сказал, что ему неважно, что я буду делать, и он прав! Кто я теперь? Куда мне идти?

– Он... что-то говорил, – Анна схватилась за горло. Воздуха отчаянно не хватало, – что-то говорил о Веронике?

Мираэни повернулась. Наверное, в ней Анна видела сейчас свое отражение: бледное лицо беспомощной, потерянной девчонки с увядшими глазами. Она как будто прошла весь свой путь только что и вернулась к началу. Теперь она снова была одна.

– Он сказал, чтобы я не держала зла на нее, что это ее натура, и с ней ничего не поделать. Сказал, что все, что она делала когда-либо, она делала ради амазонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.